

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

№4 (12) 2019

В НОМЕРЕ:

Психологические науки

Педагогические науки

Социологические науки

Журнал зарегистрирован в
Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средствам
массовой коммуникации

Свидетельство о регистрации

Эл № ФС77-64254 от 25 декабря
2015 года

Над выпуском работали

Паршина Ю.С.

Макаревич Е.В.

Адрес редакции:

141070, Королев,

Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

20.12.2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

И.В. БАКОВ

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В
ОРГАНИЗАЦИЯХ.....3**

А.В. ГАВРИЛЕНКО

КАТЕГОРИЯ ТРУДА В ЯВЛЕНИИ САМОЗАНЯТОСТИ.....12

М.П.КЮРЕГЯН

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....19**

К.В. ЛАПШИНОВА, АА. ПОДОЛЬСКАЯ

**ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К
РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ, ИМЕВШИМ
МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ В XX ВЕКЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....27**

ПСИХОЛОГИЯ

У.А. КОГТЕВА, Е.В. КОГТЕВА

**ВОСПРИЯТИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА УНИВЕРСИТЕТА УЧА-
СТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РАЗРЕЗЕ
ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ.....35**

Н.А. ЛОБАНОВА, Ю.Н. КАЗАКОВ

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ У ДЕТЕЙ
С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЧЕРЕЗ
СОЗДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ТВОРЧЕСТВА44**

ПЕДАГОГИКА

Т.Н. АРХИПОВА

ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЫХ ДИЗАЙНЕРОВ В ПРОФЕССИЮ.....53

А.Б. ДЕМЕНКОВА, И.В. ХРИСТОФОРОВА

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....59**

В.В. ДОБРЫНИН, О.Н. БОРИСОВА

**СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.....66**

Н.Г. ДУМИЦКАЯ

**ОСНОВА ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПО
НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ – ПРОСТРАНСТВЕННОЕ
МЫШЛЕНИЕ.....76**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилина Татьяна Юрьевна,
доктор соц.н., профессор, заведующий
кафедрой гуманитарных и социальных
дисциплин
«МГОТУ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Барков Сергей Александрович, д.соц.н.,
профессор
Басманова Нина Ивановна, к.псих.н.доцент
Бузмакова Тамара Ивановна, к.пед.н.,
доцент
Гайдабрус Наталья Викторовна, к.фс.н.
Долгорукова Ирина Владимировна, д.соц.н.,
доцент
Казаков Юрий Николаевич, д. мед. н.,
профессор
Капранова Марина Валерьевна, к.псих.н.
Ковалев Вячеслав Григорьевич, к.пед.н.
Красикова Тамара Ивановна, к. филол. н.,
профессор
Лапшинова Кира Викторовна, к.соц.н., до-
цент
Ларионов Алексей Эдиславович, к.и.н., до-
цент
Магомедов Керем Османович, д.соц.н.,
профессор
Морозюк Светлана Николаевна, д.псих.н.,
доцент
Морозюк Юрий Витальевич, д.псих.н.,
профессор
Романов Петр Сергеевич, д. пед.н., доцент
Старцева Татьяна Евгеньевна, д.пед.н.,
профессор
Флоря Василий Михайлович, д.соц.н.,
профессор

Т.И. КРАСИКОВА
ОМОНИМИЧНЫЙ РЯД И ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В
НЁМ В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА.....83

А.Э.ЛАРИОНОВ, А.В. НОВИЧКОВ
ПОНЯТИЯ-СИМУЛЯКРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ.....90

Т.О. СЕРОВА
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ.....105

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

И.В. Баков, аспирант {Социологические науки}
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В статье исследуются основные зарубежные подходы к анализу технологий управления персоналом как особого явления сферы управления. К важнейшим зарубежным направлениям относятся: американский, западноевропейский, японский и китайский опыт управления персоналом. Автор отмечает, что анализ зарубежных подходов к управлению персоналом является важным элементом в понимании современных процессов развития управления персоналом в российских организациях.

Управление персоналом, технологии управления персоналом, концепции управления персоналом, опыт управления персоналом.

FOREIGN EXPERIENCE OF THE PERSONNEL MANAGEMENT

I.V. Bakov, PhD student {Sociology}
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

This article is considering the basic foreign approaches to the analysis of personnel management techniques as a special feature of the management. The main foreign approaches for personnel management are American, Western European, Japanese and Chinese. The author points out that the consideration of the foreign personnel management approaches is significant part in understanding of the development of modern personnel management processes in the Russian organizations.

Personnel management, personnel management technologies, personnel management approaches, personnel management experience.

Процессы управления персоналом составляют важный элемент в функционировании организаций независимо от их размеров и стоящих перед ними целями. В условиях современного мира, пронизанного процессами глобализации и цифровизации, важным является рассмотрение основных особенностей в области развития технологий управления персоналом в различных странах. Одним из наиболее значимых процессов последних лет является объединение воззрений системного подхода и разработка большого количества концепций, согласно которым организация рассматривается в качестве системы.

Россия, пройдя специфическое развитие в XX веке вдали от капитализма и рыночной системы, теперь является элементом глобальной системы международных капиталистических и отношений. За достаточно короткий постсоветский период в нашей стране сложилась устойчивая система организационных связей, базирующихся на рыночной, конкурентной среде и капитализме. Являясь одним из крупнейших ключевых игроков в современной мировой экономике, Россия, помимо большого числа российских компаний (преимущественно в сырьевой сфере), имеет значимую долю международных компаний. Последние характеризуются своими специфическими подходами к построению и ведению бизнеса, организационными процедурами, иерархиями свя-

зей, принятия решений и управления, а также собственными методами в области управления персоналом [3].

В практике управления персоналом четко прослеживается взаимосвязь различных моделей. На наш взгляд, наиболее ценным является рассмотрение трех групп зарубежных подходов в управлении персоналом: американских (традиционно американская экономика занимает первое место в мире по размеру, а число американских компаний на мировых рынках остается крайне высоким), западноевропейских (основоположники капиталистической системы, лидирующее место по количеству компаний в различных областях мировой экономики) и японских (является одной из крупнейших экономик, особенно в сфере инноваций, автомобилестроения, электро- и приборостроения, телекоммуникаций и ИТ). В этом заключается процесс интернационализации современного менеджмента.

Соединенные Штаты Америки являются одним из самых молодых, но при этом наиболее экономически развитым государством в мире. Исторически, их экономику характеризует капитализм и рыночный характер. Наиболее крупными американскими компаниями являются: JPMorgan Chase (банковские и финансовые услуги), General Electric (машиностроение), ExxonMobil (нефть, газ, энергетика), Berkshire Hathaway (инвестиции и финансы) и Citigroup (банковские и финансовые услуги).

Характерной особенностью американских взглядов на менеджмент в организации является опора на модели «должности», основанной на профессиональных качествах и высокой квалификации. Сотрудники, более качественно отвечающие требованиям «должности», рассматриваются как наиболее подходящие под те или иные требования. Важной особенностью управления персоналом в организациях США считается то, что работники рассматриваются как жизненно необходимый ресурс развития производительности процесса и его эффективности [1, с.91-92].

Американский сектор трудовых ресурсов традиционно выделяет нацеленность на индивидуальные ценности и результаты работы, при этом, деятельность по управлению включает в себя механизм в первую очередь индивидуальной ответственности, а результаты работы находят свое выражение не в коллективной оценке, а в индивидуальной. Формирование рабочих целей заключается в количественном выражении и имеет краткосрочный характер. В большинстве случаев ответственность за принятие управленческие решения, а также их реализацию лежит на конкретных лицах.

Определяющими критериями поиска персонала в американские компании является прикладной опыт работы, психоэмоциональная «похожесть» с другими участниками рабочего процесса и уровень образования. Ориентация при обучении и развитии от инженеров до менеджеров – на «точечную» специализацию в конкретной сфере и высокий уровень профессионализма.

Как мелкие, так и крупные предприятия США характеризует практика быстрого входа и выхода из организации, в основе которой лежит упрощенный процесс работы с персоналом, при котором работник может быть легко освобожден со своей позиции или перемещен в другой сектор, если перед компанией стоит такая необходимость.

Основа HR-политики в области подбора персонала в Соединенных Штатах – это принцип индивидуализма. При подборе персонала компании склоняются к более харизматичным и ярким личностям, которые способны креативно и оригинально достигать стоящие перед ними цели и задачи, а также создавать новые идеи и решать нестандартные проблемы, которые будут приносить их компании значительную пользу [1, с.93]. С целью качественного исполнения стоящих задач, в перечень обязанностей менеджеров по работе с персоналом в США включают адаптацию, организацию, координацию, контроль и оценку работы персонала.

В число основных кадровых процессов в компаниях и корпорациях традиционно входит [9, с.39]:

1. Отбор претендентов и подбор персонала.

2. Установление размера вознаграждения (зароботной платы) и дополнительных бонусов (KPI, социальный пакет).
3. ПрофорIENTATION и адаптация персонала на новом месте.
4. Обучение и развитие персонала.
5. Оценка результатов труда персонала.
6. Мобильность персонала внутри отделов/организации в целом.
7. Подготовка кадрового резерва, в том числе и руководящих кадров.
8. Оценка работы специалистов, руководящего состава, отделов в целом.

Отличительными особенностями условий труда в американских компаниях является поворот к более мобильным схемам оплаты работы и формирования рабочего времени, разнообразный спектр возможных профессий, объединение от университетских ученых до простых инженеров и даже менеджеров в гибкие объединенные проектные коллективы, применение подхода AGILE в проектном менеджменте, оптимизация производства и сокращение количества административного и обслуживающего персонала.

Можно выделить несколько проблем в сфере управления персоналом в американских компаниях. Одной из наиболее значимых можно назвать наличие крупных мультинациональных корпораций, в которых важным фактором, оказывающим большое влияние на повышение производительности труда, является социально-психологический климат в коллективе компании. Вследствие этого, задачей управления персоналом в американских компаниях, среди которых большую часть насчитывают именно мультинациональные корпорации, является совершенствование инструментов, способствующих адаптации персонала в иерархии различных функционирующих в трудовом коллективе групп, а также консолидации коллектива и предотвращению возможных конфликтов [2, с.81].

Другой немаловажной проблемой в области американского управления персоналом является разнообразие рабочей силы. В условиях исторически законодательно запрещенной дискриминации занятости трансформировалась сама система и процедура найма персонала, которая одной из первых допустила к найму на работу несовершеннолетних и женщин, которые стали одной из наиболее быстрорастущих частей в рабочей силе. Кроме этого, в связи с процессами высокой миграции в США и небольшой рождаемостью, ставших результатом глобализации, латиноамериканские, азиатские и иные эмигранты стали добиваться трудоустройства в стране.

Потенциальной проблемой является и дифференциация между старшим и младшим поколениями работников. Для подготовки более молодого поколения американских работников характерны низкий уровень опыта и необходимой квалификации, которые требуются для осуществления различных видов работ. Это, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на эффективность функционирования компаний, которые терпят большие потери в результате осуществления работ более низкого уровня и производительности, что вызывает большой рост числа претензий от пользователей услуг компаний. Вследствие этого компании вынуждены нести значительные затраты на обучение и образование своих сотрудников с целью повышения из профессионализма, квалификации и качества работы.

Американская система по работе с персоналом включает в себя анкетирования, различные тесты и процедуры ассессмента на всех этапах работы сотрудников в компании (начиная от приема на работу, мобильности внутри компании, и заканчивая выходом сотрудника из компании). Среди большинства компаний ценятся кадры, обладающие неординарным мышлением и складом ума, стрессоустойчивостью и способностью самостоятельно принимать важные управленческие решения и генерировать новаторские идеи, которые обеспечат устойчивость компании в конкурентной рыночной среде [1, с.92].

Значительную роль в мировой сфере труда играют европейские компании. Их роль заключается в том, чтобы всё более оптимизировать практики управленческого процесса в странах Евросоюза. Благодаря этому, концепция коллективного выдвижения и утверждения решений уже

работает в большем числе стран Европы. Крупнейшими западноевропейскими компаниями являются: Royal Dutch Shell (Нидерланды, нефть, газ, энергетика), Volkswagen Group (Германия, автомобилестроение), HSBC Holdings (Великобритания, банковские и финансовые услуги), Allianz (Германия, страхование) и BP (Великобритания, нефть, газ, энергетика).

Несмотря на единство большинства законов, касающихся управления человеческими ресурсами на территории Европейского союза (охрана труда, гарантии занятости, компенсации и льготы), существуют специфические законодательные особенности и устои ведения бизнес-процессов каждой конкретной страны. Наиболее яркими различиями можно назвать процессы в сфере найма и освобождения от работы персонала, утверждения отпусков [4, с.211]. Кроме этого, различаются и сроки принятия тех или иных кадровых решений (например, сроки уведомления об отпуске, об увольнении и т.д.), а также процедуры и объемы компенсаций за противозаконное прекращение контрактов о трудоустройстве.

В качестве примера можно привести Францию и Бельгию, где законом карается применение рекламных кампаний в прессе, нацеленных на скрытое продвижение компании (несмотря на то, что рекламируемые «открытые» позиции могут попросту не существовать). Помимо этого, во Франции при подборе персонала нельзя упоминать максимально допустимый возраст кандидатов, нарушение чего будет караться штрафами проверяющих организаций. Информация, содержащаяся в анкете кандидата, претендующего на вакантную должность, не имеет права включать в себя пункты про вероисповедование и приверженность конфессиям, про членство в профсоюзах, политические предпочтения и семейный статус.

Способы подбора кадров в компаниях Германии обычно первоначально утверждаются менеджерским составом, либо у линейного руководства, или же советом предприятий в условиях федеральной законодательной системы. На законодательном уровне закреплено и то, что кандидаты на вакантную должность обладают правом на тайну личной жизни, правом на уважительное отношение, компенсацию затрат на прохождение собеседования (в случае трансфера), а также право на защиту от провокационных и неудобных вопросов (например, о конфессии, политической ориентации и семейном статусе).

В итальянских организациях подбор кадров ведется в полном соответствии с действующим Рабочим уставом, не допускающим вопросы о политических взглядах, участии в профсоюзных организациях и семейном статусе. Похожим образом испанские законы дают кандидатом гарантии на свободу от вторжения в личную жизнь, особенно со стороны компаний при процессе рекрутмента. В полномочия государственной службы занятости входит защита населения от публикации компаниями в прессе вакантных должностей, включающих в себя информацию о половой принадлежности требуемых на должность кандидатов.

Действующий в Бельгии национальный коллективный договор между профсоюзными организациями и ассоциациями работодателей обеспечивает защиту от вмешательства в частную жизнь кандидатов на вакантные должности со стороны компаний. Вне закона находятся вопросы, затрагивающие семейный статус и ориентацию кандидатов. Все персональные данные кандидатов, участвовавших в конкурсе на свободное рабочее место, но не прошедших отбор, должны быть им возвращены и не могут использоваться работодателями ни в каком виде, в том числе и с целью подготовки общей статистики.

Демократия на производстве, обеспечивающая равноправное участие рабочих в определении процессов и задач организации, характеризует большую часть западноевропейских организаций. Среди данных стран, наиболее удачным и развитым примером является Германия, впитавшая в себя плюрализм во всех бизнес-процессах организации, полной открытости к организации рабочего процесса, а также готовности рассматривать новые предложения и их имплементировать. Кроме этого, в Германии хорошо развито профсоюзное движение, различные рабочие и наблюдательные советы и исполнительные комитеты. Государственный и частный сектор включают в себя рабочие советы организаций различных сфер экономики, участники которых утверждаются тру-

довыми коллективами компаний. Их участие основывается не на профсоюзном опыте, а в ходе утверждения значительная роль выделена их персональным характеристикам и рабочему опыту. Право на консультирование организаций по наиболее приоритетным аспектам их функционирования, право на коллективное определение политики по бизнес- и кадровым процессам совместно с организациями, право требовать и получать любую информацию о текущем положении дел компаний и планах ее развития – это то, что выделяет рабочие советы и делает их достаточно могущественными в трудовой сфере Германии.

Состав наблюдательного совета может насчитывать до 50% наемных рабочих, в значимости от сферы. Также наблюдательный совет имеет право выдвигать и утверждать участников исполнительного комитета и отменять действия принятых им решений. В состав исполнительного комитета в обязательном порядке входят руководители организаций по трудовым процессам [4, с. 147]. Они, представляющие рабочих, в том числе и в должности по кадрам, имеют возможность быть выбранными лишь двумя третями избирателей, среди которых члены наблюдательного совета.

Немецкую систему управления персоналом отличает высокий уровень правовой организации отношений и законности. Высокий уровень бюрократии отмечается в большом количестве различных документов и письменных соглашений, регулирующих любые взаимоотношения между компанией и сотрудниками. В последние годы предпринимаются шаги по сближению национальных трудовых законодательств стран Европы.

Система управления персоналом Японии исключительно отличается, как от американской и европейской систем, так, и от российской. В первую очередь, это обусловлено специфичным менталитетом сотрудников. К самым крупным компаниям Японии относятся: Toyota Motor (автомобилестроение), Mitsubishi (автомобилестроение), Honda Motor (автомобилестроение), Japan Post Holdings (почтовые, банковские и страховые услуги) и Nippon Telegraph & Telephone (телекоммуникации).

Для японской корпоративной культуры и кадровой политики характерны: сильный корпоративный дух, практически полное отсутствие конфликтных ситуаций, сплоченность коллектива и слаженность работы. Отчасти это объясняется тем, что подавляющее большинство населения Японии – японцы, что позволяет избежать межкультурных конфликтов.

Исторически японское управление персоналом базируется на процессе «пожизненного найма». Он предполагает «привязанность» работника к одной компании на протяжении практически всей его трудовой карьеры, однако это не означает, что сотрудник стоит на одном месте – он имеет все возможности осуществлять мобильность в карьерной иерархии внутри одной организации [8, с.5]. На старте своей карьеры начинающий японский специалист всегда начинает «с низов», то есть, с самой низшей должности, и это никак не коррелирует с имеющимся образованием (средняя школа и престижнейший вуз) или с nepoтизмом. Однако данный сотрудник не останется на этой должности всю свою профессиональную карьеру – уже через пару лет он гарантированно продвинется в иерархии организации. Упомянутый старт «с низов» обосновывается тем, что паратройка лет на достаточно рутинной, начальной позиции никак не отразится на знаниях специалиста (он их не успеет утратить), так как он будет работать в схожей с его образованием сфере и не сможет не пересекаться с полученными им знаниями. «Старт с низов» позволит японскому начинающему специалисту получить знания по функционированию организации на самых низших уровнях, что, безусловно, будет полезно при дальнейшей работе этого специалиста, а особенно, когда он займет крупную руководящую должность.

Японская система очень специфична при увольнении сотрудника из организации, поскольку это становится довольно тяжелым случаем для сотрудника – получить новую работу в другой организации можно лишь на низкой должности с соответствующим уровнем оплаты труда и без каких-либо перспектив вертикальной мобильности внутри компании – все это является очень суровым наказанием для работника. Ко всему прочему, такие сотрудники, сменившие свое место ра-

боты однажды, впоследствии являются первоочередными претендентами на сокращение при наличии такой необходимости (например, по экономическому принципу).

В последние десятилетия данная система уходит в прошлое, что обуславливается японским экономическим кризисом в 80-х гг. XX века, сделавшим эту систему резко невыгодной для любых японских компаний, так как вынуждала обеспечивать широкий спектр специалистов, даже если необходимости в них у организации не было. Вместе с этим фактором, произошло изменение отношения работников к труду, сказавшееся на ориентации сотрудников на личностный рост и успех, самоутверждение, выразившееся в намерении найти новое рабочее место или даже начать собственный бизнес. В связи с этим, данная система стала заменяться на более современные концепции подбора кадров. Одна из них – не имеет общих черт с пожизненным наймом, а другие являются довольно новыми и базируются на иных положениях.

Новая концепция базируется на найме дополнительных сотрудников лишь при увеличении производства или расширении экономической сферы компании, ее рынка. В рамках этой системы нанимаемые работники не получают никаких гарантий, поскольку занятость таких сотрудников основана лишь на экономической целесообразности, а увольнение может случиться по любой из причин. Таким образом, в этой системе исключается традиционная «пожизненная» составляющая работы сотрудника в коллективе. В этих условиях организация получает неоспоримое преимущество и возможности быстрой оптимизации производства, путем перераспределения и сокращения кадров.

Другая концепция найма основывается на повторном приеме на работу уже ранее уволенных сотрудников, но уже на новых, выгодных для компании условиях. Эта система использовалась и ранее, но компании несли как материальные, так и моральные издержки перед своими уволенными и вновь принятыми сотрудниками. В современных условиях данный вид найма стал наиболее эффективным, потому что работники не получают со стороны работодателя никаких гарантий и обязательств. Множество сотрудников вынуждено возвращаться на сильно ощутимо худшие условия, в первую очередь в иерархическом плане и с точки зрения оплаты труда. Это, безусловно, выгодно компаниям, помогает им перераспределять значительные высвобождающиеся суммы оплаты труда, а сотрудники стимулированы работать с гораздо большей мотивацией, поскольку «возврат» в компанию воспринимается ими как жест милосердия со стороны работодателя, а сам факт увольнения заставляет их опасаться быть уволенными вновь.

Организации Японии обладают строгой иерархией должностей и ставок оплаты по ним, но должностные обязанности не имеют строгой классификации и привязанности к конкретным должностям, а попросту разделены между работниками разных уровней и должностей. Осуществление широкого спектра обязанностей и работ при взаимодействии сотрудников в зависимости от сложившейся рабочей ситуации заметно поощряется фирмами. Заработная плата учитывается в зависимости от индивидуальной оценки продуктивности отдельного сотрудника на основе множества критериев. Повышение (рост) заработной платы напрямую связан с выслугой лет, что является отличительной особенностью японской системы управления персоналом [9, с.55]. Кроме этого критерия существуют и другие, второстепенные критерии, а именно трудовой вклад в деятельность организации, успехи в обучении и повышении квалификации, умение успешно работать в трудовом коллективе. Значительный вклад в оценку данных критериев вносит руководитель оцениваемого. Это сильно выделяет японскую модель среди американской и европейской, где базовые оклады в каждой из сфер образуются преимущественно на основе спроса и предложения на рынке труда.

Оплата труда в японской системе отличается от остальных своей ориентацией на зависимость размера оплаты труда от профессионального стажа, что выражается во мнении, что после года работы в компании японец начинает трудиться больше и эффективнее. Служба мотивации компании, либо непосредственный руководитель принимают решение об увеличении заработной платы, причем это делается практически автоматически, на основании стажа. Отделы мотивации в

Японии – это достаточно комплексно ориентированные подразделения, которые разрабатывают эффективные системы труда на основе аналитики, связывая оплату труда со стажем, результатами работы, с жизненными пиками сотрудников.

Вышеупомянутая система «жизненных пиков» заслуживает отдельного внимания, поскольку она оказывает значимое влияние на многие HR-процессы в японских компаниях. Данных «пиков» в японской системе насчитывается около шести. В начале своего карьерного пути новоиспеченный японский специалист получает определенный законом минимум. Ближе к тридцати годам сотрудник женится (выходит замуж), что отражается на росте его заработной платы на основе действующего закона о традициях. После этого в японской семье происходит рождение ребенка (и соответственно следующий жизненный пик и увеличение заработной платы), приобретение жилья (и, как следствие, ипотечный кредит), период, связанный с выплатой определенной части кредита (это заработная плата подвергается индексации).

Если в европейских компаниях система оплаты труда руководящего состава (топ-менеджеров, директоров) имеет фиксированный оклад, а бонусная часть мотивации привязана к успешности компании (выплата бонуса зависит от выполнения корпоративных целей компанией), то в японских организациях принята система «гибких ставок». Первичные ставки оклада управляющих кадров в Японских компаниях варьируются в зависимости от темпов роста компании и стоимости ее товаров и услуг на рынке, а также других коммерческих показателей, за которые несет ответственность конкретный руководитель [5, с.1-3]. Причем данная особенность регулируется не на уровне законодательства, а локальными положениями об оплате труда компании. Также Японскую систему отличает жесткая зависимость оплаты труда работников от их фактических результатов работы (выполнение KPI).

Важная особенность японского управления – это трепетное и уважительное отношение к персоналу. На уровне устава компаний закреплено, что обычные сотрудники подвергаются увольнению лишь в исключительных ситуациях. В случае экономических кризисов компании топ-менеджмент компании рассматривает любые возможности по выходу из неблагоприятной финансовой ситуации, кроме увольнения штата предприятия. Считается, что рядовой сотрудник является главным богатством и капиталом компании.

Безотрывно от производства осуществляется обучение и тренировки персонала японских компаний, причем в большей степени обучение внутреннее (собственными силами), чем внешнее (сторонними фирмами). Важнейшей целью обучения является выработка требуемого данной конкретной компании набора навыков и компетенций. Знание продуктового портфолио компании, технологии производства, а также поставленных перед компанией целей является основной способности сотрудников выполнять широкий спектр производственных функций и профессионально решать распространенные производственные и управленческие задачи.

Для реализации цели обучения без отрыва от производства в японских организациях функционируют специальные отделы, существующие практически в каждой японской компании [4, с.2]. Кроме этого, в японских компаниях существуют системы наставничества, когда введение в рабочий процесс и последующее сопровождение новых сотрудников осуществляют опытные сотрудники – менторы или наставники.

Кроме внутреннего обучения без отрыва от производства, организации прибегают к обучению с отрывом от производства, как в своих учебных центрах, так и внешних. Во втором случае компании обращаются к множеству ассоциаций и центров, способствующих повышению эффективности производства и другим неправительственным организациям.

Результатом низкой текучести кадров, а также заботы руководителей о своих подчиненных в японских компаниях является хорошая рабочая атмосфера внутри коллективов, а также уверенность сотрудников в завтрашнем дне – и, как следствие, это отражается на продуктивности рабочей деятельности и на выполнении целевых показателей. Развитие именно своего персонала, а не ориентация на внешних, более опытных кандидатов, является отличительной особенностью япон-

ской кадровой политики организаций. Результатом всего этого является высокая лояльность сотрудников своей организации.

По итогам рассмотрения трех систем организации управления персоналом – американской, западноевропейской и японской, можно сделать вывод, что для них свойственны общие черты, но при этом их характеризуют и специфические особенности, делающие их уникальными.

Крупные международные компании играют важную роль на российском рынке труда. Они обеспечивают работой сотни тысяч россиян, а также интегрируют их в свою культуру, процессы, и правила. В 2019 году самыми крупными иностранными компаниями на российском рынке стали: Ашан (Франция), Метро Кэш энд Керри (Германия), Тойота Мотор (Япония), Фольксваген Груп (Германия), ДЖ.Т.И. Россия (Швейцария), Филип Моррис (Швейцария), ИКЕА (Швеция), Пепси-ко Холдингс (США), Ниссан Мэнуфэкчуринг Рус (Япония), Мерседес-Бенц (Германия) и Проктер энд гэмбл (США) [10].

Современный мир – это глобальное общество, что отражается во взаимопроникновении и взаимодополнении процессов, в том числе в области управления персоналом (процессы заимствуются и перенимаются от компании к компании, в том числе и через консалтинговые практики) [6, с.101-114]. Кроме этого, все крупные национальные компании давно стали международными и, соответственно, их культура и особенности процессов распространяются на многие страны мира и культуры. Таким образом, рассмотрение зарубежных практик управления персоналом является важным элементом в понимании и анализе инструментов управления персоналом в современных российских организациях.

Литература

1. Арлашкина Н.Н. Особенности управления персоналом в США: научная статья // Н.Н. Арлашкина, Н.В. Звягина // Проблемы и перспективы экономических отношений предприятий авиационного кластера, сборник материалов // Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет 2017. 90-93 с.
2. Архипова Н.И. Современные проблемы управления персоналом: монография // Н.И. Архипова, С.В. Назайкинский, О.Л. Седова; Российский государственный гуманитарный университет // Москва: Проспект. 2018. 160 с.
3. Афонин И.Д., Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г., Смирнов В.А. Социология управления: учебник для аспирантов // М. : Русайнс. 2016. 312 с.
4. Ершова Н.А. Современные технологии системы управления персоналом в бизнес-структурах: монография // Н.А. Ершова, Н.В. Сергеева; под ред. Н.А. Ершовой; Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт) // Москва: МИРБИС. 2014. 312 с.
5. Казарян И.Р. Обзор зарубежных моделей управления персоналом: научная статья // И.Р. Казарян, Е.К. Ткачук // Universum: Экономика и юриспруденция: Экономическая теория №7 (52) 2018. 3 с.
6. Маслов В.И. Стратегическое управление персоналом в условиях глобализации =Strategic Human Resource Management: Teaching Materials // В.И. Маслов; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет глобальных процессов // Москва; Берлин: Директ-Медиа. 2017. 156 с.
7. Оглоблин В.А. Стандарты системы управления персоналом: отечественный и зарубежный опыт создания и применения: научная статья // В.А. Оглоблин // Известия Иркутской государственной экономической академии № 3 // Иркутск. 2014. 8 с.
8. Чуланова О.Л. Методология исследования компетенций персонала организаций: монография // О.Л. Чуланова // М.: ИНФРА-М. 2015. 217 с.
9. Шапиро, С.А. Инновационные подходы к процессу управления персоналом организации: монография // С.А. Шапиро // Москва. Берлин: Директ-Медиа. 2015. 172 с.

10. 50 крупнейших иностранных компаний в России // Электронный журнал Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/rating/50-krupneishikh-inostrannykh-kompanii-v-rossii/2015>
– Дата обращения: 15.11.2019 г.

КАТЕГОРИЯ ТРУДА В ЯВЛЕНИИ САМОЗАНЯТОСТИ

А.В. Гавриленко, аспирант {Социологические науки}
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В статье рассматриваются исторически сложившиеся категории труда, взаимосвязь труда и свободы человека, и реализация свободы человека в явлении самозанятости. Труд рассматривается с точки зрения реализации свободы человека. Проанализированы такие аспекты данной проблемы, как понятие свободного труда, проблема досуга и творческого труда, проблема отчуждения труда и его продуктов.

Труд, категории труда, свобода труда, самозанятость

CATEGORY OF LABOR IN THE PHENOMENON OF SELF-EMPLOYMENT

A.V.Gavrilenko, PhD student {Sociology}
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article deals with the problem of historical categories of labor, relationship between labor and human freedom and realization human labor in the phenomenon of self-employment. It outlines such aspects of this problem like definition of labor freedom, problem of leisure and creative labor, alienation of labor problem.

Labor, categories of labor, labor freedom, self-employment

Процесс труда является центральным в социальной структуре. Именно поэтому трансформации, касающиеся всех элементов организации труда, занимают одно из первых мест среди изменений, которые существенно влияют на экономическую и общественную сферы современного общества, из-за чего меняются все процессы, которые протекают в нашей повседневной жизни, вплоть до производственных, экономических и социальных. Однако, прежде чем заострять своё внимание на культурно-трудовых изменениях общества, стоит рассмотреть труд и его категории как исторически сложившиеся продукты человеческого мышления [1].

Труд – это целенаправленная деятельность, задачей которой выступает производство и воспроизводство общественно полезных благ, то есть тех благ, которые потребляются обществом, а именно материальные и духовные [7, с. 12]. Выделяют следующие формы труда:

- биологическая форма труда. Характеризуется затратами разного рода энергии работников, например, физическая энергия, психологическая и некоторые исследователи выделяют психофизиологическую энергию;
- организационно-технологическая форма труда. Характеризуется, прежде всего, всевозможными контактами и взаимодействиями работника со средствами производства;

- организационно-экономическая или социальная форма труда. По аналогии с организационно-технологической формой труда, эта форма характеризуется взаимоотношениями человека как работника, но уже не со средствами производства, а с другими работниками.

Организовывая свою рабочую деятельность, человек приспособливает полезные свойства и вещества природы для удовлетворения собственных потребностей. Разумеется, в этом процессе труда происходит изменение не только природных условий, но и развитие, человека и его способностей. Что позволяет нам обозначить человека в процессе труда с двух позиций:

- организация производства (объект);
- взаимодействие с людьми (субъект).

Говоря о категориях труда, сначала следует разобраться с понятием «категории», которое ввел в оборот Аристотель. Это слово использовалось и до Аристотеля – оно встречается и у Платона, но именно Аристотель использовал это понятие в терминологическом ключе. Категория – философский термин, который выражает все существенные свойства предметов и их отношения с различными явлениями [9, с. 10]. Категория есть некий синтез, который возникает во время мыслительных процессов человека, общих свойств, различных связей и отношений явления, являющийся конкретным образом, который может быть описан путем высказывания умозаключений и суждений, выступающих как описания, характеристики и определения этого образа [16, с. 94]. Выделяют следующие категории труда: структуру труда, характерные особенности труда и задачи труда (рис. 1).

Рисунок 1 – Классификация видов труда

Структура труда – всё то, что составляет труд. Сюда относятся все элементы труда: формы труда, предметы труда, средства труда и типы производства [7, с. 9-11].

По содержанию труд делится на следующие виды:

1. Труд в отдельных сферах;
2. Отраслевой труд;
3. Труд по видам деятельности;
4. Профессиональный и специальный труд [9, с. 10].

Кроме этого выделяют труд, отличающийся по характеру труда, по средствам и способу производства и по трудовым условиям.

Характер труда – совокупность отношений между действующими лицами трудового процесса. Это сочетание всевозможных отношений, характеризуют отношение работника к труду, и влияющих на его уровень производительности (рис. 2).

Выделяют:

- предпринимательство – труд работника на самого себя. Как правило, работник имеет свой личный бизнес, с помощью которого он осуществляет трудовую деятельность с целью получения прибыли;
- наёмный труд – выполняемый согласно предварительно оговоренным условиям договора труд работника, продукт которого принадлежит нанимателю.

Помимо этого, различают коллективный и индивидуальный труд:

- коллективный труд характеризуется группой работников, которая работает для достижения общей цели;
- индивидуальный труд обусловлен независимой трудовой деятельностью [12, с.7].

Рисунок 2 – Характер труда

Функции труда как категория раскрывает формы воздействия труда на человека и природу. Выделяют следующие функции труда:

- социальную. Человек развивается в процессе общественного прогресса, науки и культуры;
- мировоззренческую. Человек формируется как личность в процессе трудовой деятельности, вместе с этим формируется и его взгляды на жизнь;
- созидательную. Человек участвует в процессе труда, производит общественные блага, целью которых является удовлетворение потребностей человека;
- общественную. Человек формирует общественное богатство и выступает субъектом развития общества в целом;
- свободотворческую [17, с. 49].

Разумеется, все функции труда переплетены в своем воздействии на окружающий мир. Труд развивает личность работника, который совершенствуется в процессе труда, приобретая всё новые знания и умения. Вместе с этим меняются и представления человека о мире. Человек социализируется, расширяет границы своей коммуникации, которая позволяет создавать новые связи с другими людьми. Помимо всего этого человек производит блага: материальные и нематериальные, которые в свою очередь призваны удовлетворить определенные потребности общества. Схематично эти взаимодействия продемонстрированы на рис. 3:

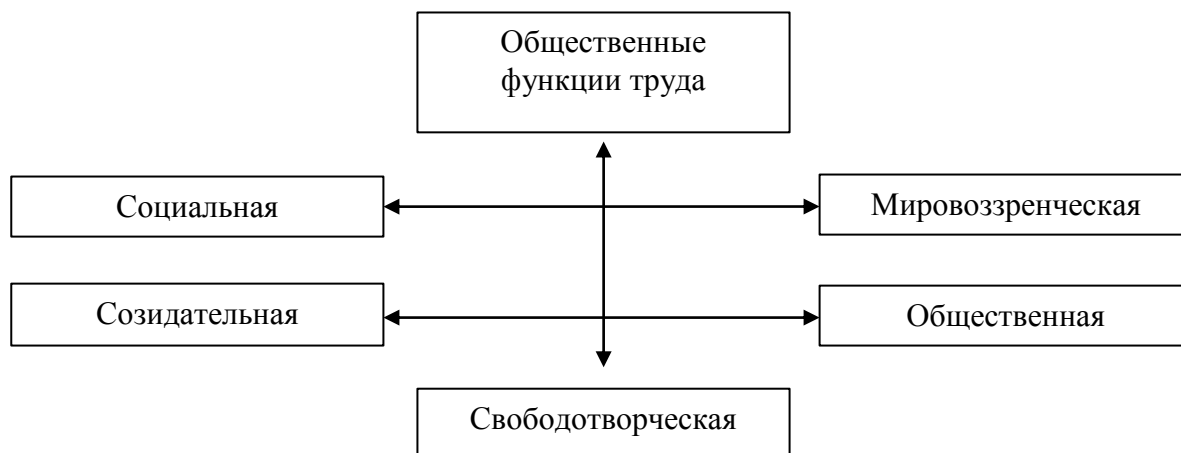

Рисунок 3 – Общественные функции труда

Появление в XIX-XX вв. новых способов коммуникации многие исследователи ознаменовывали главным двигателем процессов, которые изменяли привычное на тот момент общество [19, с. 38-39], а с появлением Интернета ситуация с общественными изменениями поменялась в корне: трансформировали не результаты изменений, а трансформировались направления этих изменений. Вместе с этими изменениями возникают и новые риски. М. Кастельс считал, что чем индивидуальнее будет становиться удаленное общение, которое осуществлялось посредством телевидения или радиопередачи, тем сложнее будет избежать социальной разобщенности. Выход во всей этой ситуации М. Кастельс видел в объединении людей в социальную сеть [16, с. 28]. Тем не менее, М. Кастельс считает, что информационно-технологическая революция влияет на организацию труда и занятость косвенно, а не прямо. Появление новых способов коммуникации меняют характер труда и занятости, сокращают необходимое количество времени для выпуска продукции, а не вызывают безработицу [2, с. 67].

Именно свободотворческая функция труда представляет особую ценность в условиях общественных изменений. Доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, автор ряда работ по философии и социологии труда Т.Ю. Сидорина рассматривает проблему соотношения свободы и труда сквозь призму представления о «конце труда». Это представление связано с процессами, происходящими в современном обществе, в частности, с переходом от индустриального к постиндустриальному способу производства и с развитием компьютерных технологий [15, с. 140].

Т.Ю. Сидорина отмечает, что эти процессы противоречивым образом повлияли на сферу труда и ее осмысление философами и социологами. С одной стороны, «сокращение рабочего дня, гибкий график работы, работа в домашних условиях», с другой – «патологическая зависимость от труда, который уже давно не просто средство для обеспечения насущных потребностей, а демидург, формирующий жизнь современного человека» [15, с. 140-141]. В этих условиях возникает вопрос о том, действительно ли труд становится все более свободным и творческим, действительно

ли мы наблюдаем «конец труда», и если да, то, что потом? Понятно, что о конце труда сегодня говорить не стоит, наоборот, человечество трудится на износ, но в сфере труда определенно происходят изменения, которые скажутся на том, как человек понимает самого себя, в чем он видит смысл своей жизни, к чему будет стремиться.

Население все чаще официальному трудоустройству предпочитает самозанятость или «фрилансерство» [4, с. 42], дающее большую экономическую и физическую свободу. Внешнеэкономическая политика и внутренние преобразования последних лет привели к тому, что существующие ранее проблемы на отечественном рынке труда еще больше усугубились, а достижение государством задачи по обеспечению высокой занятости населения – усложнилось. Текущая ситуация характеризуется недостаточно высоким уровнем занятости с одновременно невысоким уровнем регистрируемой безработицы вследствие развития «самозанятости» населения, как нового явления на отечественном рынке труда. Росту самозанятости населения в стране способствуют системные проблемы на рынке труда, а именно: недостаточный уровень спроса на труд, низкая оплата труда, неблагоприятные условия труда [2, с. 70].

Тем не менее, определение слов «самозанятый» и «фрилансер», несмотря на частоту их употребления, до сих пор обозначено не в полной мере, особенно в России, где это явление пусть и стремительно развивается, но еще недостаточно широко известно. Например, согласно данным Федеральной службы государственной статистики за сентябрь 2019 года, каждый пятый российский работник находится в неформальном секторе экономики. Почти 16 миллионов занятых из чуть более 70 миллионов занятых россиян трудятся «в тени», причем мужчин в неформальном секторе экономики больше, чем женщин [13]. Поэтому следует обратить свое внимание на значения этих понятий. Самозанятые – те, кто своим индивидуальным трудом сами для себя зарабатывают денежные средства без привлечения наёмных рабочих. К этой категории можно отнести, например, сиделок, репетиторов, водителей или визажистов. А фрилансер («free» (англ) – свободный, «lance» (англ) – бросающийся в атаку) является исключительно иностранным словом, которое было позаимствовано у англичан. В переводе фрилансер означает нечто среднее между свободным наемником и вольным рабочим [6, с.188].

Вопросов свободы людей, которые вовлечены в трудовую деятельность, касались многие ученые, в том числе Д. Пинк. В своей работе «Нация свободных агентов» он обращается к понятию «свободные агенты». Он считает, что свободным агентом в США является уже каждый четвертый американец. Каждый четвертый не ждёт зарплату и не ходит в офис [11, с. 71-88]. В.С. Харченко видит во всем этом некий новый стиль жизни фрилансера, который характеризуется особым отношением к традиционным ценностям жизни и ролевому поведению в современном обществе [16, с. 56-59].

Свобода выступает одним из основных факторов, который привлекает людей становиться самозанятым. Действительно, фриланс это не только способ организации трудовой деятельности с неоспоримыми экономическими преимуществами, это, прежде всего, способ организации жизненного пути. Именно так, поскольку самозанятый имеет возможность собственноручно распоряжаться своим индивидуальным временем. Самозанятый, когда нужно, занимается работой, когда хочет, встречается с родственниками и учится, вкладывает в себя, а все оставшееся время тратит на досуг и развлечения. Фриланс позволяет строить график работы с учетом личных биоритмов. Фрилансеры занимаются тем, чем хотят, там, где хотят и за те деньги, за которое хотят, правда, не всегда. Но рынок фриланса в некоторых местах несколько нестабилен. Действительно, даже если порог входа в самозанятость и фриланс достаточно низок, однако создание клиентской базу на фоне огромного числа конкурентов представляется по-настоящему сложным процессом. В некоторых случаях, зависящих от формы трудовой деятельности человека, полезным может оказаться обращение к фриланс-биржам. Они помогут с заказами и снизят шанс появления рискованных ситуаций в вашей трудовой деятельности [4, с. 206]. Но что делать работникам с такой формой тру-

довой деятельности, которая по тем или иным причинам не позволяет продвигать свои услуги через Интернет? Остается перебиваться непостоянными заработками от случая к случаю.

Как уже становится понятным, самозанятость и фриланс, как и любая форма трудовой деятельности, имеют свои положительные и отрицательные черты. Следующим из наиболее вероятных недостатков фриланса выступает отчужденность человека, прекращение близких отношений и скудная нормативно-правовая база. Из-за этих проблем заказчик и самозанятый могут столкнуться с неразрешимой проблемой некачественно выполненной работы [13, с. 238]. В последнее время ведется активная работа по выведению фрилансеров и самозанятых «из тени», путем введения налога на профессиональную деятельность, что, как нам кажется, только положительно скажется на условиях трудовой деятельности. Кроме этого, как отмечалось выше, в рискованных ситуациях спасает факт работы на биржах фриланса, которые оказывают посреднические услуги за символическую плату сверх основных затрат [4, с. 206]. Тем не менее, по данным за август 2019 года Федеральной налоговой службы, лишь около 160 тысяч человек зарегистрировались как самозанятые, к концу года эта цифра увеличится до 200 тысяч человек. Учитывая те данные, которые приводились выше, результаты эксперимента получается прискорбными: всего лишь 1% занятых вышли из неформального сектора экономики, что может свидетельствовать о неправильной работе с людьми, занятыми в неформальном секторе экономики. Многие эксперты считают, что положительный международный опыт в отказе от налогообложения самозанятых мог бы подтолкнуть людей регистрировать свой вид деятельности в налоговых органах, ведь для государства поступления от работающих на себя слишком незначительны.

Подводя итог, можно сказать, что самозанятость действительно новое явление, суть которого еще не до конца раскрыта как людьми, осуществляющими свою трудовую деятельность именно таким способом, так и государством, которое старается регулировать неформальный сектор экономики. Тем не менее, на фоне состояния традиционного рынка труда все большее количество людей заинтересованы в том, чтобы работать на себя. Даже при небольших минусах осуществления трудовой деятельности таким способом, которые обусловлены новизной этой формы труда, самозанятость имеет важный плюс, по сравнению с традиционной занятостью: свободное личное время. Как отмечалось выше, самозанятый имеет возможность собственноручно распоряжаться своим индивидуальным временем. Самозанятый, когда нужно, занимается работой, когда хочет, встречается с родственниками и учится, вкладывает в себя, а все оставшееся время тратит на досуг и развлечения. Однако проблема свободы и труда по-настоящему многогранна и обширна. Она вскрывает истоки других важных философских проблем труда. Размышляя о взаимосвязи свободы и труда, нельзя не коснуться проблем, связанных с развитием технологий и общества в целом. Необходимо четко понимать, что для нас значит техническое развитие – это органическая часть развития природы и человека, или же это что-то чуждое. На данный момент, не представляется возможным найти однозначный ответ и именно поэтому вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

1. Афонин И.Д., Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г., Смирнов В.А. Социология управления: учебник для аспирантов. М. : Русайнс, 2016. – 312 с.
2. Власова О.В. Тенденция развития самозанятости в регионах ЦФО // Некоммерческое Партнерство "Институт направленного образования" (Тольятти), 2019. № 1 (26). – С. 69-71
3. Жеребин В.М., Алексеева О.А., Ермакова Н.А. Интернет-занятость как новая форма трудоустройства населения // Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва), 2016. № 1 (71). – С. 67-78
4. Зайцев Д.В., Щелокова И.В. Виртуальная дистанционная занятость молодежи: социальное значение и прогноз // Овечкин Федор Юрьевич, 2016. № 9 (10). – С. 204-207

5. Замешаев Д. Фриланс как инструмент повышения эффективности медиабизнеса в условиях информационно-сетевой экономики // Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова (Москва), 2014. № 3. – С. 42-51
6. Исмаилов А.А. Феномен фриланса в контексте возрастающей ценности социального времени // Общество с ограниченной ответственностью "Наука и новые технологии" (Бишкек), 2014. № 2. – С. 188-192
7. Костюченко Т.Н. Экономика труда : учебное пособие / Т.Н. Костюченко, А.Р. Байчерова, Д.В. Сидорова. – Ставрополь : Ставропольский государственный аграрный университет, 2017. – 165 с.
8. Митрофанова И.А. Экономика труда: теория и практика : учебное пособие / И.А. Митрофанова, А.Б. Тлисов. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 148 с.
9. Обухович Н.В. Экономика и социология труда : учебное пособие : [16+] / Н.В. Обухович, М.А. Гильтман ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО Тюменский государственный университет, Институт дистанционного образования, Финансово-экономический институт. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2015. – 198 с.
10. Перерва П.Г., Погорелов Н.И., Дюжев В.Г. Экономика и организация труда [Электронный ресурс]. URL: http://repository.kpi.kharkov.ua/bitstream/KhPI-Press/30697/1/Pererva_Ekonomika_i_organizatsiya_truda_2006.pdf (дата обращения: 08.12.2019)
11. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. – М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. – 327 с.
12. Прока Н.И. Экономика труда в организациях АПК [Электронный ресурс]. URL: <https://instituciones.com/download/books/2464-ekonomika-truda-organizaciyax-apk-proka.html> (дата обращения: 08.12.2019)
13. Росстат сообщил о росте неформальной занятости в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/09/2019/5d6e74fb9a794709eeba4f8c> (дата обращения: 17.12.2019)
14. Рзаева С.В. Социальная сеть как категория социологического анализа: теоретическое представление и подходы к изучению // Алтайский государственный университет (Барнаул), 2014. № 2-1 (82). – С. 235-239
15. Сидорина Т.Ю. Особенности человеческой деятельности в современную эпоху. Чем занять человека? // Общественные науки и современность. 2014. № 3. – С. 140–150.
16. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Российская академия наук (Москва), 2014. № 4 (360). – С.54-63
17. Цифанова И.В. Экспликация понимания современности в теории информационного общества // Московский городской педагогический университет (Москва), 2018. № 3 (27). – С. 23-31
18. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Changli_Trud_1973.pdf (дата обращения: 08.12.2019)
19. Шалагина Е.В. К вопросу о новой когнитивной реальности // Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), 2014. № 2 – С. 37-41

УДК 316.44

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

М.П. Кюрегян, заместитель заведующего кафедрой иностранных языков,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Совершенствование системы управления человеческими ресурсами является актуальной задачей для любой отрасли. В данной статье рассматривается проблема эффективного использования потенциала сотрудников предприятий ракетно-космической промышленности (РКП). Анализ экспертного опроса, где респондентами выступили руководители разного уровня предприятий государственной корпорации «Роскосмос», позволяет сделать вывод о наличии гендерного конфликта, который препятствует реализации профессиональных потребностей, как мужчин, так и женщин.

Гендер, конфликт, гендерная асимметрия, мотивация

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF GENDER CONFLICT IN ENTERPRISES OF THE ROCKET
AND SPACE INDUSTRY**

M.P. Kyuregyan, Deputy head of the Department of foreign languages,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

Improving the human resources management system is an urgent problem in any industry. This article discusses the problem of the effective use of the employees potential of the rocket and space industry (RSI). An analysis of the expert survey, where respondents were managers of different levels of the state corporation Roscosmos enterprises, allows us to conclude that there is a gender conflict that hinders the realization of the professional needs of both men and women.

Gender, conflict, gender asymmetry, motivation

В настоящее время в современном российском обществе происходит трансформация управленческих отношений, что, соответственно, приводит к координальным изменениям в системе управления как в целом в стране, так и на отдельно взятом предприятии или организации. Данные условия создают возможность для проявления внутреннего потенциала и способности организации позитивно реагировать на эти изменения, для того чтобы не просто выжить, но и достойно двигаться вперед. Перед любой организацией в лице ее руководства, которая стремится быть успешной и конкурентоспособной в современных кризисных условиях рыночной экономики, стоит одна из важнейших задач – совершенствование системы управления человеческим капиталом данной организации. Основой грамотного решения этой проблемы является рациональная организация управления, которая способна обеспечить генерирование и эффективное использование потенциала человеческого ресурса. И это является стратегически важным направлением деятельности любой организации. А ключевую роль в этом процессе играет мотивация, которая позволяет понять потребности современного человека и принимать эффективные управленческие решения, ориентированные на долгосрочную перспективу и направленные на развитие каждого

сотрудника предприятия. Любой трудовой коллектив представлен двумя гендерными общностями: мужчинами и женщинами. Для того чтобы успешно решать производственные задачи важна их совместная и симметричная интеграция в трудовую деятельность предприятия. Тем не менее, несмотря на различные аргументы в поддержку гендерного равенства в современном российском обществе, стереотипы продолжают стоять на пути реализации женщинами своих профессиональных знаний и умений.

Рассматривая современное российское общество, необходимо учитывать существующую серьезную гендерную асимметрию в структуре его населения. В России женщин на 11 млн. больше, чем мужчин. Правительство Российской Федерации, утвердив 8 марта 2017 года Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017-2022 годы, в этом документе не декларирует лозунги, а дает объективную оценку состоянию «женского вопроса» в России. Прежде всего в нем говорится о низкой вовлеченности женщин в систему управления. Указывается на отсутствие равноценного представительства женщин в экономической сфере. Если в 2006 году доля женщин среди руководителей организаций различных форм собственности была 37,3 процента, то в 2015 году она снизилась до 32,7 процента. «Несмотря на то, что доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы и муниципальной службы, составляет 72,1 процента, только 25,3 процента – должности руководителей».

Женщины долго добивались своей социальной значимости и независимости. Мы уже привыкли к слову «эмансипация», и сегодня никого не удивляют женщины – врачи, политики, военные. На первый взгляд кажется, что в современном мире нет никаких препятствий, тем не менее только редкая женщина отважится принять решение о том, чтобы пойти в политику или стать директором крупного предприятия или компании. Проводя анализ управленческой мотивации на градообразующих предприятиях нашего города, удалось найти яркое подтверждение сказанному. Рассматривая вопрос гендерного неравенства на предприятиях РКП, автор приходит к выводу о том, что оно оказывало и, к сожалению, продолжает оказывать влияние на формирование норм и установок в данной корпоративной культуре, которые сдерживают ее современное развитие и тем самым снижают степень вовлеченности сотрудников.

Основной задачей нашего исследования было определить условия, создание которых позволило бы снять вопрос гендерного конфликта на предприятиях РКП. В историческом развитии любого общества можно найти много примеров конфликтов и определить их значимость для хода исторического процесса. И наше общество не является исключением. Как научное знание конфликтология появилась в Европе в середине XX века. В нашей стране она начала развиваться лишь в середине 1980-х гг. Этим отставанием в становлении конфликтологии в России ученые объясняют возникновение серьезных проблем в нашем обществе на рубеже тысячелетий. Наше научное общество не владело на том этапе соответствующими знаниями и инструментарием для своевременного диагностирования многих конфликтов. История формирования теории социального конфликта в социологии связана с именами К.Маркса и М.Вебера. Наиболее подробно данная теория разработана в работах немецко-британского социолога Ральфа Дарендорфа «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1957). Он критикует структурно-функциональную теорию Т.Парсона, который принимает общество как устойчивую, интегрированную и стабильную структуру. Дарендорф представлял конфликтную модель, предполагая, что каждое общество изменяется, переживая всеобщие конфликты. Таким образом, он рассматривал конфликт как позитивный фактор развития общества. В процессе исторического развития конфликт изменил свой характер, но полностью он не устранился в обществе. Источником конфликта, согласно его теории, является не классовая (экономическая) борьба, а борьба за перераспределение власти. То есть движущей силой развития общества является противодействие и взаимодейст-

вие сопротивляющихся сторон и власти. Искоренить данный конфликт невозможно, однако есть возможность его позитивного разрешения. Дарендорф считал, что важно учитывать три условия:

1. Ценностные предпосылки: стороны конфликта должны признавать интересы друг друга;
2. Степень организации конфликтующих сторон: чем выше организация участников конфликта, тем быстрее они могут достичь договоренности;
3. Принятие правил игры: обе стороны должны следовать установленным правилам и выполнять взятые на себя обязательства.

Принимая во внимание положения данной теории и результаты нашего исследования, есть основания утверждать, что для позитивного разрешения гендерного конфликта в сфере управления на предприятиях РКП необходимо повышать управленческую мотивацию сотрудников, обеспечивая условия социальной мобильности как для мужчин, так и для женщин. По результатам социологического опроса сотрудников градообразующих предприятий РКП г. Королева вопрос об одобрении практики назначения женщин на руководящие должности вызвал положительный ответ у 81% респондентов. Приятное удивление вызвал тот факт, что среди респондентов-мужчин 77% поддержали данную практику. А ведь мы говорим о предприятиях ракетно-космической отрасли, где заведомо высокий процент сотрудников мужчин. Более того, такие заявленные отличительные качества женщины-руководителя, как ответственность, профессионализм и коммуникабельность, дают основание утверждать, что при четко сложившейся гендерной асимметрии в системе управления на предприятиях РКП, женщина-руководитель имеет достойный статус. Учитывая результаты многочисленных исследований, доказывающих, что умение учиться более развито у женщин, чем у мужчин, при гендерном разрыве, например, в высшей школе в 2,5 раза в пользу женщин, позволяют заявить о том, что женская половина сотрудников предприятий представляет прекрасный ресурс для внедрения инноваций.

С целью изучения проблемы реализации гендерного потенциала на предприятиях РКП в ноябре 2018 г. – феврале 2019 г. нами был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 252 эксперта. Экспертами выступили руководители разного уровня предприятий государственной корпорации «Роскосмос»: ФГУП «Центральный научно-исследовательский институт машиностроения», АО «Российские космические системы», АО «ГКНПЦ им. М.В. Хруничева», ФГУП «Организация «Агат» и тд. Исследование было проведено в рамках деятельности учебно-научной лаборатории кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ГБОУ ВО МО «Технологический университет».

Исследование показало, что управленческие должности на предприятиях «Роскосмос» занимают в основном мужчины (77,8%). В руководящий состав входят менее четверти женщины (22,2%). Это может служить подтверждением существования гендерной асимметрии в системе управления на предприятиях РКП. Хотя, как уже говорилось выше, согласно результатам проведенного нами опроса сотрудников предприятий РКП, подавляющее большинство респондентов (81,5%) одобряет практику назначения женщин на руководящие должности (сумма ответов «Да» и «Скорее да, чем нет» на вопрос: Одобряете ли Вы практику назначения женщин на руководящие должности?) (рис. 1)

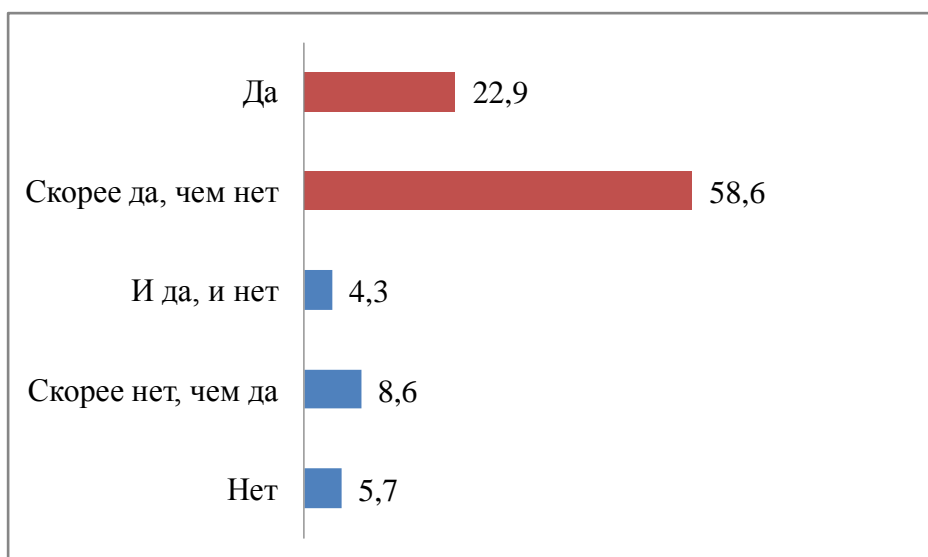

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Одобряете ли Вы практику назначения женщин на руководящие должности?
(в % от числа всех опрошенных)

Более четверти опрошенных экспертов (28,6%) работают на предприятиях РКП свыше 15 лет. Следует отметить, что почти половина женщин-руководителей работает на предприятиях РКП более 15 лет (42,9%) (рис. 2).

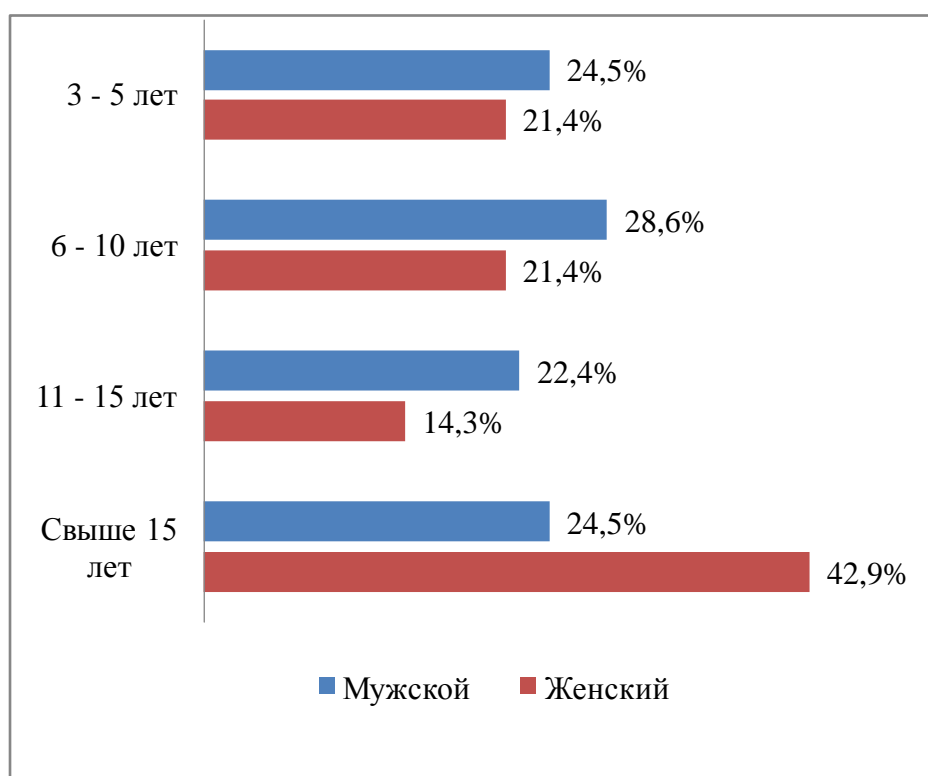

Рисунок 2 – Стаж работы экспертов на предприятиях РКП
(в % от респондентов разного пола)

Как показало наше исследование, мужчины чаще, чем женщины возглавляют отделы (34,4% и 21,4% соответственно). В то время как женщины чаще возглавляют разного рода бюро (21,4% и 2% соответственно).

Стаж работы на руководящей должности свыше 15 лет более, чем у трети опрошенных экспертов-мужчин (36,7%) и только у 7,1% опрошенных экспертов-женщин (7,1%) (см. рис. 3)

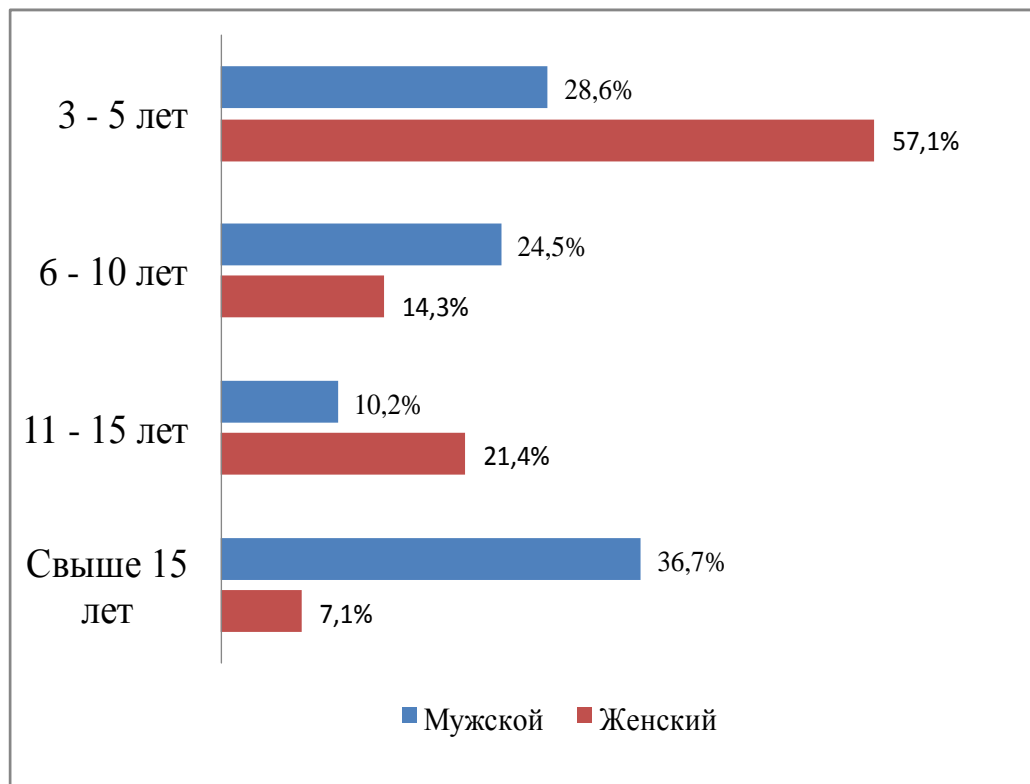

Рисунок 3 – Стаж работы экспертов в должности руководителя
(в % от респондентов разного пола)

Несмотря на то, что в экспертном опросе принимали участие только руководители разного уровня со стажем руководящей работы не менее 3-х лет, только 59 % экспертов отметили свою вовлеченность в принятие важных для предприятия решений.

В рамках данного исследования важно было выявить мнение экспертов о наиболее важных формах участия работников в управлении предприятием.

По мнению более половины женщин-экспертов наиболее значимой формой участия в управлении является «Подача предложений в адрес руководства» (53,8%). В то время как для экспертов-мужчин такой формой является «Участие в выработке и принятии коллективного договора» (60,5%).

Такую форму участия работников в управлении как «Получение акций предприятия, реализация полномочий на управление собственностью» респонденты мужского пола назвали в три раза чаще, чем респонденты женского пола (23,3% и 7,7% соответственно) (см. табл. 1).

Эксперты разного пола оказались практически единодушны в отношении такой формы участия работников в управлении предприятием как «Вхождение в кадровый резерв». На это указало около четверти экспертов мужского и женского пола (27,9% и 23,1% соответственно).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Какие формы участия работников в управлении предприятием Вы считает наиболее Важными? (в % от респондентов разного пола)

Формы участия работников в управлении предприятием	Мужской	Женский
Работа комиссии по трудовым спорам	27,9	15,4
Подача предложений в адрес руководства	46,5	53,8
Участие в выработке и принятии коллективного договора	60,5	38,5
Быть наставником для молодежи	20,9	23,1
Участие в профсоюзной работе	14,0	23,1
Получение акций предприятия, реализация полномочий на управление собственностью	23,3	7,7
Вхождение в кадровый резерв	27,9	23,1

В тоже время эксперты разошлись во мнении об эффективности формирования кадрового резерва на их предприятиях. Эксперты-женщины продемонстрировали более оптимистичный взгляд, чем эксперты-мужчины, на эффективность руководства предприятия в деле формирования кадрового резерва, (71,4% и 45,8% соответственно) (сумма ответов «Очень эффективно» и «В какой-то мере эффективно» на вопрос: Насколько эффективно руководство Вашего предприятия занимается формированием кадрового резерва?) (см. табл. 2)

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Насколько эффективно руководство Вашего предприятия занимается формированием кадрового резерва? (в % от респондентов разного пола)

Мнение респондента об эффективности руководства на его предприятия при формировании кадрового резерва	Мужской	Женский	Всего
Очень эффективно	10,4	14,3	11,3
В какой-то мере эффективно	35,4	57,1	40,3
Мало эффективно	18,8	0	14,5
Совсем не эффективно	4,2	7,1	4,8
На предприятии кадровый резерв не формируется	4,2	0	3,2
Затрудняюсь ответить	27,1	21,4	25,8

Вызывает озабоченность тот факт, что только 10,4% экспертов-мужчин и 14,3% экспертов-женщин полагают, что руководство их предприятий очень эффективно занимается формированием кадрового резерва. Так как, по мнению около четверти экспертов мужского и женского пола, такая форма участия работников в управлении предприятием как «Вхождение в кадровый резерв» является важной.

Исследование показало, что пройти обучение, переподготовку по вопросам управления, руководства коллективом для последующего карьерного роста в должности руководителя выразили

готовность две трети экспертов – мужчин (66%) и половина экспертов-женщин (50%) ((сумма ответов «Да» и «Скорее да, чем нет» на вопрос: Хотели бы Вы пройти обучение, переподготовку по вопросам управления, руководства коллективом для последующего карьерного роста в должности руководителя?)

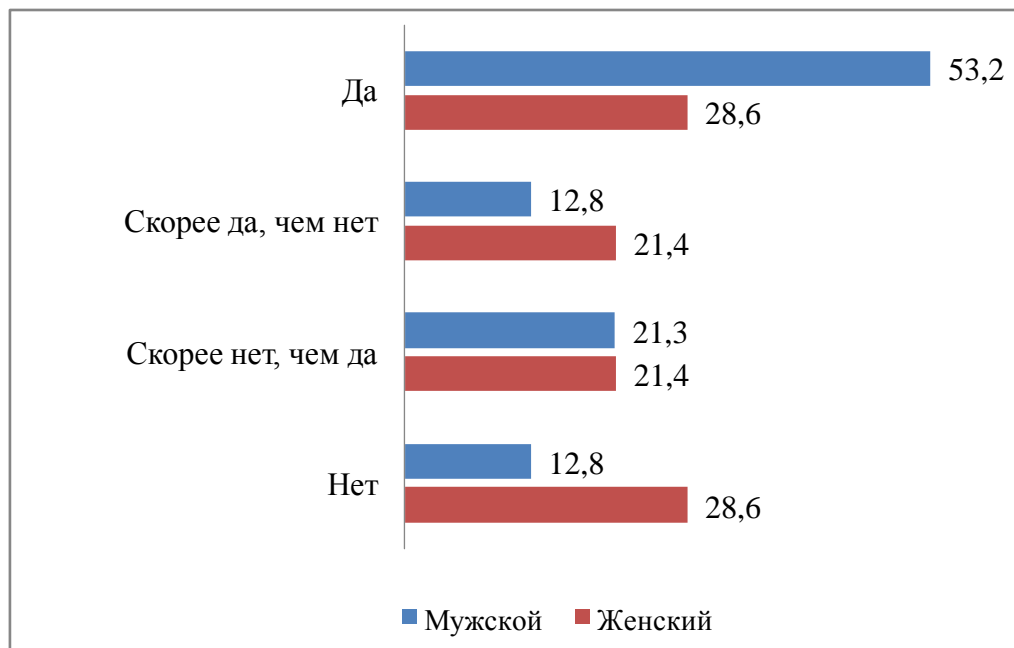

Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Хотели бы Вы пройти обучение, переподготовку по вопросам управления, руководства коллективом для последующего карьерного роста в должности руководителя?
(в % от респондентов разного пола)

Таким образом, результаты проведенного нами исследования дают основание утверждать, что в системе управления на предприятиях РКП явно выражено гендерное неравенство, которое, с одной стороны, является объективной реальностью в виду специфики данной отрасли промышленности, а с другой стороны, препятствует полноценной реализации профессиональных потребностей женщин, а, следовательно, не способствует формированию у них мотивации к участию в управлении.

С нашей точки зрения для преодоления гендерного неравенства на предприятиях РКП необходимо:

- определить новые формы для согласования интересов различных социальных групп;
- откорректировать существующую систему принятия ключевых производственных решений;
- повысить компетентность специалистов, имеющих отношение к принятию кадровых решений на предприятии.

Эти шаги позволят создать социальные условия обеспечения равных возможностей для сотрудников предприятий реализовывать свой профессиональный потенциал. Для создания цивилизованных условий большую роль играет и государственное регулирование данных отношений. Современные условия требуют модификации существующей системы осуществления социального управления. Необходимо разработать и нормативно закрепить систему по предоставлению и обеспечению равенства в возможностях, как мужчин, так и женщин реализовывать свой профессиональный потенциал.

Литература

1. Афонин И.Д. Социология управления: учебник для аспирантов / И.Д. Афонин, Т.И. Бузмакова, Т.Ю. Кирилина, Р.Г. Мумладзе, В.А. Смирнов. - М.: Русайнс, 2016.– 312 с.
2. Джой-Меттьюз Д. Развитие человеческих ресурсов / Д. Джой-Меттьюз, Д. Меггисон, М. Сорте. – М.: Эксмо, 2006. – 432 с.
3. Кюрегян М.П. Трудовая занятость. Гендерная стратификация / М.П. Кюрегян, Т.Ю. Кирилина // Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты. Материалы XVIII Международных Гендерных чтений, посвященных 100-летию Октябрьской революции. Часть 1./Под ред. Профессора Галины Силласте.- Краснодар: Изд-во НИИ Экономики ЮФО, 2017. - С.178-182. – (245 с.)
4. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017г. No 410-р [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс.- 2017.- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/
5. Силласте, Г.Г. Экономическая социология / Г.Г. Силласте - М.: Альфа-М: НИЦ ИНФРА, 2013. – 480 с.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ, ИМЕВШИМ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ В XX ВЕКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

К.В. Лапшинова, кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Россия.

А.А. Подольская, аспирант факультета социальных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Оценка революционных преобразований в истории России является одной из важнейших тем в историко-социологических исследованиях. В фокусе данной статьи находится отношение современной молодежи к революционным событиям, имевшим место в российской истории в XX веке. Рассматриваются следующие аспекты проблемы: оценка респондентами своих знаний о революциях и политических переворотах в истории России, отношение молодых людей к наиболее ярким политическим событиям XX века и отношение молодежи к целям и идеям революционных преобразований XX века. Основным эмпирическим методом в данном исследовании является анкетный опрос молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, выборка составила 235 респондентов.

Авторы делают вывод о том, что молодые люди в большей степени имеют лишь общие представления о переворотах и революциях в России, однако считают, что революции были в 1917 году неизбежны, хоть и имели большие негативных последствий, как для страны в целом, так и непосредственно для их предков, членов их семей. Иное отношение у респондентов к крушению СССР. Почти половина опрошенных полагает, что в этом не было исторической необходимости.

Молодежь, революция, оценка исторических событий, распад СССР.

THE ATTITUDE OF MODERN YOUTH TO THE REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS THAT TOOK PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIA IN THE TWENTIETH CENTURY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

K.V. Lapshinova, PhD in sociology, associate Professor of the
Department of Humanities and social Sciences,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

A.A. Podolskaya, postgraduate student, faculty of social Sciences,
National Research University
Higher School of Economics, Moscow, Russia

Assessment of revolutionary transformations in the history of Russia is one of the most important topics in historical and sociological research. The focus of this article is the attitude of modern youth to the revolutionary events that took place in Russian history in the twentieth century. Discusses such aspects as: respondents assessment of their knowledge about revolutions and political coups in the history of Russia, the attitude of young people to the most striking political events of the twentieth century and the

attitude of young people to the goals and ideas of the revolutionary transformation of the twentieth century. The main empirical method in this study is a questionnaire survey of young people aged 18 to 35 years, the sample was 235 respondents.

In the study, the authors conclude that young people to a greater extent have only general ideas about coups and revolutions in Russia, however, they believe that revolutions were inevitable in 1917, although they had more negative consequences both for the country as a whole and directly for their ancestors, members of their families. The respondents had a different attitude to the collapse of the USSR; almost half of the respondents believed that this was not a historical necessity.

Youth, revolution, assessment of historical events, collapse of the USSR.

Революции и государственные перевороты являются важнейшими историческими событиями, влекущими за собой серьезные социальные изменения во всех сферах жизни общества. Не случайно к исследованию данной темы обращались такие известные социологи как П.А. Сорокин [13], Ш. Эйзенштадт [16], Д. Голдстоун [1], Т. Скочпол [12] и многие другие.

На протяжении XX века наша страна неоднократно сталкивалась с подобными пертурбациями, влекущими колоссальные качественные и количественные изменения в социальном укладе жизни широких слоев населения, в частности к трансформации классовой структуры общества. В ходе неизбежно возникающей рефлексии в отношении причин и последствий революционных событий в общественном дискурсе формируются различные, часто полярные точки зрения на данный исторический период. Поэтому оценка россиянами революционных преобразований в истории России является одной из важнейших тем в историко-социологических исследованиях.

В 2017 году в нашей стране отмечалось столетие Февральской и Октябрьской революций. Это событие не обошли вниманием российские социологи. Так «Журнал социологии и социальной антропологии» посвятил анализу революционных событий отдельный номер, в рамках которого были представлены как исследования, опирающиеся на традиционные методы изучения социально-исторических событий, так и статьи, в основу которых был положен визуальный анализ (например, работы: Е.А. Орех и О.Ю. Бойцова «Политические акторы на детских рисунках 1917-1918 годов: социологическая рефлексия (на основе коллекции В.С. Воронова из фонда ГИМ)» [9] и О.В. Сергеева «Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России» [11]).

В другом ведущем российском социологическом журнале «Социологические исследования» на протяжении 2017-2018 гг. была сделана специальная рубрика «К 100-летию революций 1917 г.», где были опубликованы исследования данной темы отечественными социологами (Ж.Т. Тощенко [14], Б.Н. Миронов [6], М.К. Горшков [2], В.В. Колбановский [4]). Надо сказать, что этой рубрикой социологический анализ проблемы революции не исчерпывается. За последние пять лет журнал «СОЦИС» неоднократно публиковал научные статьи по данной теме (Э.Э. Шульц [15], Н.В. Романовский [10], С.А. Нефедов [7] и др.).

Ведущие социологические центры страны также представили пресс-выпуски, посвященные изучению отношения россиян к историческим событиям, личностям и символам 2017 года. Интересными представляются результаты ВЦИОМ. Они свидетельствуют, что за 11 лет (с 2005 по 2016 гг.) возросло число граждан, считающих, что к Октябрьской революции привел заговор врагов русского народа (с 5% до 12%). И вместе с тем, уменьшилось количество респондентов полагающих, что ведущей причиной социалистической революции явилось тяжелое положение народа (с 54% до 45%). Многим сегодня трудно определить и цели той революции (42%). Данный опрос продемонстрировал четкий раскол в сознании россиян в отношении революции, так как 46% россиян считают, что социалистическая революция произошла в интересах большей части населения и столько же (46%) придерживаются противоположного мнения [8].

В фокусе данной статьи находится отношение современной молодежи к революционным

событиям, имевшим место в российской истории в XX веке. Сразу оговоримся, что в нашем исследовании речь шла не только непосредственно о революциях как таковых, а о всех значимых событиях, приведшим к серьезным социально-политическим изменениям в стране, например, таким как распад СССР и расстрел Белого дома в 1993 году.

Авторами в 2019 году был проведен анкетный опрос. В ходе исследования было опрошено 235 респондентов. Ранее авторами (в 2015 г. и 2018 г.) уже были опубликованы промежуточные результаты исследований политического поведения, но возрастные группы были представлены иные. [3; 5] В данном исследовании выборочную совокупность составили молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие в Московской области. Гендерный состав респондентов выглядит следующим образом: 54,4% женщин и 45,6% мужчин.

Первый блок вопросов анкеты был направлен на выявление общего уровня информированности участников опроса о революционных преобразованиях, происходивших в России в XX веке. Речь шла не только непосредственно о революциях, но и о событиях, приведших к серьезным социально-политическим изменениям в стране. В рамках исследования респондентам было предложено оценить свои знания о революциях и политических переворотах в России. Первый вопрос был посвящен событиям Февральской буржуазной революции 1917 года. Почти половина опрошенных (42,8%) призналась, что имеет лишь общие представления о данном событии. Около четверти опрошенных (24,4%) считают, что достаточно хорошо знакомы с историей революции. Примерно столько же (24,8%) сказали, что ничего или почти ничего не знают. С таким событием как Октябрьская социалистическая революция 1917 года респонденты знакомы лучше. Так, 35,6% считают, что достаточно хорошо знают историю данного события, 42% знакомы в общих чертах, почти ничего не знают о ней лишь 10,8% респондентов. Что касается распада СССР в 1991 году, то 42,8% респондентов уверены в хороших знаниях об этом событии, 40,4% имеют лишь общие представления, 7,6% почти ничего не знают о распаде СССР. О расстреле Белого дома в 1993 году достаточно хорошо знают лишь 23,6% опрошенных, общие представления имеют 39,6% опрошенных, почти ничего не знают 17,2% опрошенных, ничего не знают 10,4% респондентов, затруднились с ответом на вопрос 9,2% опрошенных. Более подробная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Оценка респондентами своих знаний о революциях и политических переворотах в истории России (%)

	Достаточно хорошо знаком с историей данного события	Имею лишь общие представления	Почти ничего не знаю	Ничего не знаю	Затрудняюсь ответить
1. Февральская революция в России	24,4	42,8	17,6	7,2	8
2. Октябрьская революция	35,6	42	10,8	4,8	6,8
3. Распад СССР в 1991 году	42,8	40,4	7,6	2	7,2
4. Расстрел Белого дома в 1993 году	23,6	39,6	17,2	10,4	9,2

Следующий блок вопросов освещает оценку респондентами различных политических событий. Первый вопрос этой части инструментария касался свержения монархии в России. В целом, положительно к свержению монархии относятся 40% опрошенных, отрицательно 28,4%, затруднились с ответом на вопрос 31,6%. Захват власти большевиками воспринимается респондентами больше негативно (41,2%), чем положительно (26,4%). Каждый третий участник опроса за-

труднился оценить данное историческое событие (32,4%). Следующим событием, о котором спросили респондентов, был распад СССР. Половина респондентов негативно оценивает это событие (50%), положительно оценивает почти каждый третий (28,8%). К ликвидации системы советов и расстрелу Верховного Совета России в 1993 г. 40,8% респондентов относятся отрицательно. Столько же затруднились с ответом на этот вопрос. Положительно данное событие воспринимается только 18,4% респондентов. Более подробная информация представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Отношение респондентов к наиболее ярким политическим событиям XX века (%)

	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
1. Свержение монархии в 1917 г.	14	26	18	10,4	31,6
	40		28,4		31,6
2. Захват власти большевиками в 1917 г.	6,4	20	26,4	14,8	32,4
	26,4		41,2		32,4
3. Распад СССР в 1991 году	10,8	18	31,2	18,8	21,2
	28,8		50		21,2
4. Ликвидация системы советов, расстрел Верховного Совета России (Белого дома) в 1993 г.	7,2	11,2	22,4	18,4	40,8
	18,4		40,8		40,8

Далее респондентам предлагалось оценить цели и идеи революционных преобразований в России. Перечень вопросов данного блока вызвал у многих опрошенных затруднения. Так, с оценкой целей и идей Февральской буржуазно-демократической революции в России, произошедшей в 1917 году, затруднились 44,8% опрошенных. В то время как цели и идеи Октябрьской социалистической революции респондентам оценить оказалось значительно легче. В целом 45,6% участников опроса оценивают их положительно. Тем не менее, около трети респондентов затруднилось ответить на данный вопрос (34%). Легче всего опрашиваемым оказалось выразить свое отношение к переходу нашей страны к рыночной экономике. Его поддержали более половины опрошенных (55,2%). Более подробная информация представлена в таблице 3.

Следующий блок вопросов касался оценок респондентами последствий Февральской и Октябрьской революций и распада СССР. Более половины опрошенных (53,2%) считают, что распад СССР в 1991 имел больше отрицательных последствий. Оценить последствия революций оказалось для молодых людей более затруднительно. Так, почти половина участников опроса (44,8%) затруднилась дать оценку последствиям Февральской революции. Каждый третий полагает, что она имела больше негативных последствий (34,4%). Положительно оценил данное историческое событие каждый пятый респондент (20,8%). Особенно интересной представляется оценка опрошенных последствий Октябрьской социалистической революции. Так, 35,6% молодых людей отметили, что она имела больше негативных последствий, 30% считают, что больше было положительных последствий и 34,4% затруднились ответить на данный вопрос. Таким образом, можно видеть, что отличия в процентном отношении при ответе на данный вопрос были незначительные. Более подробная информация представлена в таблице 4.

Таблица 3 – Отношение респондентов к целям и идеям революционных преобразований XX века (%)

	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
1. Цели и идеи Февральской буржуазной революции в России в 1917 году	9,2	22	20,4	3,6	44,8
	31,2		24		44,8
2. Цели и идеи Октябрьской революции в России в 1917 году	13,6	32	13,6	6,8	34
	45,6		20,4		34
3. Переход к рыночной экономике в 1991 г.	21,2	34	15,6	4,4	24,8
	55,2		20		24,8

Таблица 4 – Отношение респондентов к последствиям революционных преобразований в XX веке (%)

	Больше положительных последствий	Больше отрицательных последствий	Затрудняюсь ответить
1. Февральская революция 1917 года	20,8	34,4	44,8
2. Октябрьская социалистическая революция 1917 года	30	35,6	34,4
3. Распад СССР	24,4	53,2	22,4

Весьма интересными представляется ответы респондентов на вопрос, чью бы сторону они заняли, если бы оказались в России, охваченной революцией, в 1917 году. Почти половина опрошенных (45,3%) затруднилась ответить на этот вопрос. Большевиков поддержали бы 25,8% участников опроса, 10,1% встали бы на сторону белого движения.

Некоторые молодые люди считают, что то, чью сторону они бы заняли, зависело от того, к какому социальному слою они бы относились. *«Зависело бы от того, к какому классу я бы относилась», «Смотря к какому классу принадлежала бы», «Кого было бы выгодно, зависело бы от моего статуса», «Смотря к какому слою населения я бы принадлежала. Если бы к аристократии – сторону Белых, если бы к рабочим или крестьянам – сторону Красных. В любом случае действия Большевиков я считаю слишком жестокими».*

Ряд респондентов полагает, что им бы удалось бы занять стороннюю позицию, не участвовать в революционных событиях, занять роль наблюдателя. *«Сторону людей, которых не волнует кто будет стоять у власти, а волнует исключительно своя жизнь и благополучие семьи», «Отсиделся в сторонке или же тянул одеяло лично на себя», «Наблюдателя».*

Еще одна группа участников опроса предпочла бы эмигрировать. *«Если бы я оказался в то время с нынешними знаниями, я бы занял место в поезде, идущем за границу. Идеи, которые несли*

в себе революционеры 1917 года хорошие и правильные, но как это часто бывает, реализация хромала. Как и последствия этих решений».

Некоторые опрошенные вообще не видят смысла участвовать в политической борьбе, так как им все равно, в какой стране жить. «Не стала бы воевать ни за одну из сторон, так как мне было бы все равно. Бороться за кусочек лишней земли – бред. Мой дом – это вся планета, а не какой-то определённый участок».

Далее респондентам было задано несколько вопросов о том, была ли реальная необходимость в революционных событиях, произошедших в России. Так, положительно о необходимости Февральской революции высказались 38% опрошенных, столько же затруднились дать ответ. Отрицательно ответили на этот вопрос 24% молодых людей. С необходимостью Октябрьской социалистической революции согласилось 40% опрошенных. Затруднились с ответом на вопрос 32,8%. Почти половина участников опроса (42%) полагает, что распад СССР не был неотвратим и реально необходим. Противоположной точки зрения придерживаются 36,4% респондентов. Более подробная информация представлена в Таблице 5.

Таблица 5 – Оценка респондентами необходимости революционных преобразований в XX веке (%)

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
1. Была ли реальная необходимость в Февральской революции в России в 1917 г.?	14	24	18,8	5,2	38
	38		24		38
2. Октябрьская революция была действительно нужна и необходима на тот момент?	14,8	25,2	18,8	8,4	32,8
	40		27,2		32,8
3. Распад СССР в 1991 году был действительно нужен и неотвратим?	13,6	22,8	22,4	19,6	21,6
	36,4		42		21,6

Следующий блок вопросов анкеты был направлен на оценку респондентами влияния политических пертурбаций на их семью.

Так, на вопрос о том, выиграли ли представители их семьи в результате распада СССР, больше половины опрошенных (55,2%) ответили отрицательно. Что касается влияния, которое оказало на их предков приход к власти большевиков, то почти половина опрошенных (48%) затруднилось его оценить. Тем не менее, 38% считают, что их предки проиграли в результате этого, а 14% – что выиграли. Более подробная информация представлена в таблице 6.

Почти половина опрошиваемых (48%) полагает, что в современной РФ в ближайшие 5-7 лет невозможна революция или государственный переворот. Тем не менее, допускают возможность таких кардинальных изменений 40,8 респондентов. Можно предположить, что невысокая вероятность революционного сценария развития событий связана с тем, что в настоящее время молодые люди не видят партии или лидера, способных организовать революцию или государственный переворот (55,2%). Более подробная информация представлена в таблице 7.

Таблица 6 – Оценка респондентами результатов революционных преобразований в XX веке (%)

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
1. Выиграли ли предки вашей семьи в результате прихода к власти большевиков в 1917 году?	4,8	9,2	17,6	20,4	48
	14		38		48
2. Выиграли ли представители вашей семьи в результате распада СССР?	6,4	9,6	20	35,2	28,8
	16		55,2		28,8

Таблица 7 – Оценка респондентами к возможности революции в современной России (%)

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
1. В России в ближайшие 5-7 лет возможна революция или государственный переворот?	14,4	26,4	29,6	18,4	11,2
	40,8		48		11,2
2. В настоящее время в России есть такая партия или лидер, которые способны организовать революцию или государственный переворот?	8,8	19,6	27,6	27,6	16,4
	28,4		55,2		16,4

Подводя итоги, можно сказать, что в основном молодые люди имеют лишь общие представления о решающих исторических событиях, происходивших в XX веке. Респонденты в целом позитивно относятся лишь к свержению монархии в 1917 году (40%), к остальным событиям – отрицательно. Так, негативно оценивают приход к власти большевиков 41,2% опрошенных, распад СССР – 50%, расстрел Белого дома – 40,8%. Несмотря на то, что к свержению монархии положительно относятся 40% респондентов, цели и идеи Февральской буржуазной революции вызывают у них затруднение (44,8%). Цели и идеи Октябрьской революции молодежи более понятны, к ним положительно относятся 45,6% участников опроса. Наиболее близки молодым россиянам цели и идеи перехода нашей страны к рыночной экономике (55,2%).

Все революционные пертурбации, происходившие в России в XX, с точки зрения респондентов, имели больше негативных последствий как для страны в целом, так и непосредственно для их предков, членов их семей. Тем не менее, участники опроса полагают, что революции были действительно необходимы и необратимы в 1917 году. Иное отношение у молодых людей к крушению СССР, 42% опрошенных считают, что это не было исторической необходимостью.

В заключение можно отметить, что в ближайшие 5-7 лет, по мнению почти половины опрошенных, невозможна революция или государственный переворот в нашей стране, так как нет партии или лидера, способных их организовать.

Литература

1. Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева // М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 200 с.
2. Горшков М.К., Петухов В.В. Октябрьская революция 1917 г. и ее последствия в восприятии современных россиян // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 6-18.
3. Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В., Татарова С.Ю. Цивилизационное развитие России в оценках современной студенческой молодежи // В мире научных открытий. № 7.9 (67). 2015. С. 1073-1079.
4. Колбановский В.В. Революция и контрреволюция в России (К столетию Октября) // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 19-30.
5. Лапшинова К.В. Образ России в оценках россиян: социологический анализ // Социально-гуманитарные технологии. 2018. №3(7). С. 20-24.
6. Миронов Б.Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 24-35.
7. Нефедов С.А. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 140-147.
8. Октябрьская революция: 1917-2017 // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3488. 11.10.2017. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3607> (дата обращения: 02.11.2019)
9. Орех Е.А., Бойцова О.Ю. Политические акторы на детских рисунках 1917-1918 годов: социологическая рефлексия (на основе коллекции В.С. Воронова из фонда ГИМ) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 4. С. 185-209.
10. Романовский Н.В. Семнадцатый год. Век спустя // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 147-157
11. Сергеева О.В. Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 4. С. 210-229.
12. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеев; научный редактор перевода Д. Карасев // М.: Изд-во Института Гайдара. 2017. 552 с.
13. Сорокин П.А. Социология революции // М.: Территория будущего. Российская политическая энциклопедия. 2005. 704 с.
14. Тощенко Ж.Т. 1917: время превращения идей в материальную силу // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 36-43.
15. Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 132-142.
16. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова // М.: Аспект-Пресс. 1999. 416 с.

УДК 316.6

ВОСПРИЯТИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА УНИВЕРСИТЕТА УЧАСТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РАЗРЕЗЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

У.А. Когтева, аспирант {Социологические науки}

Е.В. Когтева, к.с.н., доцент кафедры иностранных языков

Государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования Московской области

«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В статье представлены результаты исследования, проведенного автором с марта 2018 по ноябрь 2019 гг., на тему: «Медиапространство современного университета в условиях цифровизации образования». Результаты исследования были интерпретированы в рамках теории поколений, позволив выявить различия в восприятии медиапространства университета, что в дальнейшем может быть использовано при разработке путей совершенствования образовательного процесса.

Медиапространство, исследование, теория поколений, образовательный процесс.

PERCEPTION OF MEDIA SPACE OF THE UNIVERSITY BY THE PARTICIPANTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS WITHIN THE THEORY OF GENERATIONS

U.A. Kogteva, PhD student {Sociology}

E.V. Kogteva, PhD {Sociology}, associate professor of Department of Foreign Languages

State Educational Institution of Higher Education

Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article deals with the results of the research "Media space of the modern university in the condition of digitalization of education" conducted from March 2018 to November 2019. The results of the study were interpreted within theory of generations allowing to find differences in perception of media space of the university. It can be used in the development of ways to improve educational process.

Media space, research, theory of generations, educational process.

Введение. С развитием коммуникационных технологий, увеличением объёма информации, скорости её распространения и доступности, изменяется структура и содержание медиапространства университета, меняются условия и порядок взаимодействия всех участников образовательного процесса, формируется глобальное мировое образовательное медиапространство, объединяющее учебные и научные заведения всего мира.

Под медиапространством мы понимаем целесообразно организованную в соответствии с миссией образовательной организации, многоаспектную реальность, в которой происходит взаимодействие всех участников образовательной деятельности посредством классических и новых сетевых технологий.

Медиапространство образовательного учреждения становится той площадкой, где происходит трансмиссия ценностей информационного общества и общества знаний, пространством, где закладывается фундамент нового общества. Университет готовит кадры для цифровой экономики, которая является приоритетным направлением развития нашего государства согласно Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и Стратегии

развития информационного общества на 2017-2030 годы [6,7]. Вследствие этого необходимо, чтобы процесс подготовки специалистов будущего и трансмиссия необходимых духовных ценностей происходили с максимальной эффективностью.

Взаимодействие в образовательном медиапространстве – это, прежде всего, взаимодействие людей разных поколений, причем, большинство транслирующих ценности преподавателей принадлежат к поколению, отличному от принимающих эти ценности студентов. Проблемы «отцов и детей», трудности, связанные с разницей духовно-нравственных ценностей разных поколений, могут значительно влиять на качество образовательного процесса, поэтому изучение взаимодействия преподавателя и студента в рамках теории поколений представляется весьма актуальным.

Теория поколений была создана в 1991 году американскими учеными Н. Хоувом и В. Штраусом. В своих работах они разграничили поколения исходя из более глубинных ценностей, сформировавшихся под влиянием определенных исторических событий. Адаптировала теорию поколений для российских реалий команда под руководством координатора проекта «Rugenerations» Евгении Шамис [1].

Методика. С целью изучения мнения участников образовательного процесса относительно медиапространства университета в условиях цифровизации образования и последующего анализа полученных данных в рамках теории поколений, автором было проведено исследование под руководством доктора социологических наук, профессора Кирилиной Т.Ю. в виде анкетного опроса. Первый этап исследования проходил с сентября по ноябрь 2018 года, второй – с января по ноябрь 2019 года.

Общая выборка респондентов составила 447 респондентов, из которых преподаватели составили 25% и студенты – 75%. Респонденты мужского пола составили 38%, женского пола – 61% и 1% опрошенных не сообщили сведений о себе.

Базовым образовательным учреждением для проведения исследования стало Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет», отобранное на основе нескольких факторов:

1. Во-первых, он является опорным вузом Московской области и участником кластера «Северо-Восток».

2. Во-вторых, «Технологический университет» готовит кадры для предприятий ракетно-космической промышленности, являющихся градообразующими для города Королёв, что подразумевает высокий уровень технической оснащённости.

3. В-третьих, в университете активно развивается «непрерывное образование», в рамках которого вузом был создан детский технопарк Кванториум, основной целью которого является развитие научно-технического потенциала детей школьного возраста, что, конечно, является одним из основных элементов системы формирования цифрового общества.

4. В-четвертых, приоритетным направлением развития Технологического университета, закрепленным в стратегии развития, является переход к Цифровому университету.

Также в исследовании приняли участие преподаватели и студенты отечественных и европейских университетов, таких как Иркутский государственный медицинский университет, Кубанский государственный университет, Московский государственный университет геодезии и картографии, Курский государственный университет, Уральский экономический университет, Национальный университет биоресурсов и природопользования (Украина), Будапештский университет технологии и экономики (Венгрия), Софийский университет (Болгария), Чешский агротехнический университет (Чехия), Университет Орлеана (Франция), Университет Ренн-1 (Франция), Университет Страсбурга (Франция), Университет Монпелье (Франция), Университет Болоньи (Италия), Университет Антверпена (Бельгия), Университет Льежа (Бельгия) и другие. Всего в исследовании приняли участие представители 17 европейских государств.

Результаты исследования. Под поколением В. Штраус и Н. Хоув понимают совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет, или одну фазу жизни: детство, молодость, средний возраст и старость. Поколения они идентифицируют в соответствии с тремя критериями: 1) представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху: они сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, находясь на тех же жизненных фазах; 2) они разделяют определенные общие убеждения и модели поведения; 3) зная об опыте и особенностях, которые они разделяют со своими ровесниками, представители одного поколения также будут разделять и чувство принадлежности к данному поколению.

Классификация поколений Н. Хоува и В. Штрауса, а также адаптация Е. Шамис представлена в таблице 1 [1].

Таблица 1 – Классификация поколений согласно теории поколений

Название	Период: США	Период: Россия	Характерные ценности
Молчаливое поколение	1924-1944 годы рождения	1924-1943 годы рождения	Преданность, соблюдение правил и законов, уважение к должности и статусу, честь, терпение
Поколение ВВ (Беби-бумеры)	1945-1963 годы рождения	1944-1963 годы рождения	Оптимизм, заинтересованность в личном росте и вознаграждении, в то же время коллективизм и командный дух, культ молодости
Поколение X (Неизвестное поколение)	1964-1984 годы рождения	1964-1984 годы рождения	Готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, надежда на себя, равноправие полов
Поколение Y (Поколение Миллениума)	1985-2004 годы рождения	1985-2002 годы рождения	В систему ценностей этой группы уже включены такие понятия, как гражданский долг и мораль, ответственность, но при этом психологи отмечают их наивность и умение подчиняться. На первый план для поколения Y выходит немедленное вознаграждение.
Поколение Z	2005-2023	2003-2023	Находится в процессе формирования. Дематериализация ценностей. Получение опыта и впечатлений. Самореализация. Лидерство, а не руководство. Партнерство, коллективное принятие решений. Быстрый обмен информацией. Не привязаны к рабочему месту.

Дифференциация респондентов, опрошенных в ходе проведенного автором исследования, по поколениям представлена на рисунке 1.

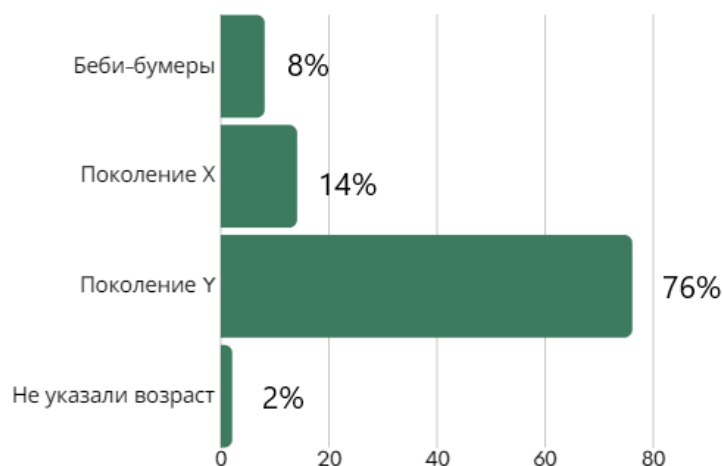

Рисунок 1 – Распределение респондентов по поколениям, в %

Цифровизация медиапространства университета происходит по 3 основным направлениям:

- 1) Расширение присутствия университета в сети Интернет (сайт, участие в рейтингах, упоминание в онлайн-СМИ и поисковиках, публикационная активность и т.п.).
- 2) Цифровизация управления университетом (внутренняя локальная сеть Интранет, образовательный портал, электронный документооборот и т.п.).
- 3) Цифровизация образовательного процесса (внедрение дистанционных технологий, применение ИКТ в образовательном процессе, усовершенствование оборудования в аудиториях, цифровизация взаимодействия преподавателя и студента и т.п.).

Остановимся более подробно на расширении присутствия университета в сети Интернет. Разница в оценке сайта образовательной организации представителями разных поколений представлена на Рисунке 2.

Рисунок 2 – Оценка сайта образовательной организации представителями разных поколений, в % (множественный ответ)

Как видно из рисунка 2, представители поколения Беби-бумеров (56,8%) и поколения X (50%) чаще других выбирают такую характеристику сайта, как «Актуальность и оперативное обновление информации», представители поколения Y чаще обращают внимание на «Современный дизайн» (65,5%). Наименее важен дизайн для беби-бумеров, его выбрали только 37,8% опрошенных. Для представителей поколения Y (23,1%) наличие дополнительных функций на сайте университета важнее, чем для поколения X (9,4%) и беби-бумеров (21,6%). Наиболее критически рассматривают сайт университета представители поколения X (7,8% оценивают сайт негативно).

Предпочтительные средства медиа для представителей разных поколений представлены на Рисунке 3.

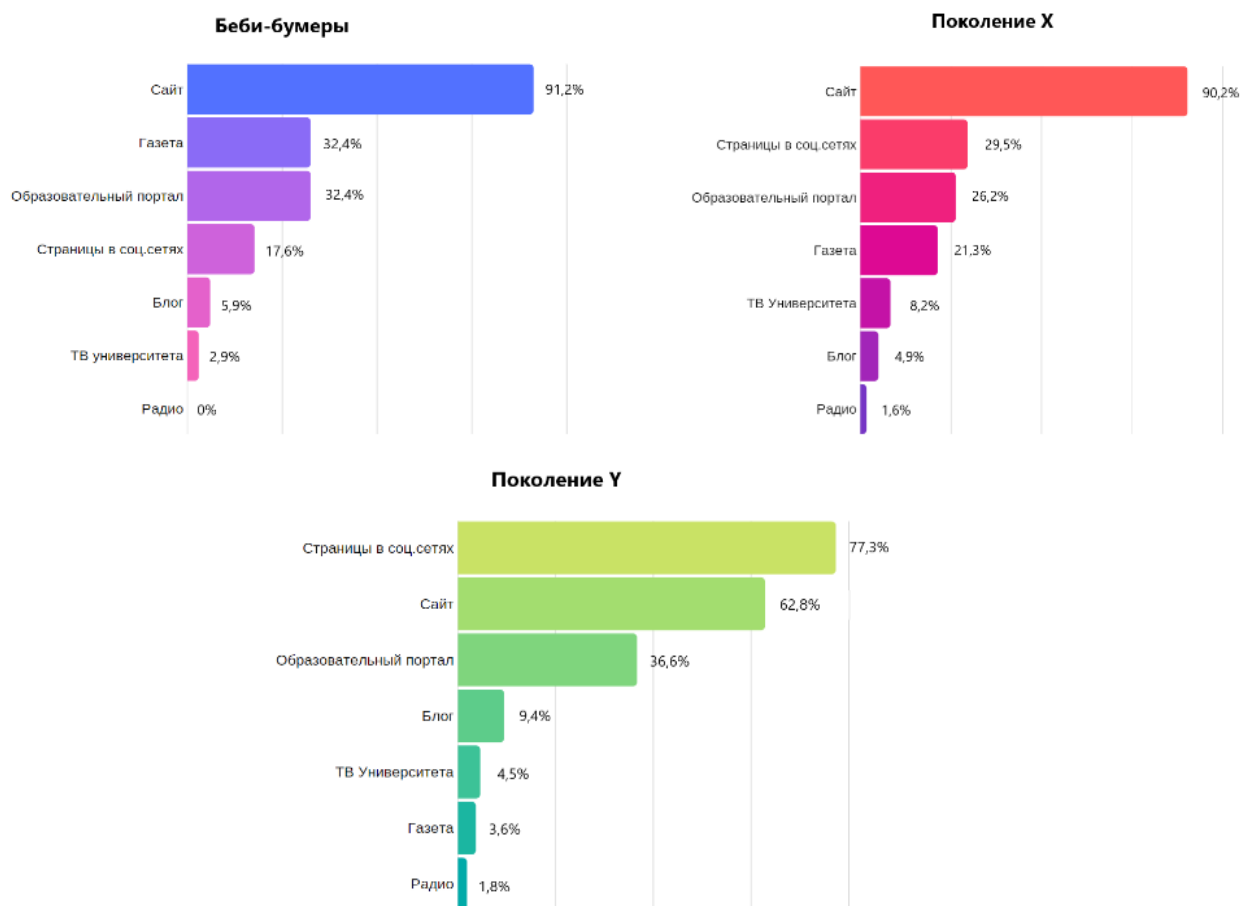

Рисунок 3 – Предпочтительные средства медиа в оценках представителей разных поколения, в % (множественный ответ)

Абсолютное большинство представителей Беби-бумеров и Поколения X выбирают в качестве основного источника информации о жизни Университета сайт, в то время, как для Поколения Y – это страницы в соц.сетях. Для беби-бумеров важным источником информации остаются печатные СМИ (32,4%), с ними солидарны 21,3% представителей поколения X, однако для поколения Y это уже не актуально, только 3,6% выбрали это средства медиа.

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вашего университета страницы в социальных сетях и, если есть, как активно они ведутся?» представителей разных поколений представлено на Рисунке 4.

Рисунок 4 – Оценка наличия страниц университета в социальных сетях представителями разных поколений, в %

Так как для представителей поколения Y социальные сети являются приоритетным каналом коммуникации и получения информации о жизни университета (Рисунок 3), неудивительно, что они наиболее активно следят за страницами университета в социальных сетях (79,3% опрошенных), меньше всех – представители беби-бумеров (45,9%). Более четверти опрошенных беби-бумеров не знают о существовании страниц университета в социальных сетях.

Важным показателем расширения присутствия Университета в сети Интернет является участие его в различных международных рейтингах, в том числе, таких как Вебометрикс, который и изучает данный показатель. Для того, чтобы изучить данный показатель, нами были проанализированы следующие вопросы:

- 1) Какие рейтинги ВУЗов Вам знакомы?
- 2) Доверяете ли Вы отечественным и международным рейтингам ВУЗов?
- 3) Как Вы считаете, важно ли для ВУЗа участие в международных рейтингах?

Дифференциация ответов на вопрос о том, какие рейтинги знакомы респондентам, в соответствии с принадлежностью к тому или иному поколению представлена на Рисунке 5.

Рисунок 5 – Осведомленность о рейтингах ВУЗов представителей разных поколений, в % (множественный ответ)

Исследование показало, что представители Беби-бумеров наиболее активно следят за международными рейтингами, только 17,4% опрошенных не знакомы ни с одним из рейтин-

гов. Представители поколения Y мало знакомы с рейтингами, более половины опрошенных не знакомы ни с одним рейтингом. Среди представителей старших поколений наиболее известен Шанхайский рейтинг, около четверти знакомы с рейтингом RAEX. Наименее известный из предложенных рейтингов – Вебметриск. У поколения Y наиболее известным является рейтинг Times Higher Education, его знают 18,5% опрошенных.

Разница в отношении к международным рейтингам ВУЗов представителями разных поколений представлена на Рисунке 6.

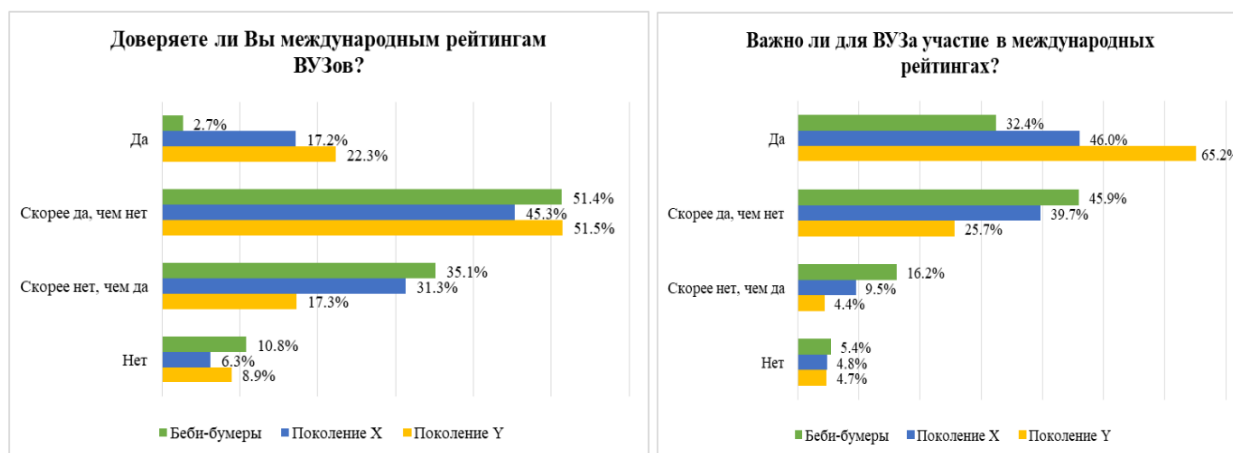

Рисунок 6 – Отношение к рейтингам представителей разных поколений, в %

Как видно из рисунка 6, наиболее скептически по отношению к международным рейтингам ВУЗов настроены представители поколения беби-бумеров, только 2,7% ответили утвердительно. В отличие от них, почти четверть респондентов из поколения Y ответили однозначно утвердительно о доверии к рейтингам. Несмотря на то, что доверяют рейтингам только 2,7% опрошенных беби-бумеров, около трети из них считают, что участие в рейтингах важно для университета. Еще более важен этот показатель для представителей поколения Y (65,2% опрошенных).

Обсуждение. С конца XX – начала XXI вв. процессы информатизации, технологизации, а вслед за ними и медиатизации, начали сильно влиять на само устройство общества. На смену концепции «цифрового общества» приходит концепция «цифрового университета». Все большую роль играют новые сетевые медиа, повышающие скорость передачи и распространения информации, что особенно важно для образовательного медиапространства, являющегося основной площадкой для трансмиссии ценностей подрастающему поколению.

Взаимодействие в образовательном медиапространстве – это, прежде всего, взаимодействие людей разных поколений. Цифровизация и глобализация образовательного медиапространства связана с множеством трудностей, в том числе, обусловленных различиями в ценностных установках представителей разных поколений и в их восприятии элементов новой образовательной среды. Повысить эффективность коммуникации преподавателя и студента можно, применяя положения теории поколений.

Исследование, проведенное автором, показало, что различия между поколениями возникают уже на этапе выбора приоритетного канала получения информации об университете – для представителей поколений X и Беби-бумеры это сайт (90,2% и 91,2% соответственно), а для представителей поколения Y – это социальные сети (77,3% опрошенных). При этом для беби-бумеров также важны традиционные медиа, в частности, газета университета (32,4%).

При оценке сайта университета, представители разных поколений также обращают внимание на разные аспекты. Так, представители поколения X и Беби-бумеров в первую очередь обращают внимание на актуальность и оперативное обновление информации (50% и

56,8% опрошенных соответственно), в то время как для представителей поколения Y важнее современный дизайн (65,5% опрошенных).

Поколенческие различия также были выявлены в оценке международных рейтингов вузов. Исследование показало, что преподаватели (поколение X и Беби-бумеры) более активно следят за международными рейтингами, в отличие от студентов (поколение Y), более половины которых не знакомо ни с одним рейтингом. Однако, несмотря на это, представители поколения Y больше доверяют рейтингам и отмечают необходимость участвовать в них, чем представители поколения X и беби-бумеров.

Заключение. В то время, как происходит активное формирование информационного общества и цифровой экономики, университет становится основным агентом трансмиссии ценностей этого общества. Применение теории поколений при изучении и планировании развития образовательного медиапространства может привести к повышению эффективности взаимодействия преподавателя и студента. Трансформация медиапространства университета идет по трем основным направлениям, включающим расширение присутствия университета в сети Интернет, цифровизацию управления через применение электронного документооборота и других технологий и цифровизацию образовательного процесса через применение информационных и дистанционных технологий, оснащение учебных аудиторий и т.д. Планирование всех этих процессов должно учитывать разницу в восприятии информационных технологий представителями разных поколений, например, студенты (поколение Y) предпочитают получать информацию из социальных сетей, в то время как преподаватели (поколение X и Беби-бумеры) в приоритете ставят сайт как источник информации.

Литература

1. Земскова М.С. Формирование эффективной мотивации к трудовой деятельности выпускников ВЛГУ на основе теории поколений / М.С. Земскова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2015. №4 (6). С.101-109.
2. Кирилина Т.Ю. Возможности использования информационных технологий в образовательном процессе / Т.Ю. Кирилина // Инновационные технологии в современном образовании: сборник трудов по материалам II научно-практической конференции. 2015. С.162–167.
3. Кирилина Т.Ю. Информационные социальные технологии в коммуникации преподавателя и студента / Т.Ю. Кирилина // Осознание Культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества: Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции. Севастополь. 2019. С. 255-256.
4. Когтева Е.В. Трансмиссия духовно-нравственных ценностей как важнейшая функция взаимоотношения поколений / Е.В. Когтева // Общественные науки. 2017. №1. С. 421–430.
5. Когтева У.А. Информационные компетенции участников образовательного процесса в медиапространстве современного университета / У.А. Когтева, Т.Ю. Кирилина // Социальная политика и социология. 2019. №2. С.35-44
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 21.10.2019)
7. Указ Президента Российской Федерации №203 от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 21.10.2019)

УДК 159.922; 159.973; 376.42

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ У ДЕТЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ТВОРЧЕСТВА

Н.А. Лобанова, аспирант {Психологические науки}

Ю.Н. Казаков, доктор медицинских наук, профессор психологии и социальной технологии
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В статье осуществлен теоретический обзор литературных источников по изучению процесса социализации через создание пространства творчества для детей с интеллектуальными нарушениями. Авторы опираются на практический опыт конкретного образовательного учреждения для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и их особенностей в образовательном процессе изобразительной деятельности. Обозначена значимость и важность подбора кадрового персонала для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, особенно с детьми с интеллектуальными нарушениями.

Социализация; создание пространства творчества; обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья; формирование уровня культуры

CULTURAL LEVEL FORMATION SPECIFICS OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES THROUGH BUILDING UP CREATIVITY

N.A. Lobanova, PhD student {Psychology}

Y.N. Kazakov, doctor of Medecin, professor of the the
Department of Applied psychology
State Educational Institution of
Higher Education Moscow Region
«University of technology», Korolev, Moscow region

The article discloses theoretical review of literature sources on socialization process study through building up creativity for children with intellectual disabilities. Also the author uses the practical experience of the specific educational entity for the students with limited physical conditions and their peculiarities in painting study procedures. The importance of staff selection for the work with children with limited physical conditions an especially with intellectual disabilities is underlined.

Socialization, building up of creativity space, students with limited physical conditions, culture level formation.

Социализация детей и подростков с интеллектуальными нарушениями приобретает актуальность в условиях информатизации общества. Среди основных причин, которые влияют на процесс социализации детей с ограниченными возможностями, а именно с интеллектуальными нарушениями является нарушение коммуникативной деятельности, связанной с речевым компонентом.

Известный факт, что возможности познания у детей с легкой и умеренной степенью

умственной отсталостью тормозят развитие коммуникативной сферы, общение затруднено, что значительно затрудняет осваивать процесс социализации.

На формирование нравственных убеждений, системы ценностей, как эстетических, так и моральных, построение духовного мира личности особое влияние оказывает искусство. Вхождение в мир культуры значительно затруднено у детей с ограниченными возможностями здоровья, особенно у детей с нарушенным интеллектом, что затрудняет процесс адаптации и социализации.

Одной из важнейших составляющих процесса развития детей является процесс социализации личности, при котором на ребёнка влияют различные социальные институты, такие как семья, дошкольные и общеобразовательные учреждения, внешкольные заведения, средства массовой информации (радио, телевидение) и живое непосредственное общение с окружающими людьми.

Социализация – процесс вхождения личности в социум, её взаимодействие с обществом – принятие правил, норм, ценностей и морали этого общества, приобретение социального опыта.

Во время вторичной социализации, когда ребёнок идёт в дошкольное учреждение, школу и круг его общения увеличивается – он начинает общаться со сверстниками, воспитателями, другими взрослыми людьми и соответственно усваивает определённые, уже новые для него, нормы, правила, которые существуют в окружающей среде.

Использование таких приемов, как: трансляция собственного положительного опыта, следование выполнению правил и применение санкций по их неисполнению, переключение внимания при выполнении заданий, позволит более продуктивно и успешно развивать ребёнка в социальном плане.

Известно, что дети учатся вести себя, наблюдая за окружающими. Пример других показывает детям, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Им очень полезно видеть, что взрослые ведут себя с детьми ласково, спокойно, доброжелательно; помогают решению проблем; предлагают помощь и поддержку тем, кто в ней нуждается, не мешают и не запрещают детям делать то, что они делают; не мешая другим.

Даже если дети ещё не могут воспроизвести слова «спасибо», «пожалуйста», для них будет полезным видеть образцы вежливого поведения.

Изобразительная деятельность пронизывает весь период детства и активизирует участие всех психических процессов и психических функций личности, таких как мышление, внимание, память, восприятие, речь и т.д. Рисование ребёнка на протяжении столетий вызывает внимание педагогов, психологов, дефектологов, логопедов, физиологов, искусствоведов. Процесс рисования изучался с конца XIX века и его исследование актуально и по сегодняшний день.

Первыми исследователями детского рисунка в России стали Бехтерев В.М., Левин С.А., Бакушинский А.В., Шмидт Ф.И. и другие. В этих исследованиях отображается периодизация детского развития изобразительной деятельности. Согласно мнению отечественных ученых, ребенок, имеющий отклонения в развитии, проходит те же стадии, что и ребенок без отклонений в развитии, но прохождение этих стадий проходит с опозданием и учетом индивидуальных особенностей развития.

Опираясь на исследования в специальной психологии и педагогике, можно сделать вывод, что процесс социализации у детей с интеллектуальными нарушениями проходит своеобразно. По их мнению, социальные представления у детей имеют фрагментарный и неустойчивый характер. А у детей с особыми образовательными потребностями существует необходимость «обойти пути» любого педагогического воздействия. Поэтому важно создать условия для познания мира таким детям, используя данные знания.

Объект исследования данной статьи – процесс формирования уровня культуры у де-

тей с интеллектуальными нарушениями.

Предмет исследования – особенности процесса формирования уровня культуры у детей с интеллектуальными нарушениями через создание пространства творчества.

Целью статьи является теоретическое изучение процесса формирования уровня культуры у детей с интеллектуальными нарушениями через создание пространства творчества.

Освоение поведенческих паттернов, социальных навыков и жизненных умений ребенком проходит через общение с взрослыми и сверстниками имеет большое значение для психического развития.

Появляясь на свет, человек осваивает жизненный опыт через эмоциональное окружение с людьми, окружающие предметы, игрушки и речь.

Интересно провести параллель между началом развития речи и рисунка. Нам хорошо известен тот этап в развитии речи ребёнка, когда одно слово было носителем целого предложения.

Так или иначе, людям свойственно осваивать речь и пользоваться ее, однако изобразительная деятельность требует более сложного и более продуманного процесса, при этом овладение изобразительной деятельностью носит субъективный характер. Впервые, основоположник отечественной психологии Л.С. Выготский попытался определить процессу рисования место в процессе культурно-исторического развития человека [5]. Согласно теории психического развития специфические человеческие способности возникают в ходе развития человечества в предметах материальной и духовной культуры. Основоложник отечественной психологии говорил, что «Основной и самой общей деятельностью человека, отличающей, в первую очередь, человека от животного с психологической стороны, является сигнификация, т.е. создание и употребление знаков» [5].

Существующее мнение-стереотип о школе для детей с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальными нарушениями), несущее в себе негативные установки, требует пересмотра в сторону большей адекватности. Одна из проблем в обществе – дефицит грамотной информации о детях с интеллектуальными нарушениями. Известная фраза из фильма «Форрест Гамп» – «Жизнь – как коробка шоколадных конфет. Никогда не знаешь, что внутри» – лучшая из метафор, олицетворяющая пример изменения отношения в обществе к альтернативно одаренным людям в сторону большей адекватности.

В основу концепции развития в МКОУ «Школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» г.о. Королев (МКОУ ШИ) положена идеология – создание условий для раскрытия и реализации возможностей ребенка с интеллектуальными нарушениями, относительно его психофизического состояния. А самого ребенка с особыми образовательными потребностями следует отнести к категории альтернативно одаренный, то есть не имеющим что то, присущее обычным детям, но превосходящими их в чем-то другом (термин «альтернативно одаренный ребенок» позаимствован у европейских коллег и на Западе относится больше к людям с синдромом Дауна).

Художественное название программы развития МКОУ ШИ – «Школа возможностей для альтернативно одаренных детей», генеральной линией которой является персональный успех каждого ученика. Реализация задуманного осуществляется через создание пространства творчества, вовлечения каждого участника образовательного процесса, опираясь на тезис-позицию нашего современника, российского ученого Александра Григорьевича Асмолова: «Индивидом рождаются, личностью становятся, а индивидуальность отстаивают. И моя задача, как руководителя школы, сделать так, чтобы каждый педагог считал своим профессиональным долгом искать и находить ту возможную область, в которой ребёнок будет чувствовать себя успешным, значимым и нужным, добываясь реальных качественных результатов».

Сегодняшняя статистика показывает устойчивую тенденцию увеличения детей с особыми образовательными потребностями, нуждающихся в системном специальном сопрово-

ждении развития, подборе образовательных услуг и оказании профессиональной коррекционной помощи.

Данная школа – это ежедневный мир открытий, творчества, увлечений и целая жизнь для всех участников образовательных отношений. Особенности требования предъявляются к подбору кадров.

При подборе персонала ключевым аспектом являются как профессиональные навыки, так и личностные качества. Профессиональные навыки необходимы в области олигофренопедагогики, важно уметь разрабатывать и внедрять коррекционно-образовательные технологии с целью развития компенсации отклонений в психофизическом развитии каждого ребёнка, психолого-педагогическая, дефектологическая подготовка в области требований федеральных государственных образовательных стандартов.

Личностные качества, которые необходимы любому сотруднику школы, такие как – оптимизм, активная жизненная позиция, гибкость, умение быстро адаптироваться к новым условиям, самостоятельно анализировать свои поступки, чувствовать себя комфортно в разных ролях – ученика, учителя, командного игрока, уметь мотивировать и родителей и обучающихся на эффективное сотрудничество. Не все сотрудники готовы к таким требованиям, многие нововведения встречаются сопротивлением.

Учитывая уникальность альтернативно одаренного ребенка, при формировании компетенций в образовательной деятельности, применять познавательно-поведенческий подход с обязательным комплексным профессиональным сопровождением специалистов разного профиля:

- психолога, логопеда, дефектолога, невролога, психиатра, педиатра, социального педагога, воспитателя, олигофренопедагога, инструктора по лечебной физкультуре, педагогов дополнительного образования;

- вырабатывать совместную ответственность взрослых участников образовательных отношений за обучение и воспитание детей с особыми образовательными потребностями – это то, чем живет на сегодняшний день команда профессионалов МКОУШИ.

На сегодняшний день в МКОУ «Школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» обучается 220 детей с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальными нарушениями), из них 65 детей с тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМНР), 38 детей с расстройством аутистического спектра, 15 детей с синдромом Дауна, 118 детей имеют статус ребенок-инвалид.

Основным при выборе образовательных технологий и методик является тезис: «Основной стандарт обучения альтернативно одаренного ребенка – создание ситуации успеха для него». Пребывание детей в школе направлено на приобретение жизненных навыков и социальных умений.

Учитывая уникальность альтернативно одаренного ребенка, при формировании жизненных компетенций делается акцент на создании пространства творчества в любой сфере деятельности.

Образовательная деятельность профильного обучения осуществляется по отраслям:

- Цветоводство – «Украшим мир цветами»;
- швейное дело – «Дизайн-лаборатория»;
- столярное дело – «Мастерская столяров»;
- социально-бытовое ориентирование – «Мастер чистоты».

Организация дополнительного образования в школе-интернате представлена широким диапазоном кружковой работы различных направлений:

- изостудия «Разноцветный мир»;
- «Основы православной культуры»;
- хореографическая студия «Радуга», музыкальная студия «Золотые голоса» и «Соль-

ное пение»);

- кружок технической направленности «Лего-конструктор»;
- кружок умелые руки «Фантазия», театральная студия «Счастливый путь», футбольный клуб «Инфайтер» и спортклуб «Юный теннисист».

В рамках кружка «Юный журналист» выпускается газета «Школьная весточка».

Организована работа Родительского клуба «Подсолнух», который осуществляет совместную проектную деятельность по вопросам оказания специализированной помощи и коррекционной поддержки родителям и детям. В МКОУ ШИ работает команда профессионалов в области коррекционной педагогики и психологии, присутствует корпоративный дух.

Среди обучающихся есть победители и призёры творческих фестивалей и конкурсов муниципального, регионального и всероссийского уровней, победители и призёры в спортивных соревнованиях среди детей с ограниченными возможностями здоровья городского и регионального уровней. За 2016 год – 3 губернаторских стипендиата; за 2017 год – 5 губернаторских стипендиатов, в 2018 году 6 обучающихся, которым присвоена именная губернаторская стипендия. Выпускники продолжают образовательный маршрут по освоению специальности в профессиональных техникумах Москвы и Московской области.

В школе есть стремление к тому, чтобы каждый ученик знал, что ему есть место для самовыражения, самоутверждения, его ждут в школе, и он будет успешен. Создание комфортной среды способствует вовлечению всех участников образовательных отношений в образовательный процесс. Обеспечивая информационную открытость образовательного учреждения, используя школьный сайт и современные социальные сети, выстраивается диалог с общественностью, который направлен на повышение качества образовательных услуг в учреждении, увеличение числа социальных партнёров и друзей школы.

Отношения, как известно, характеризует связи личности с различными сторонами объективной действительности.

Специфическим видом отношений человека с человеком выступают взаимоотношения – обязательно прямые межличностные отношения между людьми, которые общаются между собой. При таком общении каждый человек влияет на того, с кем общается.

Поэтому, о какой бы сфере человеческой деятельности и человеческих взаимоотношений не было – установление взаимоотношений между людьми зависит от их целенаправленной и ответственной взаимодействия, основанная на культуре человеческих взаимоотношений, выступает регулятором поведения, является основой уважительного отношения и взаимопонимания, терпимости и взаимоуважения. Именно через культуру человек различает ценности и делает свой выбор, выражает себя.

Само понятие «культура» в переводе с латинского означает «воспитание, образование, развитие».

Кроме того, можно определить культуру как комплексное выражение активного творческого характера человеческой деятельности, различают культуру материальную, интеллектуальную, художественную, эстетическую, моральную.

Нравственная культура тесно связана с гуманистическими ценностями, уровнем их реального воплощения в нравственном опыте общества. Однако существующие в настоящее время в социальной реальности современный экономический уклад меняют механизмы общения и способствуют общему ухудшению человеческих отношений, что и отражается на взаимоотношениях детей с интеллектуальными нарушениями, в частности на их культуре.

Между тем, культура человеческих отношений предполагает согласованное единение внутреннего состояния человека и внешних обстоятельств, которые позволяют выстраивать поведенческую линию, адекватно жизненной ситуации. А.С. Белкин утверждает, что некоторые пункты правил поведения школьника могут быть просто недостижимыми для действительного понимания умственно отсталыми детьми, а потому и не являются регуляторами их

поведения. Чтобы подвести учащихся с интеллектуальными нарушениями к пониманию культуры человеческих взаимоотношений и чтобы, к примеру, уроки литературного чтения приносили им радость и вдохновение, необходимо научить их углубиться в произведение, восхититься его красотой.

Ведь определённое время художественная литература рассматривалась в историко-функциональном и классовом аспектах, затрудняло её восприятие.

Организация и проведение констатирующего эксперимента. С целью выявления различий в восприятии предметов с помощью изобразительной деятельности у детей с нарушенным интеллектом и у детей с сохранным интеллектом был проведен эксперимент.

В проведении данного эксперимента принимали участие 2 ребёнка с сохранным (Контрольная группа далее – КГ) и 2 ребёнка с нарушенным интеллектуальным развитием (Экспериментальная группа далее – ЭГ). Возраст детей – 10 лет: по одному мальчику и одной девочке в каждой группе.

Экспериментальная работа проводилась следующим образом:

- дети в процессе изобразительной деятельности рисовали рисунки после полученных объяснений: «Сегодня Вы можете рисовать рисунки такие, какие нравятся вам. Рисуйте по своему желанию, то, что вам хочется»;
- в процессе изобразительной деятельности на втором занятии, дети выполняли работу на тему: «Нарисуй любимое животное»;
- Задание: «Перерисовать пирамиду из 7 колец».

Анализ и результаты проведения констатирующего эксперимента. Необходимо сказать, что особую своеобразность в рисунках детей имеет форма и изображение отдельных частей предметов.

Таким образом, планируя воспитательное воздействие с использованием коррекционных технологий, педагогическому работнику важно учиться преодолеть трудности и понимать специфический характер деятельности ребенка с ограниченными возможностями здоровья, особенно ребенка с интеллектуальными нарушениями.

В процессе выполнения работы на свое усмотрение, работы детей с нарушением интеллектуального развития имеют явное отличие от работ детей без интеллектуальных нарушений:

- основные линии изображаемого предмета: неровные, прерывистые, цвет не соответствует заданному примеру; встречается беспорядочность в изображаемых элементах.
- продукты деятельности: знаки без формы; изображения, не соответствуют инструкции. У детей с интеллектуальными нарушениями не сформированы представления, отсутствуют умения в исполнении, интерес к процессу изображения часто отсутствует.
- познавательные возможности детей с нарушением интеллекта ограничены, успешность выполнения задания для них не критично.
- зрительно-двигательное взаимодействие не согласовано, необходимы методики коррекционного сопровождения для снятия ограничений в эмоциональной сфере.
- в выполнении заданий обнаружены отличия между контрольными и экспериментальными группами эксперимента. Показатели выполнения заданий у экспериментальной группы оказались ниже, чем у контрольной группы.
- в процессе изображения «любимого» животного дети с интеллектуальными нарушениями показали положительные результаты в незначительных аспектах.

Для правильного выстраивания образовательного процесса изобразительному искусству ребенка с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальными нарушениями) педагогическому персоналу важно учитывать психолого-педагогические особенности развития такого контингента детей. Каждому ребенку с интеллектуальными нарушениями нравится рисовать, они охотно реагируют на просьбу педагога, но являются несовершенновыми в по-

строении формы изображаемых объектов и неверно передают пространственные отношения и логическую связь отдельных предметов.

Большое значение имеет игра и виды продуктивной деятельности, к которым относится рисование. Специфическими орудиями являются карандаш и бумага. Рисование вызывает положительные эмоции, в процессе изобразительной деятельности и осуществляет всестороннее развитие ребёнка. И неудивительно, что очень часто эти предметы используются не по назначению. Первые графические проявления возникают в определённой степени случайно, как один из возможных результатов манипуляций с карандашом и бумагой.

Важным фактором выступает механизм подражания: наблюдая за действиями старших, ребёнок пытается их копировать.

Эмоциональные вспышки. В этом состоянии ребёнок визжит, он краснеет, руки и ноги дрожат. Такие вспышки возникают от неспособности ребёнка справиться со своими эмоциями гнева или с фрустрацией (разочарованием). Если это фрустрация, то с такими вспышками лучше справиться, изменив условия, которые её вызвали. Например, заменив велосипед, который всегда падает, забрав пирамидку, которая никак не складывается, добавив игрушки в центр песка.

Если это – гнев, то тактика должна быть другой. Такие вспышки лучше игнорировать, потому что если в такой ситуации обращать на ребёнка внимание, он будет и в дальнейшем позволять себе подобное поведение.

После того как вспышка затихнет, взрослый должен уделить ребёнку внимание, успокоить его, помочь справиться с ситуацией. Например, после истерики из-за грузовика, который достался другому ребёнку, можно сказать: Ну, вот ты и перестал плакать. А теперь пойдём трактор».

Негативизм детей. Иногда малыши делают противоположное тому, чего от них хотят или ожидают взрослые, или же кричат: «Нет!», таким образом, утверждая собственную автономию. Это неизбежно приводит к столкновению между взрослыми и детьми. Чтобы предотвратить возникновение таких негативных ситуаций можно использовать приёмы, о которых будет идти речь.

В процессе общения с дошкольниками нельзя использовать ультиматумы. Вместо того, чтобы сказать: «Подними сейчас!», лучше сказать: «Как ты думаешь, куда лучше положить эту игрушку?» или «Как ты думаешь, куклу лучше положить на кровать или посадить на стул?». Такие формулировки помогут детям принимать решения, а, следовательно, контролировать ситуацию, которая и стала, собственно, причиной конфликта.

В определённые моменты нужно давать детям возможность выбора. Малыши ищут возможность проявить свою силу. Принимая то или иное решение, ребёнок словно становится ответственным за ситуацию. Давая детям возможность выбрать одну из двух положительных линий поведения, взрослые помогают им почувствовать собственную успешность и использовать собственную силу в положительном направлении [1, с.70-76].

Когда дети говорят «нет», не реагируйте сразу, сделайте паузу. Избегайте конфронтации с детьми. Старайтесь осуществить замену или изменить их направление. Небольшая пауза даст ребёнку возможность успокоиться, а вам – собраться с мыслями и найти конструктивное решение. Вторая попытка уже не вызывает такого негативного приёма.

При проведении занятия педагогическому работнику, да и любому взрослому, который занимается с ребёнком, необходимо учитывать следующие требования:

- развивать заинтересованное отношение ребёнка с интеллектуальными нарушениями к заданиям, которые предлагаются;
- уметь создавать ресурсное эмоциональное состояние;
- обеспечивать игровую мотивацию деятельности.

Успех развития изобразительной деятельности ребенка с интеллектуальными нарушениями во многом зависит от методов обучения, подбора заданий для занятий, адекватный учет индивидуальных особенностей и возможностей каждого ребенка, поддержание ресурсного эмоционального фона в ходе всего периода взаимодействия с ребенком.

Развитие изобразительной деятельности у ребенка с интеллектуальными нарушениями может быть спланированным, контролироваться и регулироваться на каждом этапе, ее развитие и формирование играет ведущую роль не только в обучении, но и в коррекционной области. Для всестороннего развития, ребенка принято обучать рисованию в любой сфере педагогической деятельности, особенно в области коррекционной педагогики.

При создании условий обучения изобразительной деятельности педагогическому работнику коррекционного учреждения необходимо выстраивать этапы создания рисунка:

- осмысление изобразительных задач и результата предстоящей работы;
- осознание различного рода инструкций;
- осмысление особенностей наглядного восприятия объекта;
- планирование изобразительной деятельности;
- реализация контроля над собственной работой;
- самооценка и результаты изобразительной деятельности.

При этом учитывать в работе, что познавательные процессы у умственно отсталых детей имеют своеобразный процесс, преобладает наглядно-действенное мышление и положительное эмоциональное подкрепление.

Стоит подчеркнуть, что своевременная помощь умственно отсталому ребёнку младшего школьного возраста в овладении средствами рисования, имеет большое значение, поскольку от того, насколько рано ребёнок получит возможность учиться рисовать, пользоваться соответствующими материалами, зависит его умственное развитие

Рисунок для умственно отсталого ребёнка – возможность устанавливать свой контакт с окружающим миром, передавать свои чувства языком рисунка.

Итак, рисование для умственно отсталых детей выступает своеобразным аналогом языка. На особенности развития ребёнка в значительной степени влияет характер его отношений с окружением. Взрослый является тем необходимым двигателем, который собственным отношением к ребёнку формирует его мировоззрение и восприятие им окружающих и самого себя. Особое значение отношения с взрослым приобретают в период дошкольного и младшего школьного возраста.

Восприятие социального мира у ребёнка с интеллектуальными нарушениями выражается через эмоциональное отношение мира внутри и вокруг его окружения. Активное вовлечение взрослых в социальный окружающий мир ребенка с интеллектуальными нарушениями с привлечением культурно-значимых традиций повысит осознанную позицию собственного мироощущения и вероятность обеспечения повышения качества жизни в целом.

Литература

1. Алексеев О.Л. Отражение контраста формы объектов младшими школьниками с нарушенным интеллектом в изобразительной, предметно-практической деятельности и речи / О.Л.Алексеев, Т.В.Нестерова // Дефектология. 2017. № 6. С. 13-20.
2. Евтушенко Е.А. Использование регулятивной функции театрализованной деятельности в воспитании умственно отсталых детей / Е.А.Евтушенко // Социально-гуманитарные знания. 2015. №4. С. 341-348.
3. Екжанова Е.А. Изобразительная деятельность в системе воспитания и обучения дошкольников с умственной недостаточностью (умственно отсталые дети и дети с задержкой психического развития): Автореф. дис. ... докт. пед. Наук / Е.А.Екжанова // М. 2013. 48 с.

4. Москалькова С.Н. Особенности художественно-графических действий младших школьников с нарушением интеллекта в процессе работы кистью и красками / С.Н.Москалькова // Специальное образование. 2014. № 1. С. 112-121.
5. Нестерова Т.В. Методика обучения младших школьников с нарушенным интеллектом графическому отображению различий в величине и форме предметов / Т.В.Нестерова // Специальное образование. 2014. № 12. С. 32-36; 2009. № 1. С. 51-57.
6. Нестерова Т.В. Методика обучения младших школьников с нарушенным интеллектом отображению в рисунках различий в светлоте предметов / Т.В.Нестерова // Специальное образование. 2013. № 2. С. 36-41.
7. Нестерова Т.В. Методика обучения младших школьников с нарушенным интеллектом отображению в рисунках различий в цвете предметов / Т.В.Нестерова // Специальное образование. 2013. № 3. С. 57-63.
8. Нестерова Т.В. Методика работы с контрастом при обучении изобразительной деятельности учащихся с нарушенным интеллектом / Т.В.Нестерова // Начальная школа. 2013. № 6. С. 82-86.
9. Нестерова Т.В. Применение контраста в обучении изобразительному искусству младших школьников с нарушениями интеллекта / Нестерова Т.В. // Дефектология. 2016. № 4. С. 18-26.

УДК 371.72

ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЫХ ДИЗАЙНЕРОВ В ПРОФЕССИЮ

Т.Н. Архипова, к.т.н., доцент кафедры дизайна,
Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королёв, Россия

Статья посвящена вопросам подготовки дизайнеров в вузе. На примере двух профилей показаны задачи, которые должны уметь решать дизайнеры-профессионалы. В статье отмечаются наиболее важные вопросы швейной промышленности, в которых должны ориентироваться дизайнеры профиля fashion. Показаны наиболее современные системы автоматизированного проектирования одежды. Дается понятие коллекции одежды и краткое описание основных видов коллекций. Представлены дизайн-проекты студентов-выпускников кафедры дизайна. Продемонстрирован опыт работы студентов-дизайнеров Технологического университета в чемпионатах (WorldSkills Russia). Отмечены аспекты, которые необходимо реализовать в учебном процессе при подготовке профессионалов дизайнеров.

Дизайн, профессия, одежда, коллекция, дизайн среды.

INTEGRATION OF YOUNG DESIGNERS IN THE PROFESSION

T. N. Arkhipova, candidate of technical Sciences, assistant professor of Design Chair,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article is devoted to the issues of training designers at a university. Using two profiles as an example, we show the tasks that professional designers should be able to do. The article highlights the most important issues of the clothing industry, which should be guided by fashion profile designers. The most modern systems for the automated design of clothes are shown. The concept of a clothing collection and a brief description of the main types of collections are given. Design projects of graduate students of the Department of Design are presented. The experience of work of design students of the Technological University at the Champion (s) (WorldSkills Russia) is shown. The aspects that need to be implemented in the educational process when preparing professional designers are noted.

Design, profession, clothing, collection, design environment.

В современном мире дизайн играет немаловажную роль. Опыт подготовки дизайнеров в Технологическом университете г.Королёв по профилям fashion и дизайн среды показал, что следует осуществлять обучение студентов ближе к реалиям дизайнерской деятельности. Известен ряд научных работ по подготовке дизайнеров, организации дизайна образовательной среды и развития современной молодежи [1, С. 22-28; 2, С. 19-28 ; 3, С. 1073-1079; 4, С. 228-238; 5].

В Технологическом университете осуществляется подготовка дизайнеров по профилям fashion, дизайн среды и графический дизайн. Первый профиль готовит дизайнеров одежды и все вопросы, связанные со швейной промышленностью – отраслью легкой промышленности, выпускающей все виды одежды из различных материалов. Для того чтобы швейная промышленность удовлетворяла потребности людей в одежде высокого качества и большого разнообразия ассортимента, необходимо повышать эффективность производства,

усовершенствовать оборудование, использовать современные технологии. Все эти вопросы должны хорошо знать молодые профессионалы дизайна одежды. Современный дизайнер одежды должен уметь ориентироваться в нюансах перспективной моды. Для дизайнера важным является не только разработка и создание перспективной коллекции моделей одежды, но и умение выполнить конструкторско-технологическую проработку проектируемых изделий, разработку конструкций одежды на основе использования прогрессивных методов конструирования с использованием систем автоматизированного проектирования одежды (САПРО).

Молодой профессионал fashion индустрии должен иметь глубокие знания конструирования, технологии, материаловедения и не только этих базовых специальных дисциплин. Он должен владеть информационными технологиями, обладать способностью проектирования эксклюзивных изделий с использованием различных методик и методов, а также современных систем автоматизированного проектирования одежды (САПР) и компьютерных программ [6; 7].

В настоящее время наиболее широко используется целый ряд систем автоматизированного проектирования одежды такие, как САПР Ассоль, САПР GRAFIS, САПР Lectra, САПР Optitex, САПР Gerber, Assyst и др.

Одним из важнейших этапов, которым в совершенстве должны овладеть студенты, является умение анализировать тенденции моды и требования, предъявляемые к перспективной авторской коллекции.

Коллекция – это серия моделей, имеющая общую идею в отношении применяемых материалов, цветовой палитры, формы, базовых конструкций, стилевых решений. Главными признаками коллекции является ее целостность и динамика идеи.

Перспективные коллекции демонстрируют тенденции развития моды, и чаще всего на будущий год. Они отражают новые тенденции и развитие стилей будущих сезонов. К этой группе относятся коллекции «от кутюр», представляющие новые концепции в мире моды и коллекции «прет-а-порте», разработанные ведущими дизайнерами.

Промышленные базовые коллекции отрабатывают перспективные тенденции, продемонстрированные в классе «прет-а-порте». Обычно адаптация новых стилей и тенденций моды, проходит в течение некоторого периода (о одного года до двух лет). Такие модели рассчитаны на внедрение в массовое производство.

Авторские коллекции демонстрируют индивидуальность и творческую концепцию дизайнера (рис.1). Авторскими коллекциями могут быть коллекции высокой моды, так и класса «прет-а-порте», представленные признанными мастерами моды.

Эксклюзивность работы дизайнера Яценко Анастасии подчеркивается и усиливает все акценты коллекции «Милитари» проведением фотосессии на фоне военной техники (рис.2).

Рисунок 1 – Эскизный ряд коллекции «Милитари», автор Яценко Анастасия, 2019

Рисунок 2 – Коллекция «Милитари», автор Яценко Анастасия, 2019

Актуальные в настоящее время чемпионаты «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) по компетенции «Технологии моды» выявляют уровень знаний и умений студентов при проектировании одежды и показывают, что специалист в области индустрии моды должен владеть практическими навыками изготовления лекал и пошива изделия.

Студент, выходя из стен вуза, попадает в реальную дизайнерскую среду, где он должен быть на уровне с уже имеющими опыт профессионалами. В связи с этим в ВУЗе с самых первых дней обучения необходимо готовить студентов к тем проблемам, которые могут возникнуть в их будущей профессиональной деятельности.

Опыт работы в Чемпионатах (WorldSkills Russia) по компетенции «Технологии моды» и «Дизайн модной одежды и аксессуаров» показал, что дизайнер одежды должен владеть информацией о сегменте потребителей, ключевых ценностях, действиях, ресурсах и партнерах, уметь определиться со структурой расходов, понимать каким образом должна быть оформлена рекламная деятельность.

При обучении студентов профиля Дизайн среды важным является включение в учебный процесс реальных разработок, например, как сделано в выпускной квалификационной работе (ВКР) Лукашиной Анны, которая выполнила дизайн - проект интерьеров загородного дома и сооружений с ландшафтной организацией участка застройки (рис.3,4). Студентам профиля Дизайн среды необходимо владение компьютерными программами Autodesk 3ds Max, ARCHICAD, что также следует осваивать в вузе.

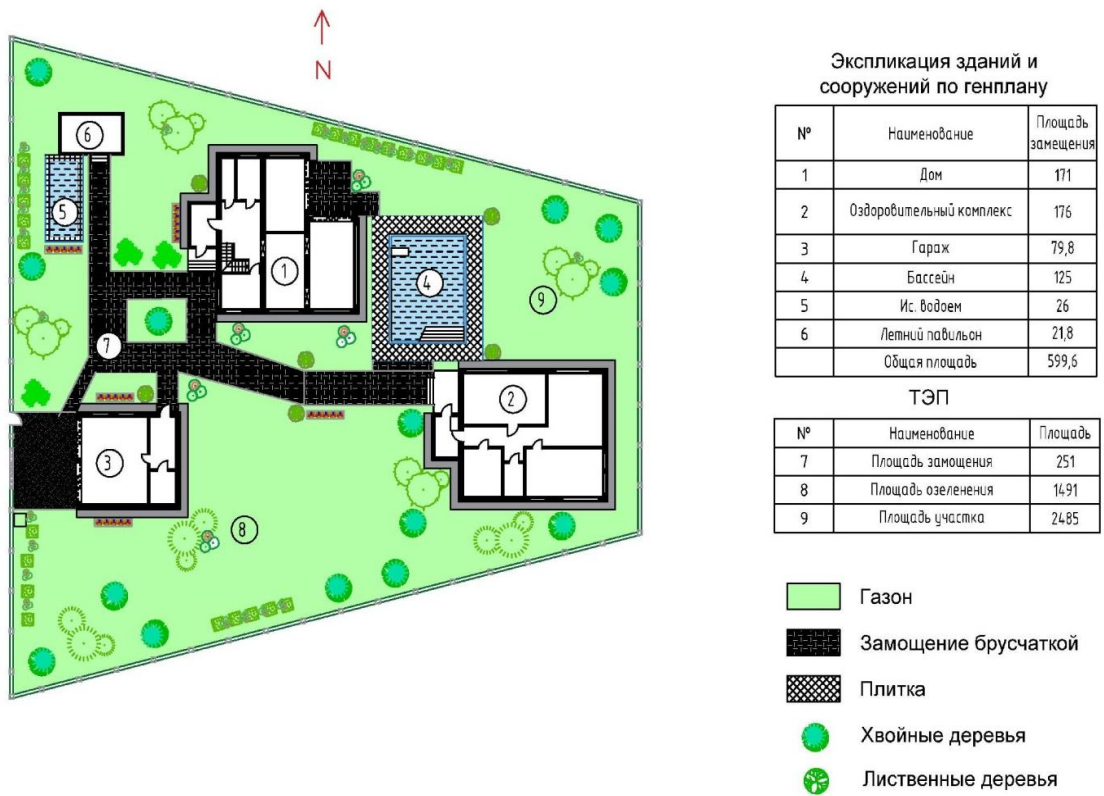

Рисунок 3– Схема планировочной организации участка

Рисунок 4 – Визуализация участка

В рамках ВКР была изучена история поселка Тарасовка (Московская область) и родового наследия, решены задачи разработки архитектурно-планировочных решений загородного жилого дома. Были разработаны: схема планировочной организации земельного участка (СПОЗУ), индивидуальная стилистика дома, его интерьеров и других сооружений, а также ландшафтная организация прилегающей территории.

Современный дизайнер должен непременно обладать деловыми чертами характера, при этом уметь общаться не только с поставщиками материалов, но и с клиентами.

Таким образом, следует отметить, что одной из основных задач кафедры Дизайна является грамотная разработка образовательной программы и учебного плана. Преподаватели, особенно руководители курсового и дипломного проектирования должны помочь студентам сориентироваться в потоке информации, направить их на участие в профессиональных конкурсах различных уровней и научить выполнять реальные разработки, которые не просто остаются в бумажном или компьютерном исполнении, а находят реализацию в виде готовых изделий, востребованных заказчиком. Это позволяет студенту увереннее себя чувствовать в роли дизайнера, видеть итоги теоретического и практического освоения информации в рамках аудиторных занятий. Все это сгладит переход молодого дизайнера от вузовской среды к реальной профессиональной деятельности. Интеграция молодых дизайнеров в профессию должна быть осуществлена максимально без затруднений для выпускника вуза.

Литература

1. Архипова А.А. Опыт строительства зданий для досуга молодежи Архипова А.А. Жилищное строительство. 2018. № 11. С. 22-28.
2. Архипова А.А. Специфика эстетизации образовательной среды. В книге: Инновационные технологии российского и зарубежного образования Нагорнова А.Ю., Файн Т.А., Архипова А.А., Гаврилова Ю.А., Гаврилов Д.В., Петренко О.Л., Гальченко Н.А., Порецкова Г.Ю., Басис Л.Б., Корольков А.Н., Галушкин А.А., Хасанова А.Р., Певзнер М.Н., Шерайзина Р.М., Дониная И.А., Омарова Н.Ю., Александрова Н.В., Петряков П.А., Епхиева М.К., Джикаева Ф.З. и др. Коллективная монография. Ответственный редактор А.Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2018. С. 19-28.

3. Кирилина Т. Ю., Лапшинова К.В., Татарова С.Ю. Цивилизационное развитие России в оценках современной студенческой молодежи // В мире научных открытий. – № 7.9 (67) – 2015. – С. 1073-1079.
4. Кирилина Т.Ю. Мониторинг качества учебного процесса в вузе // В сборнике: Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества ВУЗов стран Таможенного союза и СНГ сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2013. - С. 228-238.
5. Петушкова Г.И., Деменкова, А.Б. Петушкова Т.А. «Трансформация как метод проектирования костюма» - М.: ИИЦ МГУДТ, 2008 – 241с.
6. Студентка кафедры дизайна вновь среди призёров международного фестиваля моды [Электронный ресурс]: независимый проект. - Режим доступа: https://unitech-mo.ru/news/12095/?sphrase_id=59266 (дата обращения 12.07.2019).
7. Дизайнерские решения студентов университета - «технологический университет [Электронный ресурс]: независимый проект. - Режим доступа: https://unitech-mo.ru/news/11128/?sphrase_id=59265 [Электронный ресурс]: независимый проект. - Режим доступа: <https://unitech-mo.ru/news/14681/> (дата обращения 12.01.2018).

УДК 371.39

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

А.Б. Деменкова, к.т.н, доцент, доцент кафедры дизайна,
И.В. Христофорова, д.э.н, профессор, заведующий кафедрой дизайна,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования Московской области «Технологический университет», г. Королёв, Россия

В статье рассматриваются современные технологии, профессиональные компетенции в подготовке студентов творческих специальностей.

Дизайн, информационные технологии, профессиональные компетенции.

USE OF MODERN TECHNOLOGIES IN PREPARATION OF STUDENTS OF CREATIVE SPECIALTIES

A.B. Demenkova, Ph.D., Associate Professor, Department of Design,
I.V. Khristoforova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Design,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article discusses modern technology, professional competencies in the preparation of students of creative specialties.

Design, information technology, professional competencies.

Изучение современных технологий в подготовке и формировании профессиональных компетенций студентов творческих специальностей является необходимым условием обучения бакалавров. Данная тема является значимой в системе модернизации высшего профессионального образования. Поскольку традиционная система образования ориентирована на получение положительных оценок обучения, а новые методы преподавания позволяют направить будущего дизайнера на получение профессии, созданной в учебном процессе.

В данной статье представлены технологии в обучении студентов творческих специальностей из опыта кафедры Дизайна Технологического университета Московской области (МГОТУ), рассмотрены вопросы формирования профессиональных компетенций у студентов, выявлены методы преподавания творческих специальностей.

Рынок труда требует изучения студентами, как теоретических знаний, так и практических навыков, что выражается в новых технологиях, разработанных в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ВО) по направлению подготовки бакалавров 54.03.01 Дизайн.

На сегодняшний день многоуровневая система подготовки бакалавров, основанная на внедрении ФГОС, компетентностной системы образования требует изучения методов формирования профессиональных компетенций у дизайнеров. В ряде научных работ изучены методы формирования профессиональных компетенций у дизайнеров [1-3].

Компетенция – это способность личности успешно выполнять деятельность определенного вида на основе сформированных знаний, умений, навыков, опыта деятельности и профессионально значимых личностных качеств.

ФГОС ВО регламентирует использование понятий «компетенция», «компетентность» и «компетентностный подход» при разработке и формировании образовательных программ ВО [7].

В соответствии с ФГОС ВО, бакалавр должен обладать общекультурными компетенциями (ОК-1-11) и общепрофессиональными компетенциями (ОПК-1-7).

Профессиональными компетенциями (ПК), соответствующими видам профессиональной деятельности, на которые ориентирована данная программа:

- художественная деятельность – (ПК-1-3);
- проектная деятельность – (ПК-4-8);
- информационно-технологическая деятельность – (ПК-9-10);
- организационно-управленческая деятельность – (ПК-11);
- научно-исследовательская деятельность – (ПК-12);
- педагогическая деятельность – (ПК-13).

Профессиональные качества дизайнера напрямую связаны с приобретенными компетенциями, отвечающими требованиям профессиональных стандартов. Расширение формируемых компетенций студентов ведет к увеличению профессиональных качеств выпускников.

В научной литературе изучена возможность модернизации высшего образования – ЕС управление проектным циклом, которая предполагает развитие личности студента с помощью обучения и расширения возможностей жизнедеятельности, что связано с активизацией творческой личности студента. Развитие этих качеств напрямую связано с повышением творческой реализации преподавателей.

Николайчук А.С. в своих работах изучает современные методы обучения студентов творческих специальностей в системе компетентностного подхода. Автором выделены основные проблемы подхода в современном образовательном процессе. Представлена общая схема проектирования учебной цели [4].

Роль ведущего преподавателя в педагогическом процессе обучения студентов архитектурного факультета проанализирована в работе Петрова В.А. Изучены основные требования и задачи преподавания, это определения цели задания, этапов работы, контроль выполнения работы и коррекция, анализ выполненных работ [5].

Блок-схема «Методы формирования профессиональных компетенций у дизайнеров» представлена на рисунке 1. Она демонстрирует необходимость участия студентов в профессиональных конкурсах, научных конференциях, прохождении производственной практики, участия в праздниках и мероприятиях, посещении художественных выставок классического и современного искусства, профессиональных выставок, формировании опыта работы свободным художником, во встречах с выпускниками кафедры, выездных занятиях, посещении мастер-классов, участия в зарубежных стажировках.

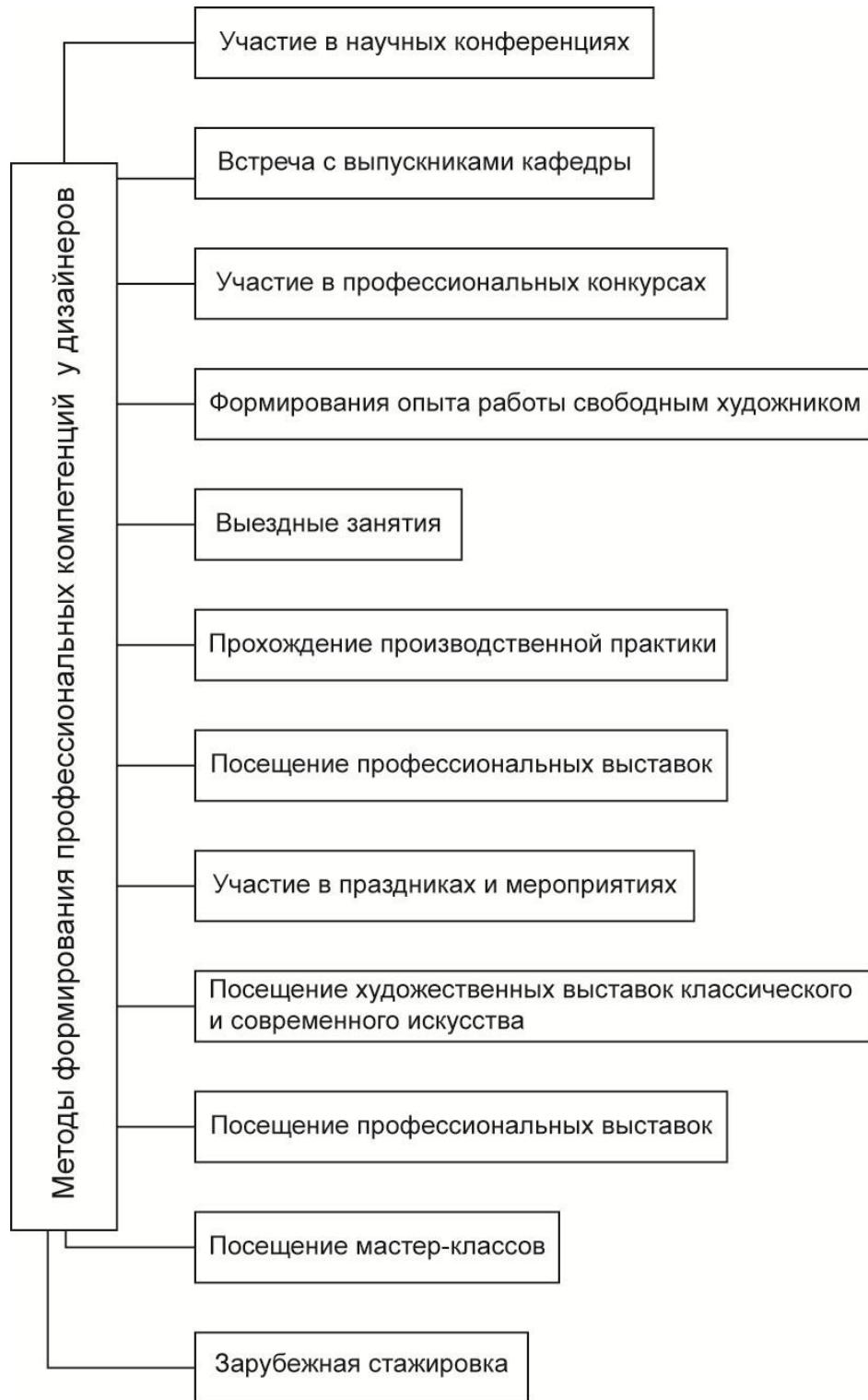

Рисунок 1 – Блок-схема «Методы формирования профессиональных компетенций у дизайнеров»

Важный прием в повышении эффективности – развитие творческого потенциала будущего дизайнера, поскольку нестандартное, нешаблонное мышление позволяет разрабатывать новые подходы в дизайн-проектах.

Необходимым качеством современного выпускника ВУЗа является умение ориентироваться в жизненных ситуациях, чувствовать профессиональную уверенность. Дизайнеру необходимо методически и организованно решать поставленные задачи, принимать необходимые решения и объективно оценивать результат деятельности.

Основная проблема современного образования заключается в отрыве образования от реальных работодателей. Решение данной проблемы базируется на расширении взаимодействия реального бизнеса с ВУЗом и студентами. Целесообразно развивать участие потенциального работодателя при составлении учебных планов и учебных программ, открытие базовых кафедр.

Методы преподавания творческих специальностей представлены на рисунке 2.

Это – метод проектов, позволяющий применять теоретические знания на практике.

Метод сотрудничества – основывается на взаимодействии творческой команды, нацеленной на получение наилучшего креативного варианта.

Метод портфолио – сбор учебных творческих работ, позволяет будущим специалистам визуально представить свои знания. Необходима ориентация учебного процесса на разработку дизайнерских проектов в учебном процессе. После окончания вуза студент будет иметь готовое портфолио, которое является важным атрибутом будущего дизайнера.

Метод «погружения в мировое творчество и специальность» основывается на регулярном посещении профессиональных выставок и семинаров, позволяющий использовать как классические приемы творчества, так и современные мировые тенденции в своих дизайнерских проектах.

Метод формирования интереса студента к выбранной профессии, дает возможность будущему специалисту развить свою эмоциональную составляющую.

Важным методом повышения инноваций в обучении является, использование мультимедийных и информационных технологий. Поскольку развитие образовательного процесса взаимосвязано с прогрессом в среде информационных технологий, это появление новых профессиональных программ в области дизайна и новых приложений, как для персональных компьютеров, так и для телефонов.

Так же студентам необходимо уметь формировать и структурировать информацию, чтобы качественно и продуктивно ее использовать. Это составление схем, конспектов и лекций с визуальными примерами. На сегодняшний день информационные технологии в условиях глобальной информатизации непрерывно развиваются и прочно обосновались в нашей жизни. Современные информационные технологии дают возможность быстро осуществлять поиск информации, разрабатывать дизайн проекты, производить хранение, трансформацию и т.п.

Для специалистов в области дизайна среды необходимо уметь владеть как художественной подачей эскиза, так и современным программным обеспечением – 2D и 3D проектированием. Основные программы 2D-проектирования для специалистов в области дизайна среды это Autocad, AchiCad. 3D-проектирования – 3D Studio Max, SketchUp, Maya, Cinema 4D.

Главный недостаток 2D-проектирования заключается в трудности визуального представления проекта, особенно для заказчиков и клиентов. Так же минус 2D-проектирования – это трудность восприятия проекта или изделия в реальности и пространстве.

Рисунок 2 – Блок-схема методы преподавания творческих специальностей

Таким образом, дизайн компаниям необходимо дополнять проект реальными моделями или прототипами. Что не дает возможности мобильно вносить изменения в проект, корректировать конструкторские ошибки и т.о. несет дополнительные издержки.

3D-проектирование позволяет представить проект в объеме еще до создания чертежей и модельных образцов. Визуализация модели – это главное преимущество трехмерного моделирования. Многие высшие и средние учебные заведения и образовательные центры предлагают изучение программ 2D и 3D-проектирования. Понятие «4D дизайна» включает в себя разработку мультисенсорного дизайна. В качестве четвертого измерения изучаются эмоции, что всегда влияет на восприятие объекта дизайна.

Интерактивные, мультимедийные инсталляции – это следующий этап в проектировании дизайна среды. Интерактивный дизайн – это новое направление в дизайне, подразумевает взаимодействие человека с современными технологиями. Основная область изучения – это исследования и испытания реального пользователя. Интерактивный дизайн проектирует инсталляции, смарт-устройства, цифровые платформы, мобильные приложения и выставочные пространства.

Виртуальная реальность позволяет создавать дистанционное присутствие, реальность создается с помощью сенсорных выводов, происходит эффект телеприсутствия, используется механика изображения и звука.

Блок-схема мультимедийных дизайн-объектов представлена на рисунке 3. В работе О.Г. Яцюка [9] выделяется четыре различные группы мультимедийных дизайн-объектов: компьютерные модели объектов актуального и прогнозного дизайна, сетевые информационно-коммуникативные среды, художественные и релаксационные среды, обучающие, тренинговые системы. Мультимедийные возможности способствуют развитию креативного мышления.

Рисунок 3 – Блок-схема мультимедийных дизайн-объектов по О.Г. Яцюку

Таким образом, повышение уровня профессиональных компетенций у дизайнеров необходимо начинать с первого курса. Важно научить студента выбирать и анализировать информацию, распределять объем времени на проект, использовать художественные компетенции и технологичные современные приемы проектирования, что позволит ему стать конкурентоспособными на рынке труда. Внедрение в учебный процесс современных методов преподавания, является необходимым условием повышения качества образования и подготовки специалистов в области дизайна на высоком профессиональном уровне.

Следующий аспект – это повышение уровня проектной культуры с использованием мультимедийных средств. Это дает возможность показать дизайнерский замысел в полном объеме, позволяет максимально визуализировать концепцию проекта для заказчика и как следствие повышает коммерческую успешность проектов.

Будущим дизайнерам необходимо осваивать различные новые программы систем автоматизированного проектирования и другие смежные компьютерные программы, что позволит им стать конкурентоспособными на рынке труда.

Литература

1. – Бахлова Н.А. Формирование профессиональных компетенций будущих дизайнеров на основе междисциплинарного диагностического комплекса (в образовательном процессе вуза): автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Орел. 2017. 24 с

2. Муртазина С. А. Формирование профессиональных компетенций у бакалавров дизайна в процессе изучения дисциплины "История искусств": диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Муртазина Светлана Альбертовна; [Место защиты: Казан.нац. исслед. технол. ун-т].- Казань, 2012.- 202 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-13/1728
3. Николайчук А.С. Современные методы обучения студентов творческих специальностей в системе компетентного подхода. Территория науки. 2016. Новосибирский государственный педагогический университет. № 6
4. Петров В.А. Роль ведущего преподавателя в педагогическом процессе обучения студентов архитектурного факультета дисциплине «Живопись». Пензенский государственный университет архитектуры и строительства. Перспективы науки и образования. 2013, № 6
5. Сивцева С. И. Проектная и исследовательская работа по дисциплине «Основы композиции и дизайна» как основа качественной подготовки ювелиров // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 25. – С. 118–119. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770524.htm>.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 54.03.01 Дизайн (уровень – бакалавриата) от 11 августа 2016 года № 1004 (Зарегистрировано в Минюсте России 25 августа 2016 года № 43405).
7. Халиуллина О. Р. Проектные технологии современного дизайна с учётом гендерного фактора: монография. - ОГУ 2015 г. - 153 с. - Режим доступа: <http://www.knigafund.ru>
8. Яцюк, О. Г. Мультимедийные технологии в проектной культуре дизайна: гуманитарный аспект: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.06: / О. Г. Яцюк. – М., 2009

**СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

В.В. Добрынин, доктор философских наук, профессор, профессор
Института бизнеса и делового администрирования,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (РАНХиГС),

О.Н. Борисова, кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры математики и естественнонаучных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Статья посвящена проблемам современного образования, связанным с изменением восприятия учебных материалов нынешними студентами. Текстовая информация в больших объемах с трудом усваивается современным поколением и все меньше соответствует требованиям действительности. В связи с этим необходимо развивать методики образования, позволяющие использовать и улучшать навыки работы с Интернет-ресурсами у студентов.

Образовательные технологии, Интернет-ресурсы, восприятие текстовой информации.

MODERN YOUTH AND NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES OF HIGHER EDUCATION

V.V. Dobrynin, doctor of philosophy, Professor,
Professor of the Institute of business and business administration,
The Russian presidential academy of national economy and public administration,

O.N. Borisova, PhD in physical and mathematical Sciences,
associate Professor, Department of mathematics and natural Sciences,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article is devoted to the problems of modern education related to the change in the perception of educational materials by modern students. Textual information in large volumes is hard to understand for the modern generation. And less and less it meets the requirements of reality. In this regard, it is necessary to develop new methods of education to allow the skills of using Internet resources among students to be utilized and improved.

Educational technologies, Internet resources, text-based information perception.

Настоящая статья написана на основе выступления авторов на Международной научно-практической конференции «Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью» (секции 4 - 10), проходившей в Нижнем Новгороде 29-29 марта 2019 г. Организаторы конференции – Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского и Российский государственный социальный университет.

Не будет большим преувеличением сказать, что последние 30 лет развитие человеческой цивилизации проходило под знаком Интернета – этой поистине глобальной информационной паутины, которая прошла путь от лабораторий исследователей до, как принято говорить, «каждого уголка» за считанные годы. Возникнув на Западе как попытка создания распределенной информационной системы, способной пережить такие последствия (казавшегося в то время вполне возможным и даже вероятным) ядерного удара, как уничтожение серверов и выпадение целых кластеров и сегментов доступной сети, Интернет в считанные годы завоевал сердца и умы своих пользователей. Число этих последних росло лавинообразно, как и число доступных широкому кругу потребителей ресурсов рождающейся Сети, поскольку своими сайтами обзаводились все новые и новые организации, предприятия и иные лица, как юридические, так и физические. Не осталась в стороне от этого процесса и наша страна [1-12].

Процесс становления Сети в России характеризовался следующими основными признаками: во-первых, с самого момента своего появления Сеть становилась все более и более доступной (если в начале 90-х годов доступ в Интернет стоил от \$1 в час, то сегодня эта цена не превышает \$10 в месяц), и, в конце концов, стала мобильной. Во-вторых, происходил взрывной, поистине экспоненциальный рост доступных ресурсов Рунета, и сегодня любое учреждение располагает собственным сайтом, а о популярности разного рода развлекательных ресурсов и социальных сетей не приходится и говорить. Заметим, кстати, что это означало рост конкуренции между ресурсами – конкуренции за потребителя их контента. И, в-третьих, скорость доступного соединения за эти годы выросла буквально на порядки – сегодня скорость мобильного Интернета *тысячекратно* превосходит скорость стационарного соединения четвертьвековой давности [1-12].

Эти обстоятельства не могли не сказаться на свойствах контента, предлагаемого Сетью. Если изначально Рунет – и его предшественники, такие, как ФидоНет и пр. – формировались вокруг текста, как основной "таксономической единицы", то в начале нулевых годов место текста занимает картинка, а сегодня первенство принадлежит уже клипу/фильму. Замещение текстовой информации изображением, а потом и видеоклипом происходило не столько вследствие более высокой информативности зрительного ряда по сравнению с текстом, сколько отражало запросы и предпочтения аудитории, обусловленные культурологически. Дело, в частности, было в том, что уже тогда весьма значительную часть пользователей составляла молодежь, как наиболее динамичная и склонная к принятию нового возрастная когорта. Можно сказать, что в Сети "культура текста" постепенно уступила место сначала "культуре изображения", а потом и "культуре клипа", при этом, права текстовой информации в ряде ресурсов были редуцированы до минимума. Так, "Твиттер" ограничивает объем публикации 280-ми знаками, что не мешает пользоваться этим сервисом как премьер-министру России, так и президенту США. Отметим, однако, что увеличение размера публикации вдвое (со 140 знаков) вызвало негодование у многих пользователей ресурса – в большинстве своем, у молодежи [1-13].

Все это не могло не сказаться на облике современной молодежи, формирование и духовное развитие которой происходило под мощным влиянием Интернет-ресурсов. Нельзя сказать, что кино, телевидение, СМИ в целом были забыты, но сетевые ресурсы стремительно набрали популярность в молодежной среде. Студенты и школьники, как наиболее динамично развивающаяся возрастная группа, восприняли неограниченный доступ в Интернет как подлинный подарок судьбы. При этом, широкое распространение смартфонов и мобильного интернета сделало какой бы то ни было родительский контроль над доступом молодежи в Сеть маловероятным, а то и попросту невозможным. Таким образом, была сформирована положительная обратная связь – потребитель информации требовал все более легкого в усвоении контента, чему в наибольшей степени соответствует изображение и фильм, а Сеть, в свою очередь, предлагая юным пользователям такой контент, все в большей и большей степени способствовала тому, что все новые и новые когорты молодежи начинали считать работу с текстом чем-то не слишком важным. Интерактивный характер организации информации в сети, ее гибкость и способность к мгновенному ("вирусному") рас-

пространению придавали этому процессу новое ускорение, – не говоря уже о том, что Сеть воспринималась и воспринимается молодежью как один из объектов моды.

Реформа школы (введение ЕГЭ) усугубило последствия этого явления. Подготовка к прохождению тестов, сменившая работу с текстами в процессе подготовки к сдаче классических экзаменов, означало снижение относительной ценности текстовой информации в сознании современного старшеклассника/студента, а его уверенность в том, что ответ на любой тестовый вопрос может быть найден им в Сети за считанные минуты только усугубляло это снижение интереса к "книжному знанию". Сложилась парадоксальная ситуация – в Сети появляются все новые и новые информационно-справочные ресурсы, предоставляющие доступ к источникам, которые раньше были труднодоступны, а то и вовсе недоступны учащемуся поколению – а это поколение пренебрегает доступом к ним!

Следует отметить, что подобные явления отмечены не только в России, а являются общими для всех стран, вошедших в мировое информационное пространство. Социальные и файлообменные сети, развлекательные и игровые ресурсы – это общемировой феномен, равно как и замена "культуры текста" "культурой клипа" – хотя бы на уровне массового потребителя.

Новое ускорение отмеченным процессам придало появление и бурное развитие уже упомянутых социальных сетей. Незаконное и буйное дитя текстовых мессенджеров (как известно, название наиболее популярного из них, ICQ, происходит от английского "I seek you" – "Я ищу тебя"), социальные сети, такие как "В контакте" и др., мгновенно переросли изначально назначенные для них задачи. Созданные для поиска друзей и знакомых, а также обеспечения возможности связи между пользователями, сегодня социальные сети являются не только местом беспрепятственного общения членов той или иной группы и/или публика, но и местом хранения и распространения востребованной группой информации. Фактически, социальные сети превратились в облачные ресурсы поиска, хранения и распространения целевой информации. При этом, у каждой социальной среды сформировалась своя социально-демографическая и возрастная когорта пользователей – так, у людей поколения "30+" более популярны "Одноклассники", а молодежь чаще пользуется сетью "В контакте". Авторы в своей педагогической деятельности постоянно сталкиваются с тем, что именно там их студенты хранят нужную им информацию – от экзаменационных вопросов до расписания культурно-массовых мероприятий. Фактически, сегодня социальные сети в этом отношении заметно потеснили профессиональные облачные ресурсы, разработанные именно для этой цели.

Следует отметить, что крупные финансово-экономические корпорации в Европе, США, Южной Корее, Японии, Китае успешно сформировали в Мировой Сети собственные корпоративные сети, которые включают в себя и сети производителей и сети поставщиков и сети потребителей и сети технологической кооперации. Все это позволяет обмениваться научно-исследовательскими разработками, устанавливать глобальные стандарты на продукцию. Аналогичные ресурсы разработаны и созданы и в нашей стране.

Вот только эти сетевые сервисы ориентированы на профессиональное применение, и, как правило, для массового потребителя, которым является молодежь, доступны весьма и весьма ограниченно. И, поскольку "свято место пусто не бывает", нишу этих ресурсов заняли социальные сети.

Однако, сама по себе социальная сеть, какой бы она ни была, не несет никакой полезной информации изначально. Ее наполнение информацией целиком и полностью зависит от пользователей, размещающих на ее страницах свой контент. И, если во многих случаях это будут селфи и прочие "фоточки котегов", то в публичных учебных групп их место, как правило, занимают материалы, необходимые студентам для учебы. При этом, частично эти материалы будут предложены преподавателями, работающими с данной группой, но все чаще и чаще там встречаются ссылки на сетевые библиотеки, энциклопедии, базы рефератов/статей, результаты направленного поиска в Сети и т.п.

Таким образом, мы можем констатировать, что в повседневной практике учебного процесса современными студентами в наибольшей степени востребованы ресурсы энциклопедически-справочного плана, такие, как Википедия и ее аналоги, и, в наибольшей степени, поисковые машины – Гугл, Яндекс и другие. Студент, получив задание, первым делом ищет ответ на него в Сети – причем даже это он не делает самостоятельно, адресуя вопрос облачному поисковому серверу, и, получив ответ в виде сотен и тысяч ссылок, как правило, выбирает из них те, что стоят в самом верху списка. Такая работа не может быть названа «самостоятельным поиском информации в Сети», и недаром для такого «поиска» родилось специальное слово. Такой процесс называется «загуглить» (пусть даже используется другая поисковая машина) [1-13].

Надо отметить при этом, что результаты такого машинного поиска могут оказаться (по крайней мере, в большинстве случаев) весьма различными для разных поисковых машин. Так, например, достаточно задать поиск по параметрам «Россия. Весна. Фото» в Гугле и в Яндексе, чтобы убедиться в этом. Картинки, которые выдадут эти поисковые сервисы будут весьма и весьма различны, и если Яндекс покажет фотографии цветущих полей и проклюнувшихся почек, то Гугл предложит широкий выбор изображений грязных улиц и раскисших дорог. Отметим, что никто специально не программировал для этих сервисов таких результатов, они образовались в процессе практической работы облачных машин, и отражают только и исключительно различие установок и ценностных ориентаций потребителей их услуг. Но, тем не менее, этот феномен позволяет усомниться в объективности работы облачных поисковых сервисов. Добавим сюда традиционно некритическое доверие к результатам машинного поиска, и ситуация начнет казаться поистине удручающей.

Дополнительными факторами, усложняющими сегодня работу преподавателя со студенческой аудиторией, во-первых, является тот факт, что публичные форумы, создаваемые ВУЗами на их сайтах для организации учебной работы студентов в Сети не могут соперничать по своей популярности с социальными сетями (с тем же "В контакте", к примеру). Нет, студенты появляются на этих форумах, проглядывают информацию на них – но закончив ее просмотр, как правило, тут же покидают форум. При этом, время пребывания среднего студента в излюбленной им социальной сети может измеряться многими часами, что и немудрено, ибо социальная сеть предлагает пользователям обширное содержание развлекательного характера. Недаром родилась горькая шутка: "Дети играли во дворе –каждый на своем смартфоне"...

Вторым фактором, работающим против учебного процесса, является то обстоятельство, что преподаватели, как правило, далеки от повседневности тех социальных сетей (а в них – тех групп и пабликов), которыми увлечены их студенты. Это понятно –слишком различаются интересы студентов и преподавателей, которые принадлежат к различным социальным стратам хотя бы по возрасту и по квалификации. Однако, это приводит к росту межпоколенческого ментального разрыва, что не может не сказываться на взаимопонимании преподавателей и студентов. Готового решения этой проблемы, по-видимому, не существует. Привычные методы преодоления такого разрыва, такие, как совместная внеучебная деятельность, от культурно-массовых мероприятий и до НИРС включительно, по-прежнему применимы, но их эффективность заметно снизилась в последние годы.

Во многом это объясняется третьим фактором воздействия Рунета на сознание подрастающего поколения. Дело в том, что современная Сеть сформировалась как анонимное сообщество, где в весьма малой степени действуют общепринятые в "оффлайне" моральные нормы. Как результат, Рунет перенасыщен обценной лексикой, что плохо уже само по себе, но куда важнее то, что (кажушаяся) анонимность Сети провоцирует несдержанность в высказываниях и (сетевых) действиях. Оскорбления, брань, угрозы – вплоть до угроз физической расправы и убийства! – сегодня, к сожалению, достаточно часто встречаются на самых разных форумах и сайтах. Дополняет эту картину нарочитое искажение языка общения (наиболее яркий пример – "падонкафский язык"), культивируемое целым рядом популярных ресурсов, и если еще вспомнить, что молодеж-

ный сленг во все времена тяготеет к искажению содержания понятий... Достаточно привести в пример одну лишь фразу "мальчик склеил модель в клубе", которая сегодня означает совсем не то, что она значила лет 30 назад, несмотря на то, что ни одно из слов само по себе не изменилось. Ну, или вспомним то недоумение, которое у современного студента вызывает предложение "Пьер Безухов распечатал письмо" – как он его умудрился распечатать? и откуда у него принтер?

Резюмируя, мы можем вкратце описать основные черты современного студенчества, как молодежной возрастной когорты, сформированные под влиянием Интернета:

1. Субкультура этой когорты напрямую связана с Сетью и является ее порождением;
2. Опыт и уровень умения работать с сетевыми источниками в целом высок;
3. Навыки работы с текстовой информацией в целом ниже, чем у предшествующих поколений;
4. Навыки решения поставленных задач зачастую подменяются стремлением отыскать готовое решение в Сети;
5. Уровень социальной ответственности в целом снижен, а само представление о социальной ответственности размыто;
6. В силу этого, навыки речевой межличностной коммуникации в целом развиты недостаточно.

Отметим, надеяться на скорое изменение ситуации не приходится – "других студентов у меня для вас нет". Это означает, что высшая школа, как социальный институт, должна выработать и применять в повседневной практике такие методы работы, которые были бы адекватны вновь поступающему контингенту учащихся. В частности, это означает, что современный преподаватель ВУЗа не может, попросту не имеет права не знать того, чем живет современная Сеть, если он хочет понимать своих студентов и добиться понимания от них.

Вместе с тем, нельзя игнорировать то обстоятельство, что современный студент, как правило, умело ищет информацию в Сети. У этого поиска есть свои ограничения, и они описаны выше, но не использовать в учебном процессе это качество нельзя, и при планировании, организации и методическом наполнении своих курсов преподаватель должен это учитывать. Таким образом – "то, что нам мешает, то нам и поможет". Реализация этого принципа возможна как через организацию самостоятельной работы студентов по поиску информации в течение семестра, так и через блокирование или ограничение такого поиска во время экзаменационной сессии. Речь здесь идет прежде всего о методах текущего и рубежного контроля, поскольку лекции и практические занятия могут быть проведены в активной и интерактивной формах, насыщены аудиовизуальным материалом, опираться на самостоятельную (квестовую) работу студентов, и т.д.

Сразу скажем, что ограничительные меры неэффективны. Отбирать у студентов мобильные телефоны на зачетах/экзаменах можно – но где гарантии того, что они не принесут с собой запасные гаджеты? Попытки глушения мобильной связи кое-где предпринимаются, но вызывают нарекания окружающих, и тоже оказываются малоэффективны. Выход может быть найден в применении таких методов контроля знаний, которые напрямую связаны с поиском студентом информации в Сети. При этом, картина подготовки к экзамену/зачету меняется радикально – студент, получив задание, исходно не знает ответа, и должен найти его здесь и сейчас, продемонстрировав навыки направленного поиска информации и способность усвоить эту информацию за ограниченное время. Задача преподавателя при этом – подсказать экзаменуемому не столько направление поиска, сколько ресурсы, на которых следует этот поиск осуществлять.

Весьма существенно то, что сегодня высшая школа сталкивается с тем, что уровень навыков работы с текстом у современных абитуриентов и студентов все сильнее падает – как в смысле способности воспринимать и усваивать большие объемы текстовой информации, так и в смысле способности найти нужный текст в огромном количестве подобных ему. Это падение менее заметно в ВУЗах с традиционно высокими требованиями к поступающим – МГУ, Физтех, РАН-ХиГС, целый ряд других – и куда сильнее проявляется в ВУЗах, ведущих подготовку специали-

стов массовых профессий. Книги и другие печатные носители информации все в большей степени уступают место электронной библиотеке, которая оперативно доступна по глобальной сети, не зависит от времени обращения и местонахождения пользователей, предоставляет новые возможности работы с большими массивами данных. Более того – можно организовать параллельный просмотр множества документов. Можно задать многокритериальный поиск. Можно копировать, создавать собственные документы. В целом, надо отметить, что сегодня, если у тебя есть смартфон с подключением к Интернету, то совершенно неважно, где ты живешь, и как далеко расположена ближайшая библиотека – все необходимые ресурсы могут быть доступны на экране твоего телефона/планшета.

Фактически, это означает, что для увеличения эффективности учебного процесса нужно уделить особое внимание созданию новых качественных электронных образовательных ресурсов и систематизации многообразных существующих.

Здесь потребуется разрешение ряда противоречий, которые являются характерными для современного образования:

- наличие широкого выбора имеющихся традиционных материалов, отвечающих классическим требованиям к методологии и дидактике, вступает в противоречие с недостаточным количеством реализованных ЭОР, в то время как именно электронные образовательные ресурсы способны соответствовать динамично развивающейся образовательной среде;

- педагогов продолжают готовить к использованию в профессиональной деятельности статичного и стабильного инструментария, обеспечивающего поддержку образовательного процесса, в то время как подрастающее поколение школьников и студентов заявляет о своих предпочтениях: интерактивность, динамичность, активное влияние на ход образовательного процесса.

Особая статья пользования электронными библиотечными ресурсами это дистанционное образование – образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью телекоммуникационных технологий и средств. Дистанционное обучение реализуется с помощью телекоммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет. В завершение каждой дисциплины или учебного курса виртуального студента ждут тесты: он получает через Интернет вопросы и задания, самостоятельно их выполняет и отправляет на проверку наставнику–тьютору.

Следует отметить, что подобный переход будет означать не просто смену образовательной технологии на новую, а изменение всей парадигмы высшего образования. Студент здесь становится полноправным участником *планирования и организации* учебного процесса, формируя свою, во многом уникальную образовательную траекторию. Надо отметить, что авторам уже приходилось сталкиваться с подобными студентами, хорошо знающими, чего именно они хотят от учебы в ВУ-Зе. При работе с такими студентами задача преподавателя (тьютора) здесь состоит не столько в контроле содержания образования, сколько в подборе ЭОР, необходимых и достаточных для адекватного наполнения этой образовательной траектории содержимым. Это необходимо, дабы избежать "ловушки массового Интернета"– когда релевантная и аутентичная информация тонет в море "шлаковых" (развлекательных и пр.) ссылок, предлагаемых общедоступными поисковыми машинами (Яндекс, Гугл, Рамблер и т.д.) на первых страницах ответов на запросы пользователей. Список некоторых из этих ресурсов приведен в конце статьи – авторы пользовались их материалами при написании данной работы.

В завершение статьи, хотелось бы описать некоторые методы работы со студентами, доказавшие свою эффективность при организации учебного процесса по гуманитарным и общенаучным дисциплинам, преподаваемым авторами. Эти дисциплины относятся к базовой части учебных планов ФОС, и, в последнее время, были подвергнуты достаточно серьезному сокращению если не в смысле усечения содержания, то, по крайней мере, в аудиторных часах. Вместе с тем, ФОС жестко регламентирует часы самостоятельной работы, которые студент должен потратить на овладение компетенциями, предусмотренными учебным планом для этой дисциплины, и от преподавате-

ля требуется лишь грамотно воспользоваться предоставляемыми ему часами самостоятельной работы студентов.

Одним из таких методов является организация совместной работы малых групп (бригад) студентов над исследовательским проектом, или, как модно сейчас говорить, квест. Этот метод, кроме достижения непосредственно учебных целей, имеет своей задачей научить студентов практическому взаимодействию в процессе совместной деятельности, поставив их в ситуацию, когда эффективное межличностное взаимодействие оказывается залогом успеха всего коллектива. Рассмотрим применение такого метода на примере учебного курса "Социология".

Квест организуется в форме практического социологического исследования, которое студенты должны организовать и провести собственными силами в весьма сжатые сроки. На практике, в течение семестра на разных потоках студенты проводят от двух до четырех таких исследований. Темы исследований, как правило, предлагаются преподавателем, однако, студенты могут предложить свою тему, которая должна быть преподавателем утверждена. Наиболее важными требованиями к таким темам является, во-первых, то, что исследование должно быть обязательно выполнено в контакте с респондентами, а не сведено к интернет-опросу. Вторым является условие проведения исследования в учебных корпусах, в крайнем случае – на территории кампуса ВУЗа, что продиктовано требованиями безопасности. Для организации квеста студенческая группа разбивается на бригады численностью не более 10 человек, причем внутри бригады студенты делятся на микрогруппы, отвечающие за те или иные стороны совместной работы. Выполнение квеста включает в себя:

1. Разработку научно-методологического обеспечения исследования (определение целей и задач исследования, разработку системы рабочих гипотез, выбор методов полевого исследования, и т.д);
2. Разработку инструментария исследования (подготовка листов наблюдения, анкет, вопросников для интервью, и т.п);
3. Проведение полевого этапа (наблюдения, экспертные опросы, анкетирование, и пр.);
4. Обработку полученных результатов (Excel или иной аналогичный пакет, необходимым условием является подготовка двумерных таблиц);
5. Подготовку и написание отчета по исследованию (текстовый файл с включением таблиц и графиков);
6. Подготовку презентации по отчету;
7. Публичную защиту квеста.

Специально оговаривается, что база исследования не может составлять менее чем 100 респондентов для наблюдения и столько же – для проведения опроса или интервью. При этом, студентам сразу доводятся требования учебного плана в части часов, отведенных для их самостоятельной работы, Этапы 1 и 2 являются коллективным творчеством бригады и проводятся частично в аудиторные часы, частично во внеаудиторное время, но под руководством/контролем преподавателя, этапы 3, 4, 5 и 6 выполняются микрогруппами студентов (2..4 человека). Защита проводится в аудитории, и на ней снова присутствует вся бригада. Оценка квеста определяется качеством выполнения всей работы, а не ее отдельных этапов (хотя качество выполнения каждого этапа, безусловно, влияет на кумулятивную оценку), более того, при распределении баллов внутри бригады допустимо и даже желательно учитывать мнение студентов о трудовом вкладе каждого из них. Совокупность оценок, полученных студентами по итогам выполнения квестовых заданий ложится в основы их экзаменационных отметок (применяется стобалльная система), при этом, студенты, не принимавшие участие в квестах не могут претендовать на высокие (75...85 и более баллов, что соответствует отметке 4...5) оценки по определению. Разумеется, микрогруппы, занятые на различных этапах по ходу выполнения первого квеста, меняются местами по ходу выполнения последующих.

Более чем пятилетний опыт проведения подобных занятий показал следующие результаты:

1. Студенты весьма охотно включаются в выполнение квестов;
2. Освоение компетенций, заложенных в предмет, проходит в целом легко и беспроблемно;
3. Студенты, поработавшие по квестам, демонстрируют явный рост навыков межличностного общения;
4. Уровень взаимодействия и сплоченности в студенческих группах, прошедших через квесты повышается. Первоначальные "обидки" господ лодырей на своих товарищей, оценивших их "труды" невысоко, уступают место стремлению быть не хуже, чем окружающие.

В некотором смысле, противоположностью методу квестов является метод подготовки тематических эссе. Рассмотрим его применение на примере учебного курса "Философия".

В начале семестра студентов предупреждают, что основным видом их деятельности в семестре будет подготовка тематических эссе, список которых им передается, а оценки, полученные ими за эти эссе, лягут в основу их экзаменационных отметок. Количество возможных тем должно быть весьма велико – сегодня их предлагается около 200. Эссе сгруппированы в соответствии с тематическим членением курса. Студент самостоятельно выбирает себе темы для подготовки внутри каждого раздела. Подготовка и сдача эссе включают в себя поиск необходимого материала, его группировку и осмысление, собственно написание эссе и его защита на семинаре. Студенты предупреждаются о том, что "окно возможностей" для защиты ограничено распределением учебного времени, и поэтому на эссе накладываются жесткие ограничения по объему – не более, чем 1 страница через полтора интервала шрифтом "Таймс" 12 кеглем. При этом, оценке подлежат следующие показатели: раскрытие, владение темой в выступлении и ответах на вопросы, способность сжато изложить тему на бумаге. За превышение допустимого объема баллы беспощадно снижаются, что позволяет избегать прямого копирования подходящих по смыслу текстов из Сети. Фактически, студент оказывается в ситуации, когда необходимо не только найти нужный ему материал, но и самостоятельно изложить его в очень сжатом объеме (а, как известно, гуманитарные тексты весьма пространны...).

В течение семестра предусмотрена подготовка и сдача не менее 4 эссе каждым студентом. Экзамен для успешно прошедших семестр целесообразно проводить в форме индивидуальной защиты эссе, когда преподаватель, выбрав одну из работ данного студента, опрашивает его по теме данной работы, причем опрашивает достаточно глубоко и в высоком темпе. При этом, времени на подготовку студенту не дается, ибо он, по определению, должен свободно владеть материалом собственных эссе. Дополнительно может быть предусмотрен вариант классического экзамена для тех, кто по тем или иным причинам не мог, не успел или попросту не хотел подготовить эссе в течение семестра.

Рассмотрим некоторые педагогические технологии, применяемые авторами в курсе естественнонаучных дисциплин и математики.

На первом курсе, как для студентов технических направлений, так и для студентов гуманитарных специальностей, в том случае, если компетенции по математике у гуманитариев предусмотрены ФОС и учебным планом, преподаются основы высшей математики: линейная алгебра, аналитическая геометрия, математический анализ. Но не во всех группах можно по старинке работать «с доски», то есть вызывать студентов в качестве «меловодителя» и разбирать с его помощью все возможные примеры и задания. Гуманитарные группы, особенно, где школьная математика закончилась базовым, а не профилирующим экзаменом, чувствуют себя на уроке математики лишними, как будто они в первый раз пришли на занятия продвинутой группы по изучению китайского. То есть, на доске кто-то рисует какие-то иероглифы, преподаватель что-то такое говорит непонятное, ну и «пусть их», а я «позалипаю» в смартфон, посижу в «интернетике».

Преподавателю остается только давать персональные задания. Причем, полностью исключить учебные онлайн-сервисы, где и производную, и интеграл и предел возьмут, и кривую построит, и систему уравнений решат, преподаватель никак не может. Устраивать из каждой текущей контрольной маленький филиал ЕГЭ с поиском гаджетов за брючными ремнями и ляжками

бюстгальтеров?.. Очень «специфическое удовольствие» и для преподавателя, и для студентов, мало имеющее отношение к взаимному уважению обучающего и обучающихся. Поэтому, пусть "то, что нам мешает, нам и поможет" – включаем студенческие смартфоны в учебный процесс, но устанавливаем свои рамки для использования мировой Сети. Приведем несколько примеров.

Первая тема, которая рассматривается в курсе вузовской математики – «Решение систем линейных уравнений». Есть несколько общепринятых методов, один из которых – метод Гаусса. Если набрать в поисковике «метод Гаусса», система предложит модифицированный метод Гаусса – метод полных Жордановых исключений. То есть, в результате на главной диагонали матрицы будут стоять единицы, а свободные члены – это полученные значения переменных. Требуем от студентов дать решение классическим методом Гаусса, когда матрица системы сводится к верхне-треугольному виду с целыми коэффициентами. Показываем им, как это можно сделать. И пусть студенты адаптируют, полученные в онлайн – сервисе диагональные матрицы к нужному виду, в процессе они волей-неволей научатся обращаться с расширенными матрицами системы, что собственно и является целью данного занятия.

Второй метод для решения систем линейных уравнений – это метод, использующий вычисление определителей, правило Крамера. В интернете легко вычисляется определитель системы, но это будет только его конечное значение или, в лучшем случае, оно будет выписано в виде суммы произведений элементов матрицы. Но преподаватель, памятуя о том, что через пару занятий при вычислении векторного произведения понадобится осваивать способ разложения определителя по строке или столбцу, требует от студентов вычислить определитель именно таким разложением.

Наконец, классическая тема по математическому анализу: «Неопределенный интеграл». В интернет-сервисе типа «Вольфрам» можно найти интеграл любой сложности. Предъявляем несколько требований, без выполнения которых работа засчитана не будет:

1) имена функций должны быть математически правильными, а то часто можно видеть на следие онлайн-решения, когда функции называются так, как их именуют в компьютерных программах; например, $\tan^{-1}(x)$ вместо $\arctg x$;

2) ответы не должны возникать из воздуха, все замены переменных должны быть выписаны, интегралы доведены до табличных;

3) методы интегрирования должны быть «простыми», не нужно лезть в дебри подстановок Чебышева или Эйлера, которые не объяснялись преподавателем (ибо находятся за пределами учебной программы), и интеграл можно взять более простыми способами.

Разумеется, приведенные здесь методики не исчерпывают весь пакет возможных педагогических технологий современной высшей школы. Авторы ни в коей мере не претендуют на это, и приводят их только в качестве примера.

Литература

1. Библиотека «Альдебаран». Самая большая коллекция литературы, доступной для скачивания на смартфон, планшет [Электронный ресурс] <http://aldebaran.ru/>
2. Библиотека учебной и научной литературы [Электронный ресурс] <http://sbiblio.com/biblio/>
3. Военно-историческая библиотека [Электронный ресурс] <http://grandwar.kulichki.net>
4. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ) [Электронный ресурс] www.libfl.ru
5. Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИИБ) www.shpl.ru
6. Государственная публичная научно-технической библиотека России (ГПНТБ) www.gpntb.ru
7. Международные конференции «Математика. Компьютер. Образование» <http://www.mce.su>
8. Научная библиотека им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета <http://www.library.spbu.ru>

9. Научная электронная библиотека www.library.intra.ru
10. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» www.cyberleninka.ru
11. Научная электронная библиотека «Наука и техника» <http://n-t.ru/>
12. Национальная электронная библиотека <http://нэб.рф>
13. Поиск книг Google www.books.google.ru

УДК 378

ОСНОВА ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПО НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ – ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Н.Г. Думицкая, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Механики, ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» (УГТУ), г. Ухта, Россия

В статье рассматриваются вопросы процесса актуализации и синтезирования знаний начертательной геометрии, инженерной и конструкторско-графических основ, составляющих учебный процесс студентов технических вузов (методических, общетехнических и специальных форм обучения), которые обеспечивают закрепление; углубление и расширение теоретических знаний; формируют необходимые умения и развивают творческие способности.

Особое значение это приобретает, когда речь идет о подготовке инженеров, способных активизировать собственный интеллектуальный потенциал для решения возникших производственных задач и проблем.

Пространственное мышление, дидактический материал, технические задачи, закономерности построения, геометрические тела, профессиональное, образование.

THE BASIS OF TECHNICAL LITERACY OF STUDENTS IN DESCRIPTIVE GEOMETRY – SPATIAL THINKING

N.G. Dumitskaya, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of Department of Mechanics, Ukhta state technical University (USTU), Ukhta, Russia

The article deals with the process of updating and synthesizing knowledge of design geometry, engineering and design-graphic bases, which make up the educational process of students of technical universities (methodological, general technical and special forms of training), which ensure fixation; Deepening and expanding theoretical knowledge; Necessary skills are formed and creative abilities are developed.

This is of particular importance when it comes to training engineers capable of enhancing their own intellectual capacity to meet the challenges and challenges that have arisen.

Spatial thinking, didactic material, technical problems, regularities of construction, geometric bodies, professional, education.

Написание данной статьи началось с того, что однажды ко мне обратился за помощью в плане консультации бывший мой студент.

Он завершил обучение в нашем вузе более 10 лет назад и на, сегодняшний день, работает инженером-проектировщиком в сфере производства различных видов труб в Норвегии.

Неоднократно ему приходилось использовать знания, умения и навыки, полученные на занятиях по дисциплинам: начертательная геометрия, инженерная и компьютерная графика в виде вычерчивания чертежей, причем большую их часть традиционно с использованием чертежных материалов и инструментов. И только после выполнения их в ручном варианте-проверялась правильность выполнения задания в компьютерных графических программах.

И, я, как автор данной статьи, задала себе вопрос, который в последнее время, стал появляться в различных изданиях по материалам конференций; научных журналах; задаем его студен-

там: «Зачем изучать графические дисциплины в технических вузах; колледжах; школах?» (в частности, начертательную геометрию).

Многие говорят о том, что начертательная геометрия как наука на современном этапе, стала несовершенной. Появляются новые виды и средства компьютерной графики, которые помогают быстро, четко выполнять чертежи.

Нельзя отрицать-научный прогресс постоянно развивается, и явно появляются новые способы выполнения чертежей, а для этого необходимо:

- соблюдать правила построения согласно ГОСТ;
- использовать способы конструирования различных геометрических пространственных поверхностей;
- уметь находить способы решения и исследования пространственных задач при помощи изображений;
- изучать способы получения чертежей геометрических поверхностей в соответствии последовательных операций;
- использовать схемы автоматизированного проектирования и черчения для создания проектно-конструкторской документации [1].

Графические дисциплины (начертательная геометрия, инженерная графика), помогают воспроизвести плоские изображения объектов на плоскости и обучают методам работы с ними.

Преподаватель должен научить студентов выявлять закономерности построения эпюров (чертежей), а именно: от реальных форм (объектов) перейти постепенно к формированию мыслительных операций.

Студенты учатся создавать образы при помощи воспроизведения своего воображения от конкретного к абстрактному (образу мышления-предположим: представить объекты на плоскости (точка, прямая или плоскость); затем – вычерчиваем их проекции).

В этом случае студенты определяют проекции с опорой на дополнительные образы плоскостей проекций (фронтальную, горизонтальную и профильную), т. е. учатся мыслительным воспроизведениям отдельных последовательных действий [3].

Главной задачей при построении изображений является реальное представление об объектах (формах) к их изображению на плоскости или наоборот.

Теоретической базой для решения различных технических задач являются методы начертательной геометрии.

Важнейшим условием построения и чтения технических чертежей в графической деятельности есть этап развития воображения [3].

Следовательно, изучая графические дисциплины, мы даем студентам:

- возможность развивать свое воображение;
- постоянно изучать и закреплять знания практическими задачами;
- составлять алгоритмы и различные этапы построения (в виде объектов различных геометрических форм, чертежей технических деталей);
- определять их технические процессы и зависимости;
- уметь применять данные знания в практической деятельности, сочетая теорию и практику.

Преподаватели должны помогать студентам, а затем и выпускникам, освоить обработку и анализ информации из различных источников и баз данных; представлять её в необходимом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий [5].

Пространственное мышление в подготовке к практической деятельности выпускников - есть основа технической грамотности студентов технического вуза.

Умение воспроизводить объекты (формы) с различных точек зрения в пространстве - это одно из основополагающих методов решения технических задач (в строительстве, технике).

В данной статье автор решил проанализировать на своем примере - виды применения дидактических методов дисциплины начертательной геометрии для создания У образной трубы.

По условию задачи: необходимо создать ее чертеж; построить линии пересечения сегментов; развертки отдельных форм трубы.

Пример условия задания (рисунок 1).

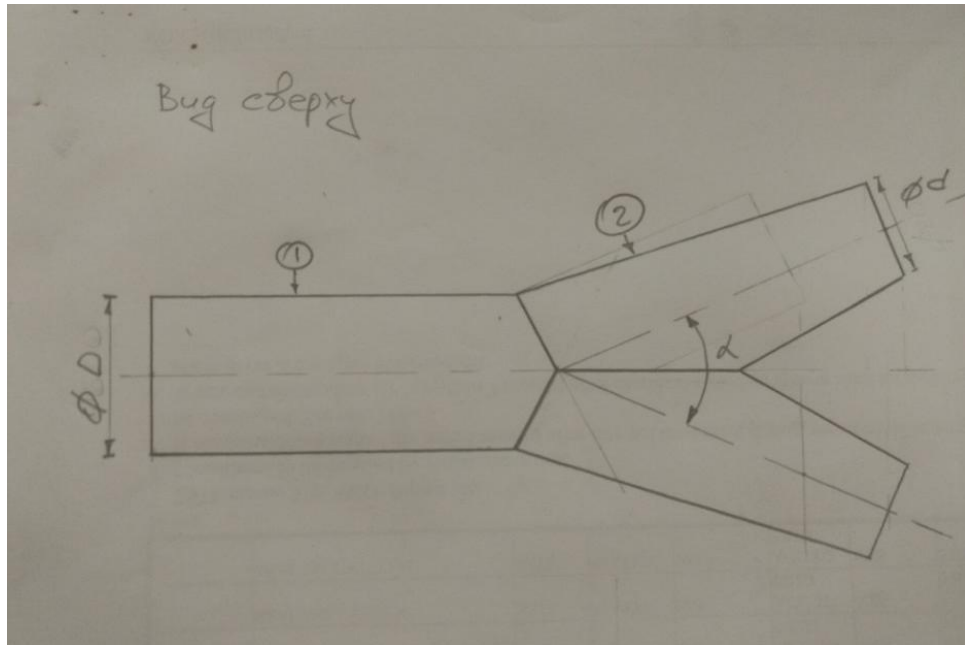
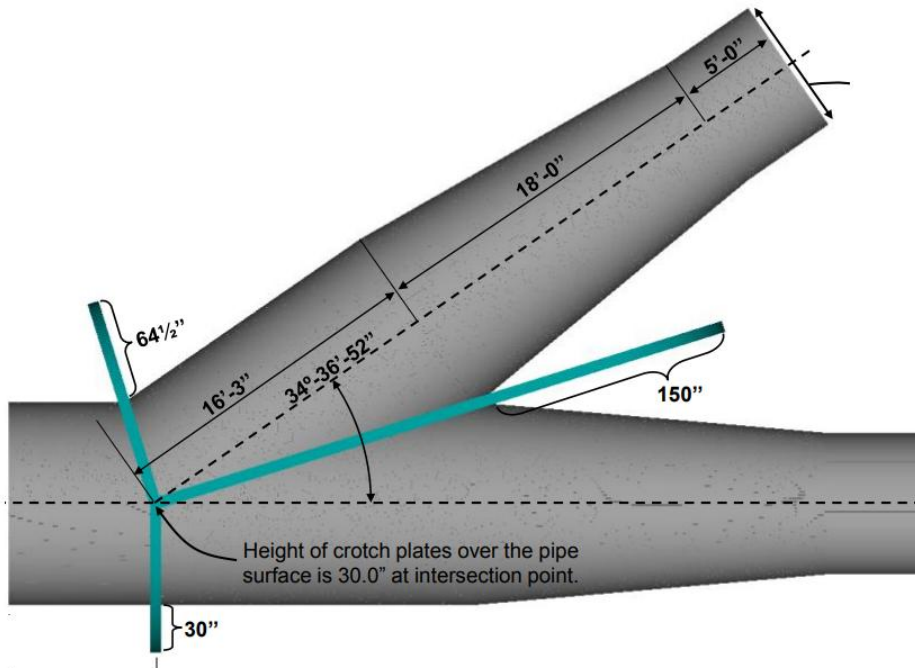

Рисунок 1 – Технический рисунок Y образной трубы

На рисунке 1 показан технический рисунок Y образной трубы.

Составляем алгоритм построения данного задания.

- делим трубу на отдельные составляющие: цилиндры, усеченные конусы;
- строим линию пересечения цилиндра и усеченного конуса (рисунок 2).

Для этого необходимо применить способы пересечения геометрических тел: способ образующих; способ концентрических сфер.

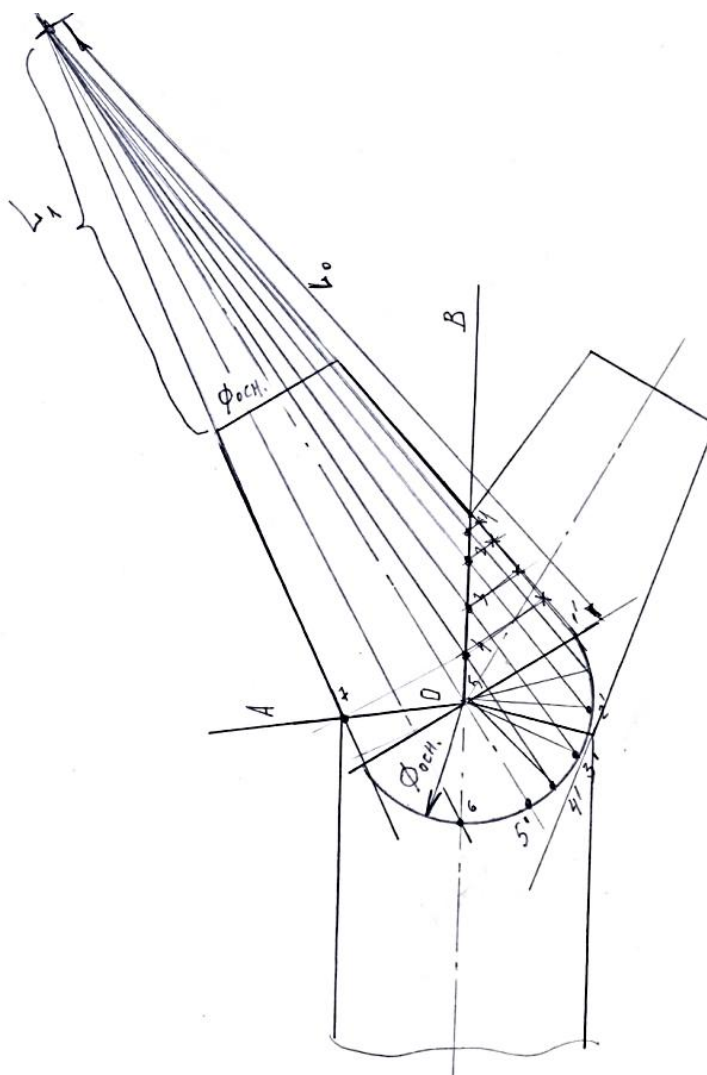

Рисунок 2 – Схема построения линии пересечения усеченного конуса и цилиндра

Развертки строятся всегда одинаково по образующим, которые вращаются вокруг оси, создавая объемную форму. В нашем случае есть усеченные конусы и цилиндры разных диаметров. При чем, усеченные конусы совмещены на одной оси, поэтому лучше использовать при построении метод концентрических сфер на каждом участке соединения элементов трубы (цилиндр-усеченный конус; усеченный конус-усеченный конус и т. д.) [2].

Развертки сегментов трубы необходимо будет делать отдельно на каждый участок по линии пересечения, а затем собрать воедино. Основное, что мы должны знать при построении разверток цилиндра, как рассчитать длину боковой поверхности цилиндра ($2\pi D$, где π -3,14, а D -диаметр цилиндра; H -высота цилиндра). У конуса-длина по окружности основания- $2\pi R$ и L -длина боковой образующей.

После построения линии пересечения геометрического образа трубы выполняем чертеж развертки усеченного конуса (рисунок 3) и цилиндра (рисунок 4).

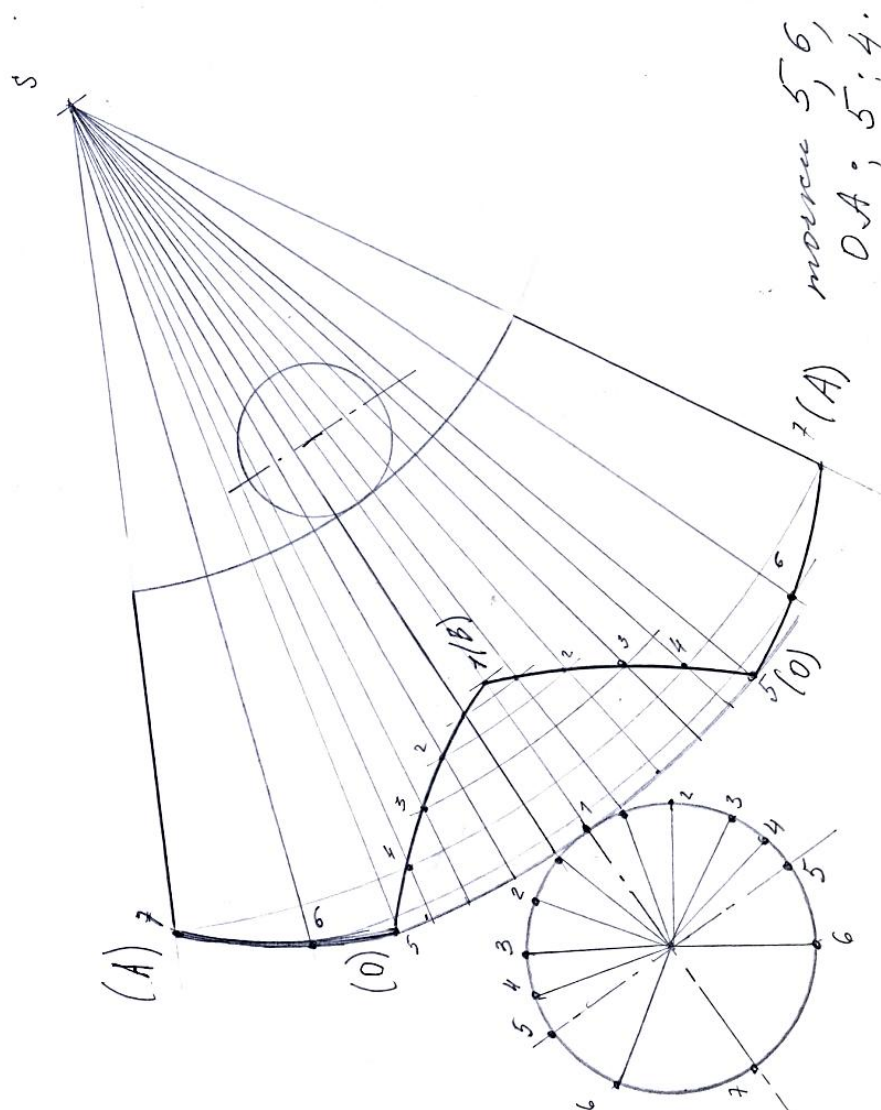

Рисунок 3 – Развертка усеченного конуса

Алгоритм построения развертки усеченного конуса:

1. Через точку O проводим перпендикуляр до мнимого основания усеченного конуса; проводим половину основания (окружность) вниз.

2). На линии OB берем произвольные точки (1...5) и через эти точки проводим образующие из вершины S полного конуса. Длину образующей берем на рисунке соединив боковые образующие до пересечения в одной точке OS .

3). Проводим через точки образующие до основания конуса (рисунок 3).

4). На рисунке проводим величиной OS -образующую дуги.

5). Через точку 1 проводим центр развертки и все решаем от этого центра. На нижнем основании развертки откладываем расстояния между точками с рисунка 2 по дуге (так переносим все точки).

Затем на каждой образующей берем высоту точек по боковой образующей и откладываем на каждую линию. В результате получаем линию пересечения. Когда вычертим конус-соединяем с цилиндром.

Для построения фронтальной проекции линии пересечения цилиндра достаточно заменить проекцию точками, а затем через каждую точку пересечения провести вертикальные образующие.

Дальше строят фронтальные проекции этих образующих и сечение линии пересечения, соединяя плавной кривой найденные точки на поверхности цилиндра.

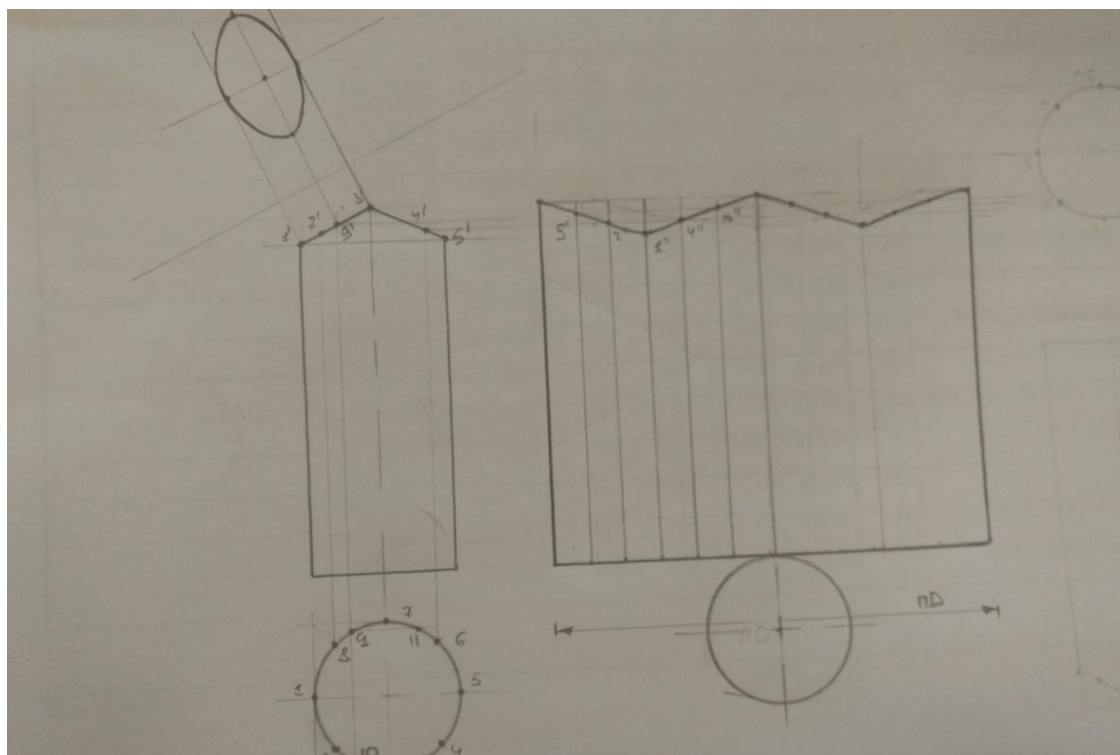

Рисунок 4 – Линия пересечения и развертка цилиндра

Таким образом, чтобы построить развертку Y трубы, состоящей из различных конфигураций: необходимо:

- уметь строить плоский чертеж этой трубы;
- линию пересечения цилиндрических и конических поверхностей;
- развертки цилиндрических и конических поверхностей.

Данные умения и навыки приобретаются при изучении начертательной геометрии.

В статье автор рассмотрел один из моментов применения основных методов построения чертежей на практике.

Следовательно, можно сделать следующий вывод: графические дисциплины помогают развивать пространственно-логическое мышление, использовать и выразить свой интеллектуальный потенциал в сфере промышленного проектирования и моделирования (развивать конструкторские навыки; современные способы выполнения и оформления чертежей; эскизов; технических рисунков; графических документов; прикладной пакет графических компьютерных программ и т. д.).

Углубленное обучение графическим дисциплинам позволяет на уровне профессионализации технических и технологических направлений специализаций кафедр применять инженерные изыскания на занятиях, а это и есть основа эффективного обучения графическим дисциплинам студентов технических вузов.

Литература

1. Государственная программа РФ "Развитие образования" на 2013 - 2020 годы. Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2882/файл/1406/12.11.22-Госпрограмма - Развитие образования 2013 - 2020.pdf> (дата обращения: 10.03.2014)
2. Макарова М.Н. Начертательная геометрия: учебное пособие для студентов // М.: Академический Проект. 2008. 395 с.
3. Русинова Л.П. Пространственное мышление студентов при изучении начертательной геометрии // Молодой ученый. 2010. № 11. Т. 2. С. 144-148. URL <https://moluch.ru/archive/22/2302/> (дата обращения: 18.11.2018).
4. Чекмарев А.А. Инженерная графика // М.: Высшая школа. 2011. 365 с.
5. Щербакова Е.В. Особенности организации самостоятельной работы студентов по педагогическим дисциплинам /Е. В. Щербакова// Актуальные вопросы современной психологии: материалы международной научной конференции (г.Челябинск, март 2011 г.) // Челябинск: Два комсомольца. 2011. С. 139-141.

ОМОНИМИЧНЫЙ РЯД И ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В НЁМ В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т.И. Красикова, кандидат филологических наук, профессор,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В статье анализируется одно из наиболее обсуждаемых и актуальных явлений английского языка – столкновение омонимов. Автор на обширном материале с точки зрения истории английского языка показывает, что «конфликта» омонимов не существует, нет угрозы «непонимания» при коммуникации и понимании смысловых явлений при переводе. Поднимается вопрос о процессах распада омонимичных рядов в ходе исторического развития английского языка, и о вновь создающихся омонимичных рядах на базе слова-омонима распавшегося ряда. Количественный и качественный анализы приводят к выводу, омонимия не может привести к столкновению слов в языке, а только обогащает его. Омонимия является устойчивым феноменом в языке.

Омонимичные ряды, конфликт омонимов, процесс коммуникации, словарный запас, языковая картина мира, устойчивость языкового явления

HOMONYMOUS SERIES AND PROCESSES OCCURRING IN IT DURING THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE ENGLISH LANGUAGE

T.I. Krasikova, PhD {Philology}, professor
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region
“University of Technology”, Korolev, Russia

The article deals with one of the discussed and actual phenomena of the English language - the fact of collision of homonyms. The author uses extensive material from the point of view of the history of the English language to show that there is no "conflict" of homonyms, there is no threat of "misunderstanding" in communication and understanding of semantic phenomena in translation. The question is raised about the processes of disintegration of homonymous series in the course of the historical development of the English language, and about the newly created homonymous series on the basis of the word-homonym of the dissolved series. Quantitative and qualitative analyses lead to the conclusion that homonymy can not lead to a clash of words in the language, but only enriches it. Homonymy is a stable phenomenon in language.

Homonymous series, conflict of homonyms, communication process, vocabulary, language picture of the world, stability of the language phenomenon

Согласно широко распространенному среди лингвистов мнению, наличие омонимов в языке затрудняет процесс коммуникации, поскольку омонимичные ряды связывают между собой слова с тождественной звуковой оболочкой, характеризующиеся отсутствием синхронных между словных семантических связей. Поэтому омонимия в любом случае приводит к конфликту, в результате чего из языка исчезают слова-омонимы

Так Р. Бриджес, специально занимавшийся изучением случаев «столкновения» между отдельными словами-омонимами, утверждает, что в английском языке часть слов-омонимов обрече-

на на отмирание, так как они, якобы, создают «неудобство» в речи. Анализируя некоторые группы омонимов, автор остается последовательным противником омонимии и, замечая, что омофоны разрушаются и проявляют, исчезают, делает из этого вывод, что омофоны разрушаются и проявляют тенденцию к устареванию. Исчезновение же этих слов, по его мнению, ведет к истощению словарного состава языка.

Наличие омонимов в языке затрудняет процесс коммуникации, поскольку омонимичные ряды связывают между собой слова с тождественной звуковой оболочкой, характеризующиеся отсутствием синхронных между словных семантических связей. Поэтому омонимия в любом случае приводит к конфликту, результате чего из языка исчезают слова-омонимы [10].

Так Р. Бриджес, специально занимавшийся изучением случаев «столкновения» между отдельными словами-омонимами, утверждает, что в английском языке часть слов-омонимов обречена на отмирание, так как они, якобы, создают «неудобство» в речи. Анализируя некоторые группы омонимов, автор остается последовательным противником омонимии и, замечая, что омофоны разрушаются и исчезают, делает из этого вывод, что омофоны разрушаются и проявляют тенденцию к устареванию. Исчезновение же этих слов, по его мнению, ведет к истощению словарного состава языка [12].

Другие ученые отмечали очевидную ошибочность исходного положения Р. Бриджеса и указывали на решающее значение контекста при столкновении омонимов [12]. Так, английский лингвист К.Р. Уильямз, анализируя доводы Р.Бриджеса, приводит к выводу, что они совершенно безосновательны, и в связи с этим справедливо отмечает, что если омонимия действительно представляет собой досадную помеху в языке, то это нужно доказывать научно, исходя из фактов языка, а не на основе голословных умозаключений [28]. Проводя исследование английских диалектов в историческом аспекте, Е.Р. Уильямз высказала сомнение в отношении справедливости теории «конфликта» омонимов, и в результате изучения истории ряда выпавших из английского языка слов пришла к выводу, что в исчезновении слов из языка омонимия играет наименее важную роль. Аналогичную точку зрения высказывали Д.Х. Макнайт, Э.Б. Дайк, Р. Меннер и О. Есперсен [14; 20; 19; 27].

В отечественном языкознании проблеме «конфликта» омонимов посвящен ряд исследований на материале различных языков. Защитники теории «конфликта» омонимов утверждают, что одинаково звучащие слова способствуют неправильному пониманию высказывания и приводят к «столкновению» созвучных слов, например, случаю – распад полисемии, вместе с тем утверждает, что «омонимы во всех случаях – это досадное не различие того, что должно различаться».

Рассматривая «конфликт омонимов», А.А. Реформатский полемизировал с исследователями о том, что при возникновении омонимов вряд ли происходит обогащение словарного состава английского языка. Учёный акцентировал своё мнение на том, что только распад полисемии ведёт к росту и обогащению лексического состава языка, а само явление омонимии относил к досадному недоразумению при каламбурах в разговорных стилях, при игре слов, где необходимо домысливать анекдотичные ситуации, считая, что это мешает коммуникации. Сторонники противоположной точки зрения, как среди отечественных, так и среди зарубежных лингвистов утверждают, что омонимы могут сталкиваться лишь в редких случаях, но и это неудобство оказывается временным, так как язык заблаговременно устраняет омонимы контекстуально. Омонимы неотъемлемой частью общенародного языка, широко распространены в лексике, глубоко проникая в социальные слои населения и никто не испытывает никаких неудобств от их существования.

Так, О.С. Ахманова в статье «Языковая картина мира и проблема омонимии» отмечает, что в обычной речевой ситуации омонимов фактически не существует, как правило, говорящий осознает омонимию только в случае «столкновения» омонимов, которое может быть как случайным, так и намеренным, т.е. каламбурным [3]. Несмотря на то, что благодаря работам ряда ученых (Е. Дайк, Р. Меннер, Е. Уильямс, Л.П. Смит, Ст. Ульианн, О. С. Ахманова, Р.А. Будагов, В.В. Броун, И.С. Тышлер и др.) [14; 20; 2; 5] была внесена известная ясность в проблему «конфликта» омони-

мов, и сейчас еще время от времени появляются работы, в которых снова поднимается вопрос о пагубном влиянии омонимов на развитие языка [3].

Следует отметить, что сам по себе факт «столкновение» отдельных омонимов не вызывает сомнения, но при этом существенную роль играет число таких случаев вообще и особенно по сравнению с числом случаев сосуществования омонимичных слов.

В этой связи интересно отметить, что многие авторы работ о «конфликте» омонимов (Е.А. Уткина, В.В. Броун, И.С. Тышлер, В.М. Проклова, П.И. Гладкий, А.П. Костюченко и др.) [1; 8; 4; 2; 5] основывают свои доказательства на примере нескольких слов (к тому же повторяющихся из работы в работу). Нельзя не согласиться с тем, что для доказательства существования любого явления в языке можно ограничиться рассмотрением отдельных примеров. Однако такое рассмотрение не дает полную и ясную картину распространенности данного явления и его роли в языке.

В связи с этим особую актуальность приобретает выявление основных процессов, характерных для истории омонимики любого языка и, в частности, английского, и исследование роли этих процессов. При этом для того, чтобы выяснить, типичен ли «конфликт» омонимов для английского языка, определить влияние омонимии на развитие и обогащение словарного состава английского языка, сделать выводы о закономерностях и путях развития как генетически связанной, так и генетически не связанной омонимии, необходимо подвергнуть исследованию большой по объему материал.

Далее, для того, чтобы опровергнуть или подтвердить существование «конфликта» омонимов, ведущего к гибели большого количества слов в языке, необходимо, прежде всего, детально изучить выпавшие омонимы и распавшиеся омонимичные ряды.

Среди научных исследований нет работ, уделявших внимание распавшимся омонимичным рядам, а также нет работ по изучению выпавших омонимов.

Анализ данного пласта лексического состава английского языка показал, что процессы распада омонимичных рядов связаны с экономическими и историческими явлениями в обществе. Бурные скачки в истории человечества приводят к перемене в языковом сообществе. В любом случае, трансформации не ведут к гибели языковых явлений, к полному исчезновению целого пласта лексики, они выходят на поверхность в виде «устаревшего неологизма» из недр языка, приобретая иную окраску или выступая в роли терминологического понятия.

Необходимо провести сопоставительное исследование омонимов, выпавших из языка и возникших в нем в разные периоды истории, для того, чтобы иметь возможность провести сравнение между отдельными периодами, показать какую роль играет омонимия в истории словарного состава английского языка, установить – преходящее это явление или устойчивое, проанализировать основные процессы, происходящие в возникших и распавшихся омонимичных рядах каждого данного периода. Кроме того, следовало бы провести сравнение между выпавшими и возникшими генетически не связанными и генетически связанными омонимами по периодам, что способствовало бы выяснению специфики развития этих двух типов омонимии. С решением проблемы «конфликта» омонимов тесно связано также изучение устойчивости омонимии, т.е. долготетия омонимичных рядов и отдельных омонимов.

Проблема устойчивости омонимии затрагивается рядом исследователей [1]. Для более глубокого изучения этой проблемы представляется необходимым провести исследование устойчивости всей совокупности омонимичных рядов разных периодов истории английского языка, чтобы иметь возможность выявить устойчивость различных видов омонимов как генетически связанных, так и генетически не связанных.

Думается, что изучение устойчивости омонимов и омонимичных рядов должно стать темой специального исследования.

Что касается степени изученности разных видов омонимии, то большинство авторов (А.А. Неелов, М.М. Фалькович, И.С. Тышлер и др.) посвящают свои работы изучению генетически связанных омонимов, в то время как генетически не связанные омонимы – явление, широко распро-

страненное в английском языке, - специально не исследовались. Не изученными остаются пути развития генетически не связанных омонимов, их типы, устойчивость омонимичных рядов и т.д. Между тем, такое изучение дало бы возможность провести сравнение между генетически связанной и генетически не связанной омонимией, показать общее и отличное между этими двумя видами омонимии, провести сравнение типов омонимов генетически связанных и генетически не связанных. В связи с этим встает задача исследования генетически не связанной омонимии, определения ее роли и места в английском языке, а также выявления основных процессов, протекающих в ней. Вместе с тем встает задача количественного и качественного анализа генетически не связанных омонимов, степени их распространенности. Долголетия. Морфологической и фонетической структуры. Представляется необходимым провести детальное исследование по каждому периоду с тем, чтобы иметь возможность выявить специфику каждого периода.

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что в современном языкознании имеется целый ряд исследований по английской омонимии, рассматривающих такие проблемы, как определение омонимов, их классификация, источники омонимии. В месте, с тем есть еще целый ряд проблем, которые еще не исследованы: неизученной осталась роль омонимии в английском языке на разных этапах его исторического развития, не показана общее и отличное в омонимии разных периодов развития английского языка, не подвергались специальному рассмотрению пути развития генетически не связанной омонимии. Исследования данных проблем способствовало бы лучшему пониманию специфики словарного состава английского языка в разные периоды его развития. С точки зрения изучения истории развития омонимии в тот или иной период истории языка представляется возможным не изучать тот пласт, который является устойчивым на протяжении ряда эпох, а подвергнуть исследованию только те омонимы, которые выпадают из языка или появляются в нем в исследуемой период. Сопоставление случаев выпадения и появления омонимов в определенный период даст возможность судить о том, уменьшается ли общее количество омонимов, или растет, или же находится в состоянии статичности. Сопоставление процессов возникновения и распада омонимичных рядов может быть достаточно показательным для определения общего направления развития генетически не связанной омонимии. Решение данных и других, связанных с ними проблем требует звуковой оболочки двух или более лексических единиц. Иными словами, между омонимами существует тождество в плане выражения, при отсутствии связи в плане содержания.

Как уже указывалось, что среди лингвистов существует мнение о том, что омонимия зло и нежелательное в языке явление, приводящее к гибели омонимов. Чтобы рассмотреть, насколько правомерно данное мнение, мы определили количество выпавших из английского языка омонимов, затем выявили, появились ли новые омонимы и в каком количестве, а потом провели качественный анализ выпавших и возникших омонимов, сопоставив полученные результаты.

Рассматривая количественную характеристику возникших или выпавших омонимов, следует обратить внимание на тот факт, что количественная и качественная оценки тесно переплетаются. Связь эта проявляется, на пример, при сопоставлении количества выпавших и возникших омонимов, числа омонимов в разных частях речи, что дает возможность определить развивается это явление или свертывается, в каких частях речи больше всего распространено, какие типы омонимов преобладают и т.п.

При диахронном исследовании обычно изучаются источники омонимии и время возникновения омонимов. При изучении происхождения омонимичных рядов, мы разделили их на генетически связанные и генетически не связанные омонимы. Под генетически связанными омонимами понимаются омонимичные слова, восходящие по своему происхождению к общему корню. Генетически не связанные омонимы – это разные по происхождению слова, восходящие к разным корням. Для обработки и выверки материала были использованы следующие словари: Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language. New ed., Oxford, 1909; Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield, 1969. James A.H. Murrey. Henry Bradley. W.A. Gracie. C.T. Onions. The

Oxford English Dictionary. V.v. 1-XII, with Supplement and Bibliography, Oxford, 1933. Springfield, 1969, а также Большой англо-русский словарь. Под общим руководством доктора филол. Наук проф. И.Р. Гальперина, т.т. 1-2, М., изд-во «Советская энциклопедия», 1972.

С точки зрения изучения истории развития омонимии в тот или иной период истории языка, был проанализирован пласт, который являлся устойчивым на протяжении ряда эпох, а подверглись исследованию только те омонимы, которые выпадали из языка или появлялись в нем в исследуемой период. Сопоставление случаев выпадения и появления омонимов в определенный период дал возможность судить о том, что количество омонимов, растет, или же находится в состоянии статичности. Сопоставление процессов возникновения и распада омонимичных рядов привело к выводу, что это является достаточным показателем для определения общего роста развития как генетически не связанных омонимов, так и генетически связанных омонимов в английском языке.

При рассмотрении количества возникших или выпавших омонимов, принадлежащих к разным частям речи, в рассмотрении и их слоговой и морфемной структуры каждый возникший и выпавший омоним рассматривается как один случай.

Например, launke1 сущ. XI в., фр., «лавр» launke2 гл. XVI в. «венчать лавровым венком», launke1 сущ. launke3 сущ. XIX в. неизв. этим., «лосось, живущая в пресной воде летом». В данном ряду launke3 одновременно является примером и омонимии слов и омонимии словоформ. Если рассмотрим launke3 и launke2, то они выступают как омонимичные словоформы по отношению друг к другу, так как эти омонимы имеют не идентичные парадигмы. В тоже время launke3 и launke1 являются омонимичными словами, потому что они относятся к одной и той же части речи, и, следовательно, их парадигмы идентичны.

Следует указать, что возникшее в XIX в. launke3 рассматривается нами как один случай возникновения омонима – существительного, так как мы учитываем не число омонимичных связей, а число случаев омонимии. Необходимо отметить, что процессы возникновения и выпадения омонимов, а вместе с тем увеличение или сокращение числа слов, связанных отношениями омонимичности часто происходят в пределах одного и того же ряда. В случаях, когда наблюдается преобладание числа появившихся или выпавших компонентов, мы говорим о расширении или сужении ряда. Так, если в каком-то ряду выпадает один, а появляется несколько омонимов, то общее число членов ряда растет, ряд расширяется.

Например, char1 гл. XI в., англ. «выполнять поденную работу»; char2 сущ. XIII в., фр., «телега, повозка» - XVIII в., char3 гл. XVIII в., неизв. этим., «превращать в угол», char4 сущ. XVII в., кельт., зоол. «голец (рыба)» char5 гл. в., фр., «рубить (камень)» char6 сущ. XIX в., сокр. от «древесный уголь»; char6 сущ. XIX в., сокр. от charcoal «древесный уголь»; char7 сущ. XIX в., «обуглившееся вещество», char3 гл.

В приведенном выше ряде в XVIII в. происходит выпадения одного омонима char2, а в XIX в. ряд пополняется тремя омонимами char5, char6, char7, т.е. в целом ряд расширяется

Среди многих интересных вопросов, касающихся развития словарного состава английского языка, выделяется изучение устаревших и выпавших из языка слов. Лингвисты начали исследовать данный вопрос давно. Изучение выпавших и устаревших слов в основном сводилось к рассмотрению причин выпадения слов из языка 1). Поэтому надо согласиться с тем, «... Что выпадение слов еще совершенно не изучено»2).

Проводя исследование выпавших из английского языка генетически не связанных омонимов, мы рассмотрим общее количество выпавших в исследуемый период омонимов, процессы, происходящие в омонимичных рядах в результате выпадения одного или нескольких омонимов, характерные черты исследуемых единиц, т.е. соотношение случаев омонимии слов и словоформ, лексико-грамматическую принадлежность, слоговую и морфемную структуры. На сегодняшний день нам известна только одна работа, где автор дает процентное соотношение выпавших омонимичных слов (0,37%) по отношению ко всем устаревшим словам [32].

В результате сплошного анализа всех тринадцати томов Большого Оксфордского словаря было установлено, что только в период XVIII-XX вв. из английского языка выпало только 183 исследуемых омонима.

Например, *panade1* сущ. XIV в., фр., «большой нож», - XIX в. *panade2* сущ. XVI в., фр., «хлебный пудинг» Этот ряд возник до исследуемого периода (в XVI в.). В XIX в. *panade1* исчезает из языка, приводя ряд к распаду. В ряду *accidence1* сущ. XIV в., фр., «случай, счастливый случай», – французского языка в XIV в., но ряд возник лишь в XVI в., когда было заимствовано из того же языка *accidence2*, просуществовав в языке три века, ряд распался в связи с выпадением из языка в XIX в. *accidence1*.

Из другого ряда *martlet1* сущ. XV в., *martlet* (неизв. этим.) «купица» и *martlet2* сущ. XVI в., фр., «стриж» в XVIII в. выпало *martlet1* после чего ряд распался, так как в языке осталось одно слово *martlet2* которое не омонимично никакому другому слову английского языка.

Рассмотрение материала исследования показывает, что в омонимии английского языка происходят в ходе исторического развития английского языка разнообразные процессы. Омонимы действительно выпадают из языка. Распадаются целые омонимичные ряды. В ряде случаев существующие омонимичные ряды, которые только сокращаются в результате выпадения из языка одного или нескольких компонентов омонимичного ряда.

Сопоставление общего числа генетически несвязанных омонимов, возникших в английском языке только в XVIII-XX вв. и выпавших из него в этот же период, показало, что число первых значительно превышает число вторых (1624 – 473). Число появившихся рядов (761) преобладает над числом распавшихся (80), число расширившихся (432) над числом сузившихся (51). Из этого следует, что генетически не связанная омонимия – устойчивое, растущее явление в английском языке.

Выпадение генетически не связанных омонимов в равной мере наблюдается как среди омонимичных слов (243), так и среди омонимичных словоформ (189). Другими словами, выпадают полные и частичные омонимы. Выпадение происходит как среди лексических омонимов, так и среди лексико-грамматических омонимов, принадлежащих к разным частям речи.

Сопоставление числа возникших омонимов (1624) и выпавших (473), появившихся (761) и распавшихся (80) омонимичных рядов, а также расширившихся (432) и сузившихся (51) омонимичных рядов только в XVIII-XIX в. в. дает основание согласиться с теми лингвистами, которые утверждают, что «конфликт» омонимов не представляет серьезной угрозы коммуникации. Несмотря на то, что отдельные случаи «столкновения» омонимов действительно имеют место, но они не приводят к свертыванию, сокращению явления омонимии в современном английском языке.

Литература

1. Будагов Р.А.. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния // Вопросы языкознания.– 1958.– №4
2. Будагов Р.А.. Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки) МГУ, 1967
3. Виноградов В.В.. О некоторых вопросах русской и исторической лексикологии. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953
4. Дискуссия о проблеме системности в языке. Изв. АН СССР, ОЛЯ, М., 1962, №4
5. Общее языкознание. Отв. ред. Член-корреспондент АН СССР. Б.А. Серебренников. М., 1972
6. Смирницкий А.И.. Лексикология английского языка. М., 1956. – С. 7.
7. Солнцев В.М.. Язык как системно-структурное образование, М., 1971
8. Уфимцева А.А. Лексикология. Сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968;
9. Уфимцева А.А.. К вопросу о лексико-семантической системы языка // Вопросы языкознания.– 1962.– №4

10. Шайкевич А.Я. О принципах классификации омонимов. Сб. «Процессы развития в языке», М., 1959, с. 131-140
11. Branis E. Homonyme Substantive in Neuenglischen. Postbution to the study of Pjlyseme. Stockholm, 1952
12. Bridges R.. On English Homophones. “Society for Pure English” Fracts, London, Clareton Press, 1922
13. Clark G. Our Language. Glasgow, 1943, p 57
14. Dike E.B. Obsolete words. “The Journal jf English and German Philology”, Urbana, USA, 1935, p. 364-365.
15. Ghapman R.W.. Oxford English. “Society for Pure English”, vol IV, Tract XXXV, Oxford, 1928, p.p. 543, 545, 551
16. Jagger. English in Future. London, Nelson, 1933, p. 1142: G.K.Zipf. The Psychobiology of English Language. Boston, 1935, p 30
17. Kennedy A. Current English. Boston, 1935, p. 409.
18. Koonin A.. English Lexicology. Moscow, 1965
19. Lounsbury. Hostility in Certain worbs. Boston, 1926, p. 336
20. Menner R.. The conflict of Homonyms in English “Language”, vol. 12, Baltimore, 1936, №3
21. Murison. Changes in the English Language since Shakespeare”s Times. The Cambridge History of the English Language”, vol. IV, Cambridge, 1943, p. 437
22. Odata H.. Inglott. H.The Dictionary of Englysemy Homonyms, Pronouncing and Explanatory. To-kyo, 1943
23. Orr J. Homonyms. «Studies in French Language and Medieval Literature» presented to M.P. Manchester, 1939
24. Potter. L.S. The Conflict of Homonyns in English “The Modern Language Review”, vol. XV 2. London, 1945
25. Skeat W.W. Etymological Dictionary of the English Language. New. Ed. Oxford, 1909
26. Sturtevant. An Introduction to Linguistic Science. New Haven, Yale university Press, 1948, p. 128
27. Trnka B. Bemerkugen Zup Homonimie. “Travaux de Cercle Linguistique de Puadue”, IV, 1931, h. 152
28. Ullmann St.. The Principles jf Semantics. Glasgow, 1951
29. Visser. Some courses of verbal obsolescence. Utrecht, 1944
30. Williams . E.P. The conflict of Homonyms in English. New Yaven, 1944.
31. Wood F.T.. An outline history jf the English Language. London, 1941

УДК 37.01

ПОНЯТИЯ-СИМУЛЯКРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**А.Э.Ларионов**, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных социальных дисциплин**А.В. Новичков**, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных социальных дисциплинГосударственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Статья посвящена анализу комплекса новых понятий, которые определяют целевые и ценностные ориентиры российского образования. На основе анализа смыслового содержания важнейших терминов в соотнесённости с нормативными документами и достижениями отечественного социально-гуманитарного знания делается вывод о крайне слабой методологической проработанности ряда популярных педагогических понятий и иллюзорной их связи с реалиями российского образования. Из чего следует пагубность использования расхожих терминов с точки зрения стратегических интересов российского общества и государства.

Образование, симулякры, общество, тезаурус.

A.E.Larionov, Ph. D., associate Professor of Department of Social and Humanitarian disciplines**A.V. Novichkov**, Ph. D., associate Professor of Department of Social and HumanitarianState Educational Institution of
Higher Education Moscow Region

«University of technology», Korolev, Moscow region

THE CONCEPTS OF SIMULACRA IN MODERN RUSSIAN EDUCATION

The article is devoted to the analysis of a complex of new concepts that define the target and value orientations of Russian education. Based on the analysis of the semantic content of the most important terms in relation to the normative documents and achievements of domestic social and humanitarian knowledge, the conclusion is made about the extremely weak methodological elaboration of a number of popular pedagogical concepts and their illusory connection with the realities of Russian education. What follows is the pernicious use of common terms from the point of view of the strategic interests of Russian society and the state.

Education, simulacra, society, thesaurus.

Любая сфера интеллектуальной человеческой деятельности в обязательном порядке включает в себя набор фундаментальных понятий, которыми определяются ценности, смыслы и цели. Или, если переводить на философский язык – аксиология, эпистемология и телеология данного вида деятельности. Система взаимосвязанных понятий с перекрёстными ссылками, образует интеллигибельное операциональное пространство, которое принято обозначать как тезаурус. Изменения хотя бы в одном из компонентов системы неизбежно влекут за собой изменения во всей целостности. Между тем, антропогенный и социогенный характер понятийной сферы априори предполагает её динамику и трансформации. Которые могут обладать различной скоростью и глубиной, однако сами по себе составляют универсалию, которую необходимо постоянно учитывать в процессе анализа функционирования любой системы социально-гуманитарного характера. Всё сказанное в полной мере может быть отнесено к сфере образования как системному социальному

институту и объекту научного анализа. В течение последних десятилетий её тезаурус активно пополняется новыми терминами, которые являются отражением новаций государственной образовательной политики, а равно тех педагогических идей, которые задают тон в российском реформировании и администрировании системы образования. Потому, безусловно, целесообразным представляется осуществление композиционного анализа терминологических новаций российской педагогической среды.

Анализируя нормативные и проективные документы, касающиеся сферы российского образования и публичную риторику ведущих лиц государственной образовательной политики, те требования, которые выставляются в качестве обязательных к методическому, дидактическому, педагогическому обеспечению учебно-воспитательного процесса на всех его уровнях, можно выделить несколько наиболее часто употребляемых понятий, которым придаётся особенно важное значение и без употребления и функциональной проработки которых ни одно учебное заведение не сможет получить аккредитацию на дальнейшее ведение образовательной деятельности.

Не вдаваясь в детальный контент-анализ, попробуем выстроить тезаурус некоторых понятий, основываясь на эмпирических данных. К числу таковых важнейших терминов, появившихся в течение последнего десятилетия и активно влияющих на всю образовательную среду, могут быть отнесены (в алфавитном порядке):

1. Инклюзивное образование;
2. Инновации;
3. Интерактивное обучение;
4. Компетенции;
5. Конкурентоспособность образования;
6. Толерантность;
7. Цифровизация образования;
8. Эффективность образования;

Перечисленные термины в своём большинстве тесно друг с другом взаимосвязаны. В какой взаимосвязи мы и будем их анализировать. Однако, основываясь на названии статьи, необходимо прояснить значение термина «симулякр», чтобы в дальнейшем фундировать тезис о том, что именно тезаурус понятий-симулякров оказывает мощное разрушительное воздействие на информационно-коммуникативную среду российского образования. Также мы попытаемся проанализировать характер деструктивного воздействия. Ещё у Платона можно встретить термин «симулакрум», означающий «копию копии». В диалоге, посвящённом проблемам достоверности знания и отражения действительности в творчестве, в абстрактной фигуре «софиста» рассматривается проблема имитации мудрости и творчества, сокрытого за множественным словесным обрамлением, что и определяется в качестве «симулакрума»: «основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества» [10]. В современном философском и гносеологическом дискурсе под симулякром понимается «копия, оригинал которой никогда не существовал» [7, с. 727-729]. Более определённо высказываются адепты классической эпистемологической парадигмы: «Симулякр – псевдовещь, замещающая реальность, прообраз которой никогда не существовал. Образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие» [11, с. 860-861].

Представляется очевидным, что основные понятия в любой сфере человеческой деятельности призваны адекватно выражать её сущность и функции в соотнесённости с другими сегментами социальной системы и с собственной целями рассматриваемой сферы. Говоря об образовании, правильным будет утверждать, что его цель – есть воспроизводство социума в исторической перспективе. Причём социума не абстрактного, «общечеловеческого», а именно и в первую очередь – определённого национально-культурного типа, в рамках которого сформировалась данная система образования. Также на повестку дня могут ставиться актуальные задачи, которые достаточно бы-

стротечны, но не должны входить в противоречие с фундаментальными целями и ценностями исторического бытия социума и того культурно-антропологического типа, который является для него традиционным. Однако, по нашему убеждению, в течение последних лет информационно-коммуникативная среда российского образования в директивно-административном порядке оказалась перенасыщена терминами, которые создают системные диссонансы и детерминируют перманентный конфликт между изначальными ценностями и целями образования как социального института в российских культурно-исторических реалиях и его фактическим содержанием, которое оказывает переформатировано под воздействием новых понятий, основные из которых названы ниже. Именно они станут предметом дальнейшего анализа в соотнесённости с концепцией симулякров как устойчивого явления современности. То есть, мы осмелимся высказать априорное мнение о том, что названные понятия являются фактически именно симулякрами, поскольку в подавляющем большинстве случаев лишены реального предметного содержания, оказываясь формой, прикрывающей пустоту. О том, насколько такая опережающая оценка верна, станет ясно из последующего анализа.

Наш анализ мы начнём с ключевого термина, который задаёт вектор дальнейшего дискурса – это «инновации». Ведь, по большому счёту, все термины, которые здесь будут рассматриваться, являются новыми для российской образовательной системы и даже для национальной педагогической традиции в целом. Срок их жизни и активного употребления в российском педагогическом тезаурусе не превышает полутора-двух десятилетий. Следовательно, все они могут быть оценены как концептуально-терминологические инновации. В одном из недавних выступлений мы затрагивали проблему понятия «инновации» именно применительно к сфере российского образования. Не дублируя здесь всего содержания доклада, кратко воспроизведём его основные тезисы и выводы как имеющие прямое отношение к проблематике настоящей статьи [6].

Как показал анализ нормативных источников и публичной лексики руководителей российского образования, наблюдается парадоксальная ситуация: при высокой популярности термина «инновации» отсутствует представление о его предметном содержании и, тем более, нет даже намёков на теоретико-методологическую проработанность термина. Иными словами, руководящий слой активно использует в административно-педагогическом дискурсе понятие, о точном смысле которого имеет самое смутное представление. Дальнейший последовательный анализ в соотнесении с фундаментальными теоретическими положениями социально-гуманитарного знания привёл авторов к сколь обескураживающим, столь же и печальным выводам о доминировании в сознании российской политической элиты элементов ритуально-магического сознания с отчётливым уклоном в социал-дарвинистскую парадигму, когда «людьми второго сорта» фактически оказываются все, не входящие в касту «избранных» по своему формальному статусу и по приобщённости к тайному знанию постклассического типа.

Если понимать инновации как творческий акт с неременным следствием в виде порождения нового феномена социокультурной реальности (в нашем случае – сферы образования), то попытки директивно-бюрократического администрирования «инновационного процесса» и тем более – превращение инноваций в рейтинговый критерий полностью искажают сущность исходного значения. Ведь творчество по приказу в рамках жёстко навязанных форм невозможно в принципе – возможны только его имитации. Налицо социальная шизофрения, которой оказывает поражено сознание российских реформаторов образований. И это явно болезненное сознание навязывается управляемой социальной среде – образованию в лице учащихся, педагогов и даже родителей. То есть с подачи высших административных органов России и возглавляющих их персон тенденции сумасшествия приобретают характер общенациональный характер. Едва ли это послужит ко благу страны и народа в исторической перспективе.

Данная аналитическая матрица может быть с успехом применена к другим понятиям современного педагогического тезауруса. Тем более, что именно в силу методологической расплывчатости термина «инновации» и выявленного ритуально-магического мышления высшего госу-

дарственного руководства маркером «инновационности» помечается практически любое начинание федеральных и региональных органов власти, даже если для этого нет никаких предметно-смысловых оснований. Одновременно, поскольку априори «инновациям» присваивается положительная коннотация, то вкупе с известным «синдромом начальственной непогрешимости» согласно которому начальство не бывает неправо, всякий терминологический неологизм приобретает статус непреложной истины и благодетельности, а следовательно – нормативной императивности к внедрению в образовательную среду.

Соответственно, любые критические высказывания в рамках такой управленческой парадигмы не могут по определению стать началом конструктивной дискуссии – но рассматриваются как посягательства на сакральные ценности. Критикующий публично инициативы руководства почти мгновенно может быть подвергнут дискредитации как агент inferнальных враждебных сил, с которым надлежит не спорить, а бороться всеми имеющимися средствами.

Тем не менее, мы рискнём критически проанализировать последующие термины из числа названных нами с точки зрения их влияния на российскую образовательную среду. Как было сказано, все они в рамках административного мышления подпадают под категорию «инноваций» и по мысли авторов нормативных документов и «инновационных» образовательных программ и стандартов могут только улучшать качество образования в России.

Потому, исходя из вполне естественной нацеленности на улучшение результатов образования, продолжим наш анализ с понятий «эффективность» и «конкурентоспособность», которые в современной системе ценностных координат оказываются тесно и неразрывно связаны. Как с очевидностью следует, термин «конкурентоспособность», фигурирующий в ряде высших нормативных документов образовательной политики России, имеет в качестве смысловой основы понятие «конкуренции». Данный термин обладает сугубо экономической коннотацией, о чём свидетельствует даже социологический дискурс: «Конкуренция – экономическое соперничество, состязательность между юридическими или физическими лицами (конкурентами) заинтересованными в одной и той же цели; между участниками рынка за лучшие условия производства и реализации продукции» [13, с. 448]. То есть, в конечном итоге, конкуренция есть борьба за прибыль, прежде всего в её монетизированной форме. Следовательно, если в качестве одной из базовых целевых установок в образовании провозглашается «конкуренция», и она же оказывается одним из ключевых параметров «эффективности», то само образование буквально заталкивается в утилитарно-меркантильную парадигму, будучи вынуждено, так или иначе, подстраивать свою повседневную деятельность под такое целеполагание. Следует также отметить, что и понятие «эффективности» также заимствовано из технической и экономической среды. Под таковой понимается соотношение затрат и полученного результата. Справедливости ради отметим, что философское знание также иногда оперирует понятием «эффективности», под, чем подразумевается принципиальная способность действующей причины произвести определённый эффект. Однако, показательно, что, как и в случае с «инновацией» нормативные и проективные документы российской образовательной политики не разъясняют те понятия, которыми с такой лёгкостью оперируют на практике. В частности, в тексте ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» данные понятия никак не артикулируются, хотя их использование является привычным в документах нижестоящего уровня. Коль скоро авторы этих документов никак их не определяют, не оговаривают отличий от экономической интерпретации, следовательно, с таковой соглашаются по умолчанию и полагают, что смысл понятен интуитивно.

Объективно же получается, что с внедрением этих понятий российское образование приобретает не экономикоцентричную и даже денежно-ориентированную направленность. Причём, поскольку образование формирует сознание и мотивацию социальной деятельности следующего поколения, постольку российским детям в качестве фундаментальной мировоззренческой установки прививается не социальная солидарность, но идея на соперничество в борьбе за место под солнцем. В максимальной смысловой развёртке это ненавязчиво ведёт нас к социал-дарвинистским

концепциям социального устройства. Но, повторимся, напрямую об этом не говорится, равно как и не проясняется, каким образом конкурентоспособность образования и его эффективность будут обеспечиваться.

Однако и это ещё не всё. Нередко говорится о необходимости «обеспечить конкурентоспособность российского образования на мировом рынке образовательных услуг». Оставим в стороне давно подвергаемый критике программный тезис о трактовке образования как услуги. Что значит «конкурентоспособность образования на мировом рынке»? Его привлекательность для иностранных студентов? Или востребованность выпускников российских ВУЗов в плане трудоустройства за рубежом? Внятных ответов на эти вопросы отыскать практически невозможно. Если верить статистике, то суммарная численность российских студентов, продолживших образование за рубежом по программам магистратуры после получения степени бакалавра в России, составляет порядка 50 тысяч человек за последние 15 лет. Что является мизерной процентной долей в общей массе выпускников российских ВУЗов. Любой здравомыслящий человек может задаться вопросом о целесообразности ломки прежней, доставшейся в наследство от СССР модели высшего образования ради этой, крайне небольшой цифры. Возможно, что цель радикальных реформ была вовсе не в этом. Если же говорить о конкуренции как принципе устройства и функционирования общества, то в своём конечном воплощении это приводит к социал-дарвинизму и мальтузианству. Социальная вражда и конфликтная поляризация общества, следовательно, эксцессуальные конфликты и всплески насилия (наподобие «Керченской трагедии») становятся детерминированным элементом как системы образования, так и общества в целом. То есть, внедрение концепта «конкурентоспособность образования» в итоге ведёт к усилению процессов социального распада в масштабах страны. При отсутствии внятного определения термина применительно к образованию понятие искажает как функциональную, так и онтологическую суть социального института, вынуждая соответствовать навязанным стандартам в отрыве от социальной реальности и витальных потребностей России как мегасоциальной системы. Что вполне соответствует исходному понятию симулякра.

В тесной взаимосвязи с понятиями «эффективности» и «конкурентоспособности» оказывается понятие «компетенций», которые в настоящее время составляют составления учебных планов и, по идее разработчиков образовательных стандартов, также должны лежать в основе практической реализации учебного процесса. Однако так ли это на самом деле? Если целеполагание и постановка задач любой учебной дисциплины является вполне разумным требованием, придающим процессу обучения целостность и направленность, обязывающим согласовывать средства и цели, планировать и проектировать профессиональные усилия педагога, то с компетенциями всё обстоит иначе. Инспирированное руководящими и надзорными органами директивное требование вносить компетенции в учебные планы и рабочие программы часто оказывает в полном и вопиющем разрыве как с непосредственным содержанием того или иного предмета, так и со здравым смыслом и реалиями учебного процесса.

Например, когда согласно ФГОС в социально-гуманитарных дисциплинах требуется прописывать «способности и навыки действий в экстремальных ситуациях», хотя содержательное наполнение дисциплины является сугубо философским или правовым, то остаётся только удивлять искусству преподавателей и методистов, которые отыскивают формулировки для согласования административных предписаний с реалиями преподавания конкретных предметов. Как показывает практический опыт и общение с коллегами, преподавание идёт своим чередом без оглядки на «компетенции», когда набор методических приёмов, способы организации учебной коммуникации диктуются, во-первых, собственно содержанием предмета; во-вторых, наличной ресурсной базой учебного заведения, даже конкретной аудитории; в-третьих, психологическими особенностями класса/студенческой группы и самого воспитателя/учителя/преподавателя. Подчеркнём ещё раз: никакой связи с чисто спекулятивными и надуманными «компетенциям» как продуктом кабинетного творчества в процессе преподавания дисциплин нет и быть не может. То есть в случае с навяз-

званием «компетентного подхода» мы имеем очень показательную ситуацию, когда пустая форма не имеет реального сущностного наполнения. Это и есть симулякр в чистом виде. Каковы же последствия его внедрения в реальную жизнь? Можно было бы сказать, что ион минимальны – преподаватели на практике просто игнорируют компетенции как не имеющие никакого отношения к жизни. Однако, нельзя забывать о тех затратах времени и нервов, искажении приоритетов профессиональной деятельности, которые при этом возникают. В данном случае мы имеем ту ситуацию, когда имитационная деятельность в рамках коммуникационного канала, задаваемого понятием-симулякром паразитирует на деятельности основной, как минимум, существенно снижая ту возможную эффективность, которая определяется в качестве приоритета функционирования всей системы. И подобных примеров, при более пристальном и пространным внимании можно привести гораздо больше.

Последним компонентом экономико-ориентированного блока понятий-симулякров является концепт «цифровизации образования», связанных с ним идей «цифровой образовательной среды», «онлайн-обучения» et cetera. В чём же заключаются фальшивки и риски данного термина для национальной системы образования России, а в перспективе – для всего нашего общества? Во-первых, и этом самое важное с функциональной точки зрения, происходит неявная и постепенная, но фатальная подмена качества межличностной коммуникации учебно-воспитательного процесса «погружением в цифровую среду». То есть квалификация педагога и персональная учебная мотивация, ценностная ориентация учащегося становятся как минимум вторичны по сравнению с рейтинговыми показателями «цифровизации». Новая форма вытесняет сущностное содержание образования. Первая становится важнее второго. Что есть важнейший критерий симулякра. Здравый смысл подсказывает, что реальное качество образования зависит от качества и содержания общения учащегося и учащего, воспитателя и воспитанника. Личностное взаимное и позитивное вовлечение способно дать колоссальные эффекты. Что показала история советского образования и науки, когда при скудных средствах в СССР было построено «общество знания».

Мало того, абсолютизация тренда цифровизации может привести к утрате творческих потенций личности и к полностью пассивной позиции учащегося, когда отказ от учебных усилий будет оправдываться неполадками в интернете или неисправностью домашнего ноутбука. «То, что у ребёнка может возникнуть интернет-зависимость, атрофируется логическое мышление, снижается память, указывается во многих психологических исследованиях... Через новые каналы подростки затягиваются в воронку виртуального пространства, где на них обрушивается как прямая антисоциальная пропаганда, так и информация, поражающая подсознание. Через воздействие на подсознание сублимируются самые тёмные стороны человеческой психики» [1, с. 161-162]. Безусловно, адепты цифровизации и её горячие сторонники «от Кремля до самых до окраин» станут приводить доводы о «поступи прогресса» и о том, что необходимо обучить детей правильному и ответственному пользованию интернет-пространством, необходимости блокировки деструктивного контента в локальных сетях образовательных учреждений и т.п. Однако, при этом случайно или намеренно упускаются из виду важные вещи. Ещё Маршалл Мак-Люэн выдвинул теорему «форма коммуникации есть сама по себе коммуникация». Применительно к проблематике настоящей статьи это значит, что вне зависимости от желаний и планов организаторов «цифрового учебного пространства», учащиеся оказываются втянуты в ту виртуальную среду, которую в принципе невозможно проконтролировать, а коль скоро государство санкционирует данный тип информационного обмена, люди, в первую очередь учащиеся, усваивают саму принципиальную модель получения информации, отдавая ей приоритет перед всеми прочими в силу визуальности, простоты усвоения и кажущейся свободы. Идея «можно, только осторожно» в подростковом сознании мгновенно трансформируется в чрезвычайно соблазнительный императив «можно всё». И это лишь некоторые следствия директивного курса на «цифровизацию образования». В конечном итоге, комично выглядят, с одной стороны, лозунги «гуманизации образования», защиты детей от «цифрового слабоумия» и «цифрового алкоголизма» и, с другой стороны, призывы к «цифровизации». При

том, что оба призыва раздаются из одних и тех же органов власти и управления образованием. Итак, с одной стороны, в тенденции цифровизации образования происходит подмена реального содержания весьма невнятной формой; с другой стороны, тем самым даётся сигнал к искажению образовательной коммуникации. В дальнейшем авторы планируют посвятить отдельную статью именно данной проблеме, комплексно и более подробно рассмотрев её особенности и социальные последствия. Пока же ограничимся рекомендательной ссылкой на одно из современных справочных изданий, странным образом прошедшее мимо основного внимания исследователей [16, с. 555-576].

В тесной смысловой и структурной взаимосвязи с «цифровизацией» находится понятие «интерактивного обучения», насаждаемого как в среднем, так и в высшем образовании. Так что даже в учебных планах конкретных специальностей отдельно прописывается минимально необходимое количество занятий в интерактивной форме по каждому предмету. То есть «интерактивность» стала сквозным трендом образовательной политики и собственно образовательного пространства. Попробуем разобраться с этим термином ближе. В своей исходной трактовке латинский префикс «интер-» намекает на медиацию, взаимодействие и согласование усилий между двумя и более акторами социальной коммуникации. Латинское же понятие «actio» буквально переводится как «действие, деяние». Следовательно, буквальный перевод «инновационного» термина «интерактивность» означает всего-навсего – «между-действие» или более привычно – «взаимодействие». То есть, исходя из фундаментального значения, чиновники от образования, всеми силами продвигающие концепт «интерактивного обучения» требуют от преподавателей взаимодействия с учащимися! В этой связи невозможно удержаться от сарказма: а что, кто-то может привести примеры обучения без взаимодействия учителя с учениками. В базовом значении данный термин лишён сколько-нибудь специфического смысла, являясь просто модным неологизмом, некритично заимствованным российскими управленцами в образовании из западной психологической и педагогической науки, хотя в этом не было никакого практического смысла. На примере интерактивности можно отчётливо проследить, как происходит засорение русского научного языка избыточными и ничего не значащими словами, которые в строгом смысле даже терминами назвать нельзя!

Конечно же, кроме буквального переводного смысла, в современном гуманитарном дискурсе существуют и более широкие интерпретации понятия «интерактивность». И, в случае критических нареканий, сторонники «педагогического новояза» будут настаивать именно на дополнительных смысловых коннотациях. Но, как и в случаях с прочими понятиями-симулякрами, можно констатировать отсутствие сколько-нибудь внятной артикуляции данного термина в важнейших нормативных документах, задающих параметры существования и развития российского образования. По-прежнему понятие употребляется как само собой понятное для всех участников учебной коммуникации. Хотя замалчивание первоначального значения уже показательно. Между тем, если мы обратимся к научному гуманитарному тезаурусу, то обнаружим моменты, как минимум неоднозначные. В социологическом дискурсе под интерактивностью в узком смысле подразумевается «многообразие социальных взаимодействий на различных уровнях: межличностном, групповом, институциональном» [3, с. 377]. Как видим, определение в точности совпадает с предложенным авторами данной статьи очевидным смыслом. Но далее следует то самое расширение интерпретации со ссылками на развивающуюся цифровую среду и на корифеев постмодернистской философии: «В современной социологии в большей степени используется для описания взаимодействий в мире телекоммуникаций ("масс медиа" и "новых медиа"), где к явлениям интерактивности относятся компьютерные игры, электронная почта, общение "он-лайн" в Интернете, телефонное или Интернет-участие зрителей в телепрограммах (интерактивные опросы, голосования и проч.), технологии виртуальной реальности...» Далее следует цитата из Бодрийера: «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрывают самые тонкие механизмы постановки коммуникации... Контакт ради контакта становится родом пустого соблазна языка, когда ему уже просто нечего сказать...» [3, с.378].

Как видим, понятие «интерактивности» оказывается тесно связано с нарастающей компьютеризацией общества. То есть, требование наращивать интерактивность в образовании означает наращивать именно погружение учебного процесса в цифровую среду, перевод общения студентов и преподавателей, учеников и учителей в виртуальную область. Об опасностях подмены содержания формой мы уже говорили выше. Но, как показывает обращение к философским текстам, проблема этим не исчерпывается. Интерактивность таит в себе риски превращения учебной коммуникации в «контакт ради контакта» с постепенным забвением целей и задач образования как института воспроизводства социальности. В итоге мы рискуем получить гипертрофию оторванной от содержания копии, возведённой в превосходную степень, так сказать, симулякр в его наиболее рафинированном виде. Поскольку же реализация данного симулякра стала одним из рейтинговых показателей в современном российском образовании, постольку мы получаем очередное искажающее влияние и абсолютно ненужную информацию, которая только мешает повседневной образовательной коммуникации.

Помимо отмеченных понятий симулякров экономического и информационного характера, в современном российском образовании активно и даже агрессивно насаждаются два термина, призванных, по официальным декларациям, усилить его гуманистическую и этическую направленность. Речь идёт о т.н. «толерантности» и тесно с ней связанной «инклюзии». Как известно, исходно понятие «толерантность» возникло в рамках медицинского дискурса, обозначая не позитивное, а негативное качество: снижение или отсутствие резистентности организма к болезням и токсинам, неспособность сопротивляться им и отстаивать собственную витальность. Примечательно, заметим попутно, что в последние годы данный фундаментальный смысл постепенно выводится из оборота, так что даже в словарных статьях современных энциклопедий читатель подводится к мысли о том, что социально-гуманитарное истолкование толерантности является единственным возможным. В публичном дискуссионном пространстве, в публицистике и социально-гуманитарном знании «толерантность» постепенно прописывается с рубежа 1990-2000-х гг. До этого его актуальность стремилась практически к нулю. Если мы откроем вполне фундаментальный и репрезентативный «словарь иностранных слов» 1989 года, то обнаружим дуальное значение термина «толерантность». Кратко оно раскрыто в качестве буквального перевода латинского «tolerantia» - «терпимость, снисходительность к кому-либо или к чему-либо». А вот второе, контекстуальное значение полностью коннотирует с медициной: «полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т.е. потеря организмом... способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение» [12, с. 510]. В изданном в том же году «Философском энциклопедическом словаре», существенно переработанном в духе веяний «перестройки» по сравнению с «застойной» версией 1983 года данного термина мы не обнаруживаем. То есть в области гуманитарной науки такого понятия просто не было практически до конца XX столетия. Зато в «Большой медицинской энциклопедии» (3-е издание, середина 1970-х годов) данный термин обнаруживается – и именно в иммунологическом своём значении. Даже в «Новейшем философском словаре» под редакцией А.А. Грицанова (1999 год) понятие «толерантность» по-прежнему отсутствует. Лишь в «Новой философской энциклопедии» мы находим сразу двойное истолкование термина. Причём вначале интерпретация даётся в оценочном ключе, что вообще нехарактерно для данного принципиально деидеологизированного издания. В частности, указывается, что «толерантность является признаком уверенности в себе...» Таким образом, у читателя формируется этическая полярная оппозиция: тот кто толерантен, тот уверен в себе, следовательно, успешен и хорош; аналогично, нетолерантный – значит, неуверенный, закомплексованный, неуспешный, плохой. Налицо попытка манипуляции общественным сознанием посредством философского текста, априори претендующего на фундаментальность. В энциклопедическом словаре «Глобалистика» 2003 года издания термин уже преподносится как неотъемлемая часть глобального гуманитарного дискурса. О медицинских коннотациях упоминания нет вообще. Зато, в качестве фундаментального обоснования, присутствует апелляция к европейской философской мысли Нового времени. В частности, упоми-

нается сочинение Джона Локка (1632-1704 гг.) «Послание о толерантности», где толерантность преподносится как основная характеристика истинной церкви [5, с. 1017-1019]. И уже на этом основании фундировано приоритетное значение толерантности для современного мира. Таким образом, на первый взгляд, толерантность оказывается одним из немногих «инновационных» понятий современного педагогического дискурса, которое обладает чёткой дефиницией. Однако, как было показано через сравнительный анализ энциклопедического нарратива, медицинское значение явно замалчивается, а само социологическое универсальное значение термина очень молодо. И апелляция к Локку в данном случае ничего не решает – Локк, во-первых, имел в виду именно религиозную толерантность; во-вторых, само по себе имя философа англо-саксонской школы не может служить авторитетом в последней инстанции для российского образования. Тем не менее, в числе необходимых компетенций ФГОСов и учебных планов формирование толерантности указывается как необходимый и приоритетный (судя по частоте упоминания) тренд. Однако, каковы основания авторов отнести «толерантность» к числу понятий-симулякров. Во-первых, если вчитаться в современные определения, то можно увидеть их не фундаментально-философский, а именно – социологически-прикладной характер. То есть это не столько область объективного чистого научного знания, сколько – понятие, сформированное в угоду определённой идейно-политической моде, причём в плане российского образования – очевидно заемного характера (как, впрочем, и все прочие понятия-симулякры). Важнейший момент: данное понятие не укоренено не только в фундаментальной составляющей гуманитарного знания, но и отсутствует в отечественной научно-педагогической традиции. В то же время, помимо компетенций, сколько-нибудь внятного разъяснения о значении «толерантности» применительно к повседневной практике российского образования в нормативных и проективных документах мы едва ли отыщем. То есть постоянное употребление термина есть, а чёткого его разъяснения вновь нет! Но даже если исходить из общих определений социологического характера, то не вполне понятно, почему в русской культурно-языковой среде необходимо заменять вполне привычные нравственные качества «милосердие», «терпение», «доброжелательность», «приветливость» и т.п. чужды для языка, слуха и мышления понятием «толерантность». Мало того, как показывает опыт сравнительного изучения современных социокультурных систем в разных странах, практика реализация возведённого до уровня высшего нравственного императива и превратно толкуемого принципа «толерантности» превращается во всевластие зла и порока, которому директивно и юридически запрещено оказывать хотя бы нравственное сопротивление. Каким образом совместить с требованием толерантности ценности нравственности и патриотизма, которые также являются ценностными ориентирами российского образования, совершенно непонятно. Следовательно, в случае последовательного проведения в жизнь требований «толерантности» для традиционных ценностей не остаётся места, что означает в будущем распад общества и государства. В таком предельном случае, принцип «толерантности» есть угроза национальной безопасности страны, лишение её исторической субъектности и онтологического статуса. Тогда образование превращается в институт, не воспроизводящий социальность, а разрушающий её. Если же насаждение «толерантности» есть чисто формалистическая «кампанейщина», то это как минимум, пустая трата времени учителей, преподавателей, методистов – на прописывание в учебных планах и программах требования, которое изначально нереализуемо. Однако, учитывая, что под нормативные требования ФГОСов и сопутствующих им документов закладывается определённое финансирование, то мы имеем дело как минимум с нецелевым расходованием средств в сфере управления образованием, а как максимум – выстраивание коррупционных схем по «освоению» федерального и региональных бюджетов.

В российских реалиях сферы образования единственным реальным приложением «толерантности» оказалась подсистема «инклюзивного образования». Верифицируя термин по уже отработанному на предыдущих понятиях алгоритму, мы не находим его внятного раскрытия в научно фундированных гуманитарных словарях и видим только сугубо функционально-прикладное описание в нормативно-проективных документах сферы образования. При этом внесение требований

о развитии в общеобразовательных учреждениях тренда на обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) осуществлялось и осуществляется сугубо механически – путём внесения соответствующих поправок а posteriori в законодательные акты и в приказы органов управления образованием. Безо всякой увязки с возможностями и ресурсами, кадровым обеспечением образовательных учреждений. Между тем, представляется очевидным, что всякое изменение одного из базовых элементов культурной системы неизбежно вызывает изменения в системе в целом. Никто и никоим образом не только не просчитывал такого рода рисков, но даже не озаботился тем, чтобы на государственном уровне запланировать увеличение количества педагогов и психологов дефектологического и коррекционного направления посредством планового увеличения бюджетных мест в педагогических ВУЗах и колледжах, а равно целенаправленным увеличением количества ставок в штатном расписании учреждений образования. В такой ситуации неизбежным следствием оказывается переложение главной доли ответственности и нагрузки на администрацию и рядовых сотрудников детских садов, школ, колледжей и техникумов, ВУЗов. Инклюзия становится способом усиления бюрократического и рейтингового контроля и давления на образовательные учреждения. Вот основной практический результат на институциональном уровне. Однако определённые и отнюдь не лучшие изменения происходят в рамках образовательной социальной среды. И если обучение детей с физическими патологиями, но нормальных интеллектуальным развитием не вызывает острых проблем (это не значит, что таких проблем нет вообще), то психические отклонения превращаются в мощный генератор разрушительного плана – от потерь учебного времени (ведь педагоги часто вынуждены уделять в течение 45 минут урока значительное внимание одному-двум специфическим ученикам в ущерб остальным) до разрыва социальных связей внутри классов, роста конфликтности и даже криминальности.

Примечательно, что информационная шумиха по вопросам «инклюзии» в России, бьющие по эмоциям репортажи и статьи вокруг атмосферы «нетерпимости» в обществе к «особенным детям», явно спровоцированные и инспирированные скандалы вокруг «нетолерантных» педагогов удивительным образом оказались синхронизированы с негромким, но систематическим сокращением сети коррекционных школ во всероссийских масштабах. Вот лишь некоторые цифры: в 2000 году количество коррекционных школ по стране составило 1967; в 2005 – 1810; в 2012 – 1728; в 2014 году – 1660! [14] С 1 января 2016 года само понятие «коррекционная школа» выводится из нормативного оборота. Между тем, количество детей с патологиями здоровья как физического, так и психического неуклонно возрастает. Вся совокупность разрушительных последствий для образования и общества от такого рода «инклюзивных инноваций», «оптимизаций» и «реформ» потребовала бы отдельной пространной статьи. Пока же ограничимся объективированной констатацией: насильственно, при помощи бюрократических инструментов внедрённый термин «инклюзия» не просто не имеет сущностного самостоятельного смысла, который бы увеличивал качественные показатели как системы образования, так и российского общества в целом, но обладает отрицательными смысловыми коннотациями, которые способствуют разрушению социокультурной системы российского общества и, в то же время, служат маскировочным флёром над очередным секвестром бюджетных расходов на социальные и культурные потребности в угоду монетаристским экономическим мифологемам.

Настало время обобщения и подведения итогов проведённого (по необходимости краткого) фокусного терминологического анализа тезауруса российского образования в социокультурном контексте. Как можно заключить, российская система образования в своём современном состоянии наполнена целым рядом понятий-симулякров. Их общими признаками являются следующие характерные черты:

- 1) Полностью отсутствующая, либо крайне слабая теоретико-методологическая обоснованность;
- 2) В силу этого данные термины оказываются либо бессодержательными, либо их реальное содержание абсолютно не соответствует публично декларируемому. Иначе говоря, существ-

вуют как бы две «правды – для профанного управляемого большинства и для посвящённого управляющего меньшинства;

- 3) Понятия-симулякры оторваны от практической реальности российского образования, его реальных проблем и потребностей;
- 4) При своём внедрении эти понятия не верифицируются ни интеллигентно, ни эмпирически, а сразу директивно задаются в качества инвариантных ценностей и приоритетов при помощи административно-бюрократических механизмов. Они высвечивают один из важнейших критических диссонансов российского образования в современности: директивное администрирование как эпистемологический инструмент. Получается, что сфера, важнейшим смыслом и функцией которой является циркуляция знаний и развитие творческих потенций, управляется и оценивается сугубо бюрократически и формально. Иными словами, ответы на вопросы о том, что есть истина, как она может быть достигнута оказываются предзаданы административным порядком;
- 5) Методы утверждения понятий-симулякров в сознании и повседневных социальных практиках субъектов системы образования носят магический характер: не рациональный поиск, а многократное повторение того, что предписано свыше считать истиной и благом. Что ведёт к разрушению здравого смысла и рациональности как категорий социальной реальности.

Все проанализированные понятия-симулякры находятся во взаимосвязи между собой. По нашему мнению, ключевым является понятие «инноваций», которым фундируются все прочие. Они разделяются на три подгруппы: экономическую (эффективность-конкурентоспособность-компетенции); информационную (цифровизация-интерактивность); либерально-гуманитарную (толерантность-инклюзия). Все вместе они образуют единый «инновационный» тезаурус, смысловую систему, которая, пользуясь внешним энергетическим импульсом (административное давление и финансовое обеспечение) оказывается инородным анклавом внутри системы образования. В категориях метафизики этот анклав представляет собой своеобразную «квинтэссенцию пустоты», которая буквально паразитирует на системе образования, поглощая его духовно-интеллектуальные и материальные ресурсы, искажая при этом смысл бытия и деятельности всей системы.

Попадая в поле (помимо своей воли и желания) действия этого «тезауруса симулякров» учащиеся, педагоги, родители оказываются жертвами бесконечного реформаторского эксперимента. Причём с постоянно меняющимися правилами игры (ведь процесс порождения новых понятий-симулякров) продолжается. Следовательно, к нему нельзя приспособиться. Жизнь всех непосредственных участников учебно-воспитательного процесса превращается в бег по тонкому льду к постоянно удаляющемуся берегу. При этом лёд обламывается за спиной у бегущих и угрожающе трещит перед ними. Любая остановка ведёт к гибели. В такой ситуации нет возможности ни здраво осмыслить и оценить уже пройденный путь, ни ответственно спланировать дальнейшую траекторию движения и развития.

Здравые оценки и качественная адаптация становятся невозможны ещё и потому, что сама понятийно-смысловая сфера, как было показано, является изначально искусственной, фальшивой. В полном соответствии с концепцией симулякров знаки (в нашем случае - термины) обозначают то, чего в действительности нет, никогда не было и быть не может. человеческий разум ощущает эту фальшь, интуитивно её отвергает, но...оказывается вынужденным жить и действовать в рамках навязанной ему фальшивой смысловой реальности и противоестественных правил. Учителя, воспитатели, ученики и студенты, родители вынуждены имитировать своё согласие с понятиями-симулякрами. Иными словами, все непосредственные участники образовательной коммуникации взаимодействуют в рамках постоянно нарастающего когнитивного диссонанса. От которого, как известно, один шаг до социальной шизофрении [2].

В этом можно усмотреть и немаловажное онтологическое следствие: угрозу превращения российского образования самого российского образования, живущего в фальшивой (пусть и навяз-

занной ему, но принятой к исполнению фальшивой реальности смыслов-симулякров) в некий мега-симулякр, минимально связанный (лишь через людей, но ценностно и функционально) с реальной жизнью? Или эта гибельная метаморфоза уже состоялась? В таком случае можно уверенно прогнозировать дальнейший и углубляющийся распад среды общения в образовании с одновременным нарастанием разрушительных явлений, непонимания, конфликтности между всеми актёрами образовательного процесса. Причём обвинения будут адресованы от одних жертв к другим, тогда как истинные виновники останутся в стороне в статусе невидимых кукловодов.

Этот, намеченный лишь контурами, процесс имеет и пагубные социальные последствия. Нельзя ни на минуту упускать из виду то непреложное обстоятельство, что образование – это институт воспроизводства социальности. Оно созидает общество в проекции будущего. Если раньше детские сады и школы, ПТУ и техникумы, институты и университеты были островками стабильности и порядка и, по возможности, гасили конфликты, проецируя в сознание общества образы уюта и безопасности, упорядоченности и душевного комфорта, то теперь они становятся ретрансляторами и генераторами разрушительных и непрерывных перемен к худшему, бессмысленного напряжения, конфликтов и социального хаоса. Можно контурно очертить того среднестатистического человека, который станет продуктом воплощения той системы смыслов, которая возникает в «точке пересечений» совокупности понятий-симулякров. Этот гипотетический продукт «инновационной» системы образования будет обладать тремя базовыми характеристиками: экономико-центричной, цифровой и либертарианской. То есть, основные составляющими его личности станут приверженность инновациям как некоему фетишу, озабоченному собственной конкурентоспособностью и эффективностью, даже если это связано с необходимостью уничтожения других людей; далее, это будет человек, для которого нет принципиальной разницы между виртуальной средой и реальной жизнью, в его сознании они станут перетекать одна в другую. Больше того, оцифрованная реальность имеет все шансы занять доминирующее положение, а интерактив, бесконечная игра в нейро-сетях станут доминантами социальной этики и эстетики; наконец, насаждение толерантности и инклюзии грозят стереть грань между нормой и патологией, учитывая же давно зафиксированный в практической психологии и психиатрии феномен индукции, мы скорее получим огромное количество заражённых ненормальностью людей, нежели добьёмся превращения умственно неполноценных учащихся в духовно и интеллектуально адекватных личностей. В этом искусственном и иллюзорном поле, как видим, нет места ни для подлинной нравственности, основанной на полярности дора и зла, ни для национально-культурной идентичности, ни для патриотизма, о котором в последние годы столь ревностно заботятся органы власти в лице Администрации Президента, органов управления образованием и культурой. Нравственность, культура и патриотизм проиграют эту битву – хотя бы потому, что сами властные инстанции и персоны неспособны упорядочить собственное мышление и определиться с ценностными приоритетами, согласовать с ними социальные практики и управленческие импульсы. С социальных верхов эти диссонансы проецируются по всем этажам социальной пирамиды.

Понятия-симулякры, объединяясь в систему, порождают эффект резонанса, превращая систему образования из института воспроизводства социальности – в средство её разрушения, в своеобразный «странный аттрактор», когда раз за разом реализуются наихудшие и разрушительные из возможных вариантов развития реальности, а система грозит низвергнуться в хаос при малейшем возмущении [15]. По сути, в недрах системы образования сформировалась смысловая «чёрная дыра», которая втягивает в свою воронку нашу образовательную и шире – социокультурную реальность, угрожая, при отсутствии противодействия, поглотить её полностью. Простая логика, стремящаяся к рациональной завершённости суждений, обязывает нас поставить вопросы о виновниках данного патогенеза и о возможных путях его преодоления.

Вопрос о виновниках катастрофы смыслов в российском образовании прост и сложен в одно и то же время. Вина государственного руководства за последние 20 лет (президентов и премьер-министров, министров образования регионального и федерального уровня и т.п.) бесспорна:

именно они принимают ключевые решения и проводят их в жизнь всеми доступными государственному аппарату средствами и способами. Однако немалая часть ответственности лежит на том молчаливом общественном большинстве, которое почти безропотно принимает к исполнению все разрушительные инновации, не пытаясь публично хотя как-то артикулировать своё неприятие выстраиваемой на уровне понятий и действий «реальности симулякров», ограничиваясь кулуарно-кухонными стенаниями. Не говоря уже о почти полном отсутствии попыток хотя бы как-то сформулировать собственный целостный контрпроект в рамках традиционной академической парадигмы российской культуры. Свою долю ответственности несут чиновники органов управления образованием нижнего и среднего звена и, наконец, рядовые педагоги – все мы, кто предпочитает страдательную адаптацию – осознанному протесту. Родительская общественность, усвоившая навязанную модель гиперкритики образовательных учреждений, претензий и жалоб как основной формы общения семьи и школы, школьники и студенты, легко и с удовольствием усвоившие идею узурпации прав при отсутствии обязанностей и ответственности. По сути, общество само санкционирует разрушение собственного будущего через деконструкцию образования посредством его погружения в искажённую/фальшивую реальность концептуальных понятий-симулякров. Ведь когда родители ребёнка с психопатологиями вместо борьбы за сохранение коррекционных школ предпочитают обвинять учителей обычной школы в недостаточной «толерантности» в отношении их «особенного» ребёнка, они сами разрушают как будущее своего ребёнка, так и общества в целом. Легковерие и пассивность оказываются не менее пагубны, чем прямое служение злу. А лишение общества будущего, разрушение его сознание через насаждение понятий-симулякров – это безусловное зло, погружение, выражаясь словами Ивана Антоновича Ефремова, в сферу «инферно». Иными словами, ответственность за создание фальшивой системы псевдо-образования, паразитирующей на образовании настоящем и уничтожающей его, является интегрированной, хотя и распределена неравномерно между различными социальными группами. Ибо, по словам Евангелия, «неведомый же, сотворив же достойная ранам, биен будет мало. Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется с него и ему же предаша множайше, множайше истяжут от него» [4]. Осознание и принятие коллективной ответственности каждым из членов нашего социума есть важное условие успешности будущего исцеления недугов российского образования.

Столь же сложен и требует проработки вопрос о путях выхода из фальшивой реальности понятий-симулякров. Не погрязая в мелких деталях, выскажем то мнение, что без изменения всей модели государственной политики, её ценностно-концептуальных оснований, нереально рассчитывать на сколько-нибудь значительные и просто ощутимые улучшения в российском образовании, которое последовательно и с подачи государства при одобрении значительно части общества разрушается более двух десятилетий. В существующих условиях и при вполне конкретных деятелях во главе страны рассчитывать на это не приходится. Никакие «открытые письма президенту» ситуации не изменят. В равной степени не даст ожидаемых результатов безадресный протест по поводу тех или иных наиболее вопиющих «инноваций». Мы имеем дело со сложившейся «анти-системой», у которой есть свои выгодоприобретатели и изменить траекторию можно только последовательными и системными усилиями, в основе которых будет лежать осознанный созидательный проект как результат общественного согласия. Представляется, что в настоящий момент именно на рядовых работниках педагогической сферы лежит нравственная обязанность выработки такого проекта посредством установления конвенциональных требований и рамок как зримого-осозаемого проявления искренней тревоги за будущее страны. Отечественное образование, его сотрудники суть детища всей отечественной культуры, получившие в концентрированном виде всё лучшее, что было накоплено за её многовековой путь. Причём получившие, практически бесплатно. Но «бесплатно» – не синоним «безвозмездно». Фактически, нынешнее поколение российских педагогов на всех уровнях, в большинстве своём профессионально сформировавшиеся на советской моральной, интеллектуальной и материальной базе, получило бессрочный кредит, платить по которому – значит служить стране и народу невзирая на привходящую конъюнктуру и флуктуации

настроений во властных инстанциях. Перед десятками тысяч коллег стоит духовная задача величайшей значимости: преодолеть в собственном сознании эпигонскую и рабскую по сути зависимость от понятий-симулякров и заемных доктринальных идей, не связанных с традициями и потребностями российской культуры и образования или прямо с ними конфликтующих. Взамен предстоит выработать обновлённый проект и адекватную понятийно-смысловую сферу отечественного образования, внятно и системно, целостно их сформулировать, после чего начать продвижение в информационно-культурной сфере. Первым шагом мог бы стать осознанный отказ использования в повседневном профессиональном лексиконе всех понятий-симулякров с непрерывным разъяснением их пагубной сущности. Эти понятия должны быть дискредитированы в общественном сознании и табуированы как сигналы хаоса, угрожающего самим основаниям национального бытия. Тот, кто их последовательно употребляет – сам обличает себя как носитель и актор социальной энтропии. Но это лишь первый шаг. Параллельно предстоит кропотливая работа теоретического и концептуального характера с вынесением предварительных результатов на общественное обсуждение. Однако основная миссия, особенно на первых этапах, будет лежать именно на представителях педагогической среды в полном соответствии со словами выдающегося отечественного философа Александра Сергеевича Панарина, которыми мы и хотим закончить настоящую статью: «Россию может спасти только новая элита, способная преодолеть жалкое западническое эпигонство нынешней псевдоэлиты и взять на себя выполнение... важнейших задач...

Подлинная интеллигенция сегодня имеет своё сердце на Востоке, а разум – на Западе. Восток даёт ей веру и жертвенность во имя поруганной справедливости. Запад рациональность в её самом современном оснащении. Защитить информационное общество в его подлинном значении – в борьбе с виртуальными извращениями, адептами нефальсифицируемого знания – можно только так, соединив веру и знание. Вера даёт нашей слабой чувственности готовность воспринять объективное знание и не поступиться им в ситуации принятия ответственных решений» [8, с. 240; 9, с. 356].

Литература

1. Багдасарян В.Э. Российское образование: выбор пути. М.: Издательство «Отчий дом», 2019. С. 161-162.
2. Витязев А.К. Социальная шизофрения. М.: Изд-во СГУ, 2007.
3. Галкин И.В. Интерактивность // Грицанов А.А. Социология. Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003. С. 377.
4. Евангелие от Луки. 12:48
5. Иванченко Г.В., Лекторский В.А. Толерантность // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 1017-1019.
6. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Инновационные подходы и методы в российском образовании: PRO et CONTRA // Доклад на VII Международной научно-практической конференции «Инновационные технологии в современном образовании», г. Королёв, 12 декабря 2019 г.
7. Можейко М.А. Симулякр // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Харвест, 2001. С.
8. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: УРСС, 1998. С. 340;
9. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 356.
10. Платон. Софист // <http://psylib.org.ua/books/plato01/23sofis.htm> Дата обращения 18.12.2019.
11. Полозова И.В. Симулякр // Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. С.860-861.
12. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. С. 510.
13. Социология: энциклопедия // сост. А.А. Грицанов. Минск: Книжный дом, 2003. С. 448.

14. Терентьев Денис. Коррекция разума. В России закроют все коррекционные школы // Аргументы недели. №30(471) 13.08.2015.
15. Хорошанский Л. Теория хаоса. Странный аттрактор // <https://nplus1.ru/material/2019/09/06/chaosreigns> Дата обращения 26.12.2019.
16. Эпштейн М.Н. Техника. Интернет // Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 555-576.

УДК 378

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Т.О. Серова, кандидат филологических наук, доцент,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», Королёв, Российская Федерация

В статье описывается содержание раздела «Психолингвистика» в курсе русского языка и культуры речи для студентов-психологов, подчеркивается важность профориентационных тем и даются рекомендации по выбору форм и методов работы.

Психолингвистика, когнитивный подход, речепроизводство, восприятие речи, инокультурный текст.

PSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF TEACHING RUSSIAN TO PSYCHOLOGY STUDENTS

T.O. Serova, PhD {Philology}, associate professor,
State Educational Institution of
Higher Education Moscow Region
«University of Technology», Korolev, Russia

The article describes the content of the section “Psycholinguistics” in the Russian language and speech culture course for psychology students, emphasizes the importance of career-oriented topics and gives recommendations for choosing forms and methods of work.

Psycholinguistics, cognitive approach, speech production, speech perception, foreign cultural text

Курс «Русский язык и культура речи» является обязательным для студентов всех специальностей. Наряду с общими темами, освещающими историю языка, структуру языка нации, его лексическое и грамматическое своеобразие, необходимо включать в программу обучения темы, связанные с будущей специальностью студента. Так, для студентов-социологов актуальным будет изучение социолингвистических проблем, а для студентов-психологов – знакомство с психолингвистикой. Главная задача этой части курса – дать представление студентам о научных направлениях, теориях, работах по психолингвистике и очертить круг наиболее важных проблем этой дисциплины. Ввиду ограниченности часов, которые может выделить преподаватель на знакомство с психолингвистикой, большая часть материала дается для самостоятельной работы студента.

Цель данной статьи – описать содержание рекомендуемых тем, а также показать формы и методы подачи материала.

На первой лекции, посвященной психолингвистике как науке, следует отметить важность обращения к дисциплинам, возникшим на стыке наук. Они позволяют взглянуть на предмет исследования с разных позиций, выйти за рамки стереотипов, свойственных конкретной дисциплине, а также использовать инструментарий смежной дисциплины. Так, наиболее продуктивными методами лингвистики, начиная с 19 века, являются описательный и сопоставительно-описательный. В психологии активно используются метод наблюдения за живой речью и эксперимент. Творческое использование методов обеих наук позволяет добиться значительных результатов. В силу всех этих преимуществ междисциплинарный подход к исследованию оказывается

более продуктивным. Современная наука может быть представлена не как совокупность отдельных научных дисциплин, а как совокупность их сложных комплексов.

Необходимо прояснить причины и условия возникновения психолингвистики.

Появление психолингвистики связано с тем, к середине 20 века стала очевидна неспособность традиционных наук решить многие теоретические и практические проблемы, связанные с речевым воздействием, различными патологиями в речи взрослых и детей, а также феноменом многоуровневого понимания художественного текста. Необходимость исследования речи в процессе познания человеком действительности и самопознания обусловила взгляд на речь как психический феномен.

В связи со сказанным выше наиболее актуальным становится когнитивный подход, позволяющий изучать процессы получения и хранения информации о мире, преобразования информации в знание, механизм принятия решений. Главный предмет психолингвистики – процессы порождения и восприятия речи и их соотношение со структурой языка. Такие темы общего курса, как «Язык и речь», «Язык как знаковая система» готовят студентов к осмыслению психолингвистических проблем. Процессы речепроизводства недоступны наблюдению, изучать можно только их продукты. Конечный продукт – текст – не всегда соответствует замыслу говорящего или пишущего. Лингвисты считают, что правила речепроизводства отражаются в речевых ошибках, к которым относят паузы, колебания, исправления, повторы, замещения, оговорки.

Следует познакомить студентов с основными моделями производства речи. Первая модель связана с именами американских психологов Миллера и Хомского. Согласно этой модели, в основе высказывания лежит набор базовых предложений [13]. Вторая теория, также связанная с американской психологией, принадлежит Чарльзу Осгуду. Он выделяет четыре уровня языка: мотивационный, семантический, уровень последовательностей, интеграционный уровень [14]. Модель Л.С. Выготского, основателя культурно-исторической теории в психологии, связана с пониманием процесса речепроизводства как перехода от мысли к слову [5].

Темы «Порождение речи» и «Восприятие речи» можно назвать «зеркальными». При восприятии речи человек соотносит сказанное с действительностью и своими знаниями о ней. Опираясь на свой опыт (речевой и неречевой), реципиент осуществляет вероятностное прогнозирование, то есть выдвигает гипотезы о том, как будут развиваться события. При этом формальное прогнозирование связывают с угадыванием грамматики, смысловое прогнозирование связано с пониманием сущности явлений. Сам процесс «понимания» подразумевает превращение речи в набор смыслов, близких для реципиента. В психолингвистике для описания этих процессов применяются термины «текст», «затекст» и «подтекст». Под затекстом понимается фрагмент действительности, описанный в тексте. Подтекст – это скрытая информация, извлекаемая из текста. Подтекст возникает благодаря ассоциативности элементов текста и их способности к приращению смысла.

При изучении темы «Восприятие речи» необходимо сделать акцент на уровнях восприятия. Понимание речи характеризуется разной глубиной, разным качеством. Принято выделять три уровня понимания. Самый низкий уровень предполагает, что слушатель может сказать, О ЧЕМ ему говорили, но содержание сказанного воспроизвести не может. Второй, более высокий уровень понимания характеризуется осмыслением всего хода изложения, а также системы аргументации. Третий, высший уровень понимания, предполагает целостное восприятие высказывания, осознание мотивов речи и художественных средств, которыми пользуется говорящий. Таким образом, от понимания того, О ЧЕМ говорится, слушатель может подняться до понимания того, ЗАЧЕМ и КАК говорится.

Психолингвистике текста следует уделить особое внимание, так как этот раздел психолингвистики тесно связан с актуальными сейчас исследованиями по теории коммуникации. В психолингвистике текст рассматривается как основная единица коммуникации. Основными функциями текста являются структурирование деятельности, регулирование и планирование отношений между коммуникантами. Текст представляет собой сложный знак, охватывающий большое количество

факторов внешней среды. Реальность событий не является обязательной для текста. Художественный текст часто включает в себя несуществующие миры, сочетающие в себе реальность и фантастику. Именно в силу своей неоднозначности текст может интерпретироваться по-разному. Продуктивным является рассмотрение текста в динамике создания и восприятия. В связи с этим особую важность приобретают такие показатели текста, как эмотивность, прецедентность и наличие в нем смысловых пропусков.

Необходимо ознакомить студентов с так называемой трехфазной моделью производства текста. На первом этапе коммуникант обдумывает программу высказывания. В соответствии с замыслом и позицией говорящего определяется семантическая наполненность текста, эмоциональные и интеллектуальные оценки происходящего. Вторая фаза представляет собой реализацию замысла с помощью языковых средств. Третья фаза, фаза контроля, предполагает коррекцию вербализации замысла.

Проблема восприятия текста заслуживает особого внимания. Текст воспринимается не целиком, а частями, которые впоследствии стыкуются друг с другом. В итоге читатель осмысливает общий концепт текста, результатом этого процесса становится проекция текста в смысловое поле реципиента.

Следует обратить внимание будущих психологов на проблему пересказа текста, с помощью которого можно обнаружить личностно значимые знания индивида. Понимание текста включает в себя такие составные части, как анализ, оценка и сравнение. На понимание поступающей информации оказывают влияние предшествующие знания реципиента и личностные мотивы.

Знакомство студентов с культурологическим направлением в психолингвистике предполагает лекцию по теме «Язык и культура нации» и практическое занятие, на котором обсуждаются проблемы понимания реципиентом одной культуры текстов, созданных в другой культуре. Проблема межкультурных связей является одной из самых актуальных для многих гуманитарных наук. Выявление этнодифференцирующих признаков предполагает выделение ценностей, норм, исторической памяти, религии, национального характера, но главным этноопределителем является язык. У всех письменных народов основой культуры является язык. Лингвисты отмечают важность для индивида ощущения своей принадлежности к определенной этнической общности через общность языка. При этом иногда сам язык индивидом не используется для коммуникации, но его символическая роль в сознании личности не может быть ничем заменена.

Язык как фактор этнической идентичности является объектом исследования для многих гуманитарных наук: социолингвистики, социопсихологии, этнопсихолингвистики и других дисциплин. В качестве предмета исследования могут выступать социолингвистические стереотипы, речевые маркеры т.п. Роль языка в межэтнических отношениях, предпочтение родного или чужого языка в семейном общении являются важными факторами этнической самоидентификации. Особенно актуальными являются эти исследования для полиэтнической среды. В современном мире, где происходят активные процессы миграции, исследования межкультурной и межъязыковой коммуникации приобретают политическую остроту. Исследователи отмечают, что в полиэтнической среде возможны три варианта речевого поведения. В первом случае индивид выбирает идентификацию со своей языковой средой, оставаясь чужим для новой культуры. Во втором случае он стремится полностью ассимилироваться с новой для него культурой посредством языка, что неизбежно ведет к принятию обычаев, традиций и даже религии. Возможен и третий вариант: бикультурация и билингвизм. Такие люди являются посредниками между культурами, своеобразным связующим звеном между ними. Люди, не принявшие ни одну из трех моделей, испытывают чувство беспокойства, неопределенности, смятения и демонстрируют неадекватное речевое поведение в полиэтнической среде. Язык является своеобразным регулятором поведения в полиэтническом обществе, направляет социальную и индивидуальную жизнедеятельность человека.

Особое внимание, с нашей точки зрения, следует уделить проблеме автор – текст – читатель. В современной психологии категория «взаимодействие» считается базовой. Исследуются

различные формы взаимодействия: непосредственное и опосредованное, частное и публичное, формальное и неформальное и т.д. Коммуникация между автором и читателем является специфической формой взаимодействия, в процессе которого происходит передача информации в форме специфических знаков. В художественном тексте присутствуют сложные знаки и символы, образующие образный строй текста. В работе «Психология искусства» Л.С.Выготский обосновывает мысль о том, что задачей психолога должно быть изучение эстетической реакции читателя на текст.

Основы психолингвистики художественного текста заложили в филологии В. Фон Гумбольдт(6), в психологии – В.Вундт (4). В своей известной работе «Психология искусства» Л.С.Выготский отграничил психологию искусства от литературоведения и искусствоведения. Главной задачей психологии искусства по Выготскому должно быть изучение эстетической реакции, вызываемой текстом. В философских работах Ю.М.Лотмана (9) и М.М.Бахтина (1) обосновывается мысль об особом виде коммуникации, то есть коммуникации автора и читателя, представляющей собой разновидность диалога. Необходимость изучения этого диалога психологом вызвана не только чисто научными задачами на стыке филологии и психологии. Если психолог научится понимать смысловые поля реципиента и воздействовать на них с помощью смысловых полей текста, возможно будет активное использование текстов в психотерапевтических целях. Такие направления в современной психологии, как арттерапия, сказкотерапия приобретают все большую популярность.

Необходимо познакомить студентов-психологов с механизмами восприятия художественного текста. При восприятии художественного текста происходит расшифровка специально созданной информации. Художественное восприятие обладает специфическими характеристиками, поскольку реципиент не только декодирует содержание текста, но и испытывает эстетическое воздействие. При восприятии художественного текста действуют механизмы идентификации читателя с персонажем, происходит подключение личного опыта читателя. Каждый читатель, обладая специфическим уровнем знаний о действительности, жизненным опытом, навыками и умениями, воспринимает художественный текст на своем уровне. Выделение этих уровней понимания текста является одной из важных задач современной психолингвистики.

Процесс понимания художественного текста предполагает сотворчество, как считает Г.С. Костюк (7), при котором устанавливаются связи между прежними знаниями читателя и новым знанием. Этот процесс сопровождается эмоциями, появлением чувственных образов, ассоциациями. Способствуют пониманию процессы эмпатии, при которых реципиент активно откликается на эмоции автора, присоединяется к ним. С другой стороны, процессы стереотипизации препятствуют пониманию, так как реципиент ищет для объяснения другого (например, персонажа) стандартные объяснения, готовые схемы.

Знакомство студентов с основными концепциями понимания текста поможет осмыслению механизмов понимания текста. Принято выделять две категории концепций понимания: герменевтические и антигерменевтические. Странники герменевтических концепций придерживаются точки зрения, согласно которой в художественном тексте всегда есть элемент недосказанности, а значит художественный текст до конца непостижим. Ф.Шлейермахер, основоположник этой концепции, считал, что понимание текста есть диалог интерпретатора с автором, при котором происходит интеллектуальная реконструкция смысла. Антигерменевтические концепции представляют процесс понимания художественного текста как создание модели познаваемого объекта (текста), в которой будут описаны динамические свойства объекта, связи между элементами его структуры.

В психолингвистике текста особая проблема связана с информационным воздействием. Под влиянием текста могут происходить изменения в когнитивной сфере читателя, которые могут привести к изменению в эмоциональной и поведенческой сферах. В эмоциональной сфере воздействие художественного текста связано как с содержательной, так и с формальной его стороной. Так, повтор определенных звуков может вызывать ассоциации, связанные с картинами природы. В зву-

чащем тексте важными средствами воздействия становятся темп речи, интонация, высота тона, тембр.

Жизнь текста в социуме, его влияние на современников и потомков вызывает особый интерес исследователей. Важными факторами воздействия на читателя являются социальная наблюдательность автора, переживание им конфликтов эпохи, социальный интеллект.

Нам представляется важным познакомить студентов с работами современных психолингвистов, занимающихся восприятием художественного текста. Н.В. Сапрыгина в своей монографии (11) выделяет пять уровней читательской активности. Нулевым уровнем активности она считает такой, при котором читателя нельзя назвать читателем, то есть у реципиента не выработаны навыки чтения и понимания художественного текста. К первому уровню активности можно отнести читателей, способных реагировать на художественный текст исключительно эмоционально. Если читатель способен сопоставить содержание книг с содержанием жизни, можно предположить, что он поднялся на второй уровень. Третий уровень читательской активности назван креативным и предполагает, что читатель обладает творческими способностями и может сочинить собственное произведение. Четвертый, самый высокий уровень читательской активности, Сапрыгина связывает со способностью критически оценить прочитанное. Нам представляется дискуссионным такой подход к исследованию читательской активности. Так, способность создать собственное произведение едва ли можно связывать со способностью к пониманию смыслов, заложенных в художественном тексте.

Семантико-смысловой анализ текста представляет собой основу психолингвистики художественного текста. Значение слова в индивидуальном сознании личности представляет собой конструкт, в котором заполнение ячеек схемы происходит относительно произвольно. Именно этот факт и дает свободу интерпретации. Понимание значения слова может быть представлено в виде «волны» (Сапрыгина), где человек постепенно поднимается от конкретных ощущений до высокой степени абстракции. Выделяют смыслы нескольких уровней. Первый уровень связан с представлениями индивида о реальности, обозначаемой словом. Смыслы второго уровня связаны с мотивами и намерениями автора. Незашифрованные смыслы третьего уровня представляют собой мораль, вывод из текста. Скрытые, зашифрованные подтекстовые смыслы, обращенные к подготовленному читателю, представлены на четвертом уровне. В целом понимание смысла представляет собой текст, в котором заполнены как денотативный, так и коннотативный блоки. Связь этих двух блоков обеспечивает коммуникативную значимость текста.

После знакомства с теорией психолингвистического анализа художественного текста необходимо закрепить полученные знания на практике. Для этого студентам предлагаются темы для выполнения творческих работ. Темы должны содержать широкий спектр авторов, представляющих разные исторические эпохи, а также разные жанры прозы и поэзии, чтобы студент, опираясь на свой читательский опыт и литературные вкусы, мог выбрать для себя материал, который кажется ему близким, интересным и психологически важным.

Методологически важным является выявление степени понимания инокультурного текста. Главными факторами являются: размер культурологической дистанции между культурами, объем знаний реципиента, цель восприятия текста. Рекомендуются также проведение учебной дискуссии по обсуждению связей между языком и мышлением. В рамках данной темы можно познакомить студентов с некоторыми видами психолингвистических экспериментов.

Поскольку учебный материал, связанный с психолингвистикой, приходится ограничивать в силу нехватки учебных часов, многие темы рекомендуются для самостоятельного изучения. Предлагаем следующие темы рефератов:

1. Язык человека и язык животных.
2. Дети-Маугли.
3. Гипотезы о происхождении речи.
4. Внутренняя речь как инструмент мышления.

5. Вероятностное прогнозирование при восприятии речи.
6. Психолингвистические особенности восприятия речи.
7. Текст как высшая единица речемыслительной деятельности.
8. Особенности рекламного текста с точки зрения психолингвистики.
9. Изучение политического текста как психолингвистического феномена.
10. Способы воздействия на индивида с помощью суггестивного текста.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа / М.М.Бахтин // Эстетика словесного творчества: Сб. избр. трудов / М.М. Бахтин; Примеч. С.С.Аверинцева,
2. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики // М. 1999.
3. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. – М., 1987.
4. Вундт В.М. Очерки психологии / В.М.Вундт; Пер. с 10-го и 9-го нем. изд. Д.В.Викторова // М.: Книж. изд-во. 1912.-xiv. 300 с.
5. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский; [Соврем. гуманитарный ун-т] // М.: Изд-во Соврем. гуманитар. ун-та. 2001. 209 с.
6. Гумбольдт В.К. Избранные труды по языкознанию / В.К. Гумбольдт; Пер. с нем., под ред. и с предисл. Г.В.Рамишвили // М.: Прогресс. 1984. 397с.
7. Костюк Г.С. О психологии понимания / Г.С.Костюк //Избранные психологические труды/ Г.С.Костюк; Под ред. Л.Н. Проколиенко; АПН СССР // М.: Педагогика. 1988. с. 195 – 228.
8. Леонтьев Д.А. Произведение искусства и личность: психологическая структура взаимодействия / Д.А.Леонтьев // Художественное твор. 320 с.
9. Леонтьев Д.А. Искусство и психология: [Сб. ст.] / АН СССР, ВИИ искусствознания м-ва культуры СССР; [Отв. ред. А.Я.Зись, М.Г.Ярошевский] // М.: Наука. 1991. с. 109- 170.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман; Тартус. ун-т // М.: Яз. рус. Культуры. 1999. XIV,[2]. 447с.
10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики // Смоленск. 1997.
11. Сапрыгина Н.В. Психолингвистика художественного текста. Коммуникация автора и читателя // Одесса «Астропринт». 2012.
12. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие // Воронеж. 2001.
13. Хомский И. Язык и мышление // М. 1972.
14. Charles E.Osgood. Psycholinguistics. Cross-Cultural Universals and Prospects for Mankind. Praeger Publishers. 1988.